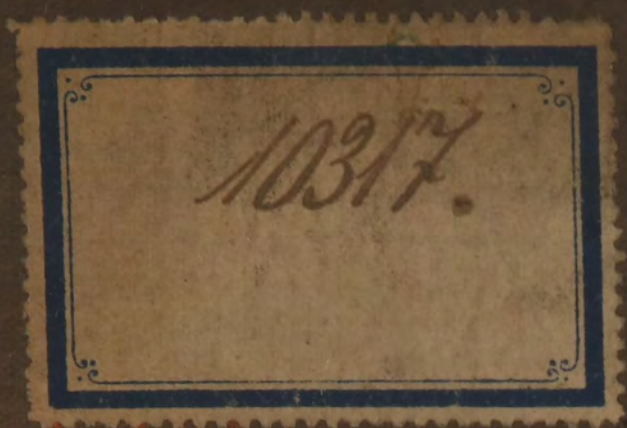

10317.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
IX.

10317

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПИЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРКАСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕВУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, БИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портиретовъ и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлено было
въ Цензурный Комитетъ надлежащее количеспво экзем-
пляровъ. Москва, Мая 9-го дня, 1837 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65933

1837

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Океанія: (Малезія) острова Тиморъ, Борнео, Ява; Австралія (Новая Голландія), Новый Южный Валлисъ.

БЕОГРАД

ИЗДАВАЧ

НАСТАВНИК

ОРЕШНИК (Милорад) и ОРЕШНИК (Милорад) и ОРЕШНИК (Милорад)
ОРЕШНИК (Милорад) и ОРЕШНИК (Милорад) и ОРЕШНИК (Милорад)

ГЛАВА LXXXVI.

МАЛЕЗИЯ. — ОСТРОВЪ ТИМОРЪ.

Сива наша оспавила Амбоинскую гавань 10-го Сентября. Послѣ нѣсколькихъ упесовъ и низкихъ оспровковъ, копорыми усѣяно здѣшнее море, мы пошли около оспрова *Тимора*, и на слѣдующій день оспановились въ главномъ его заливѣ, *Купангскомъ*, извѣспномъ шакже подъ именемъ *Бабаоскаго*. Эпо обширная впадина, кажешся, неменѣе 5, или 6 льѣ углубленія, при 3-хъ, или 4-хъ ширины. Открышая къ западу, она безопасна шолько съ начала Мая до конца Октября. По мѣрѣ шого, какъ углубляешся во внушренность эпого бассейна, земля высипся и выдвигается амфитеатромъ. Берегъ развивается по немногу очеркомъ зеленѣющихъ приморьевъ, покрытыхъ кустарниками, изъ коихъ выспавляющся купы великолѣпныхъ кокосовъ. Голландская крѣпость *Конкордія*, съ своими спѣнами, и налѣво небольшое Малайское селеніе, раздѣляемое рѣчкою,

дополняютъ картину, удовлетворяющую зрѣніе общностью и подробностями. По срединѣ залива находится низкій островъ, именуемый *Кеа*, окруженный подводными камнями; онъ необитаемъ, какъ равно и два другіе острова, *Тикуръ* и *Буру*, находящіеся на В. отъ мыса *Пакула*, въ Ю. В. части залива.

Должно еще замѣтить широкую груды коралловъ, извѣстную у Малайцовъ подъ именемъ *Меники*. Черезъ полчаса послѣ нашего прибытія, ялъ бригга былъ уже у пристани Конкордійской крѣпости. Со стороны моря крѣпость эта имѣетъ природную ограду утесовъ, а съ сухаго пути у нея стѣна, защищающая ее отъ всякихъ нападеній суземцовъ. Но расположеніе мѣстное легко можетъ покорить ее высадкѣ хорошо устроеннаго войска. При большомъ приливѣ можно выйдти подлѣ самой крѣпости, въ бухтѣ, находящейся у входа въ заливъ. При маломъ приливѣ надобно пристать къ приморью. Раздѣляемый на двѣ части рѣкою, черезъ него протекающею, Малайскій посадъ имѣетъ сообщеніе между двумя рѣчными берегами по мосту, деревянному, но прочно построенному. Голландская крѣпость отъ него на западъ, а Китайскій посадъ на востокъ. Сопни съ двѣ домовъ, шамъ и сямъ, безъ порядка, безъ всякаго плана разбросанныхъ, составляютъ Малайское отдѣленіе. Почти всѣ они построены изъ дерева, либо изъ пластинъ бамбука, и состоятъ изъ одного этажа, возвышеннаго двумя ступеньками отъ земли. Внутренность посада такъ же въ зелени, какъ будто лѣсъ и поле. Мангліеры и

огромныя Баніанскія фиговыя деревья образуютъ свѣрхъ каждой улицы непроницаемыя листвяныя своды. Отъ этого происходишь для домовъ по обѣимъ сторонамъ улицы усладительная свѣжестъ, неоцѣненная благодать въ экваторной полосѣ земель.

Два дня могли мы посвящать на обозрѣніе Тимора. Нашъ эстафетный бригъ едва давалъ время пассажирамъ своимъдохнуть береговымъ воздухомъ. Надлежало довольствоваться тѣмъ, что Купангъ и его побережье представлятъ самаго любопытнаго, а въ остальномъ ограничиться описаніями, какія одинъ за другимъ составляли Перонъ, Гогендорпъ, Фрейсине. Съ первой прогулки нашей во внутренность земли, мы должны были сожалѣть, что у насъ мало времени для обозрѣнія областей, столько богатыхъ прекрасною расписательностью. Величественныя пальмы, кольчатые ареки, съ ихъ красивыми плюмажами, только въ промежуткахъ позволяли видѣть весь ландшафтъ, но что успѣвали мы разглядывать, то состояло изъ восхищительныхъ и различныхъ положеній. Въ самыхъ окрестностяхъ посада, на долину болѣе открытой, замѣтили мы Малайское кладбище, составленное изъ маленькихъ каменныхъ памятниковъ, въ родъ Римскихъ тумуловъ. Форма ихъ, казалось, различается смотря по важности покойника. Тутъ составляла она чешыреугольную, сверху срезанную пирамиду, съ внутреннимъ сводомъ и съ чешырьмя пирамидками (pyramidions) по угламъ; здѣсь памятникомъ былъ просто камень, съ кольцомъ посрединѣ; далѣе являлся родъ площадки, составленной изъ двухъ

усшуповъ, съ какимъ-то украшеніемъ сверху, изъ камней, загибаясь на углы; индъ проспая хижинка, съ дверью по срединѣ, возвышала свои наклоненныя кровельки, а еще опдѣльно, на холмѣ, объемля большое проспранство, представлялся взорамъ квадратный голбецъ, изъ камней, съ огромными конпрофорсами, чшобы придашь ему пѣмъ большую прочностъ.

Всѣ окреспности Купанга украшены огородами и садами, большею часпью расположенными по берегамъ рѣки. Сюда богатые жштели Купанга удаляющся для скрытія себя опъ прибрежныхъ жаровъ. Принятые въ одномъ изъ шакихъ убъжищъ, мы долго удивлялись всему, что шупъ собрано прелестей природы и прихотливыхъ удобствъ роскоши. Мѣсшечко это находилось въ прелестной долинѣ, около льѣ распояніемъ опъ города. Множесство деревьевъ, одни обремененныя цвѣтами, другія плодами, облагоуханный воздухъ, вода, журчавшая и скользившая по гранишнымъ шесамъ, въперокъ шелесшвшій между лисшьями, воркованье горлицъ, крики попугаевъ и плъшивыхъ *калао*—все способствовало прелести этого очаровашельнаго уединенія. Рѣка, огороженная занавѣсами высокихъ бамбуковинъ, походила на залу купальни, гдѣ владѣтели окреспностей нѣжались въ долгіе часы зноя. Послѣ купанья цѣлымъ семействомъ, они ложащся на рогожки, въ пѣни померанцовыхъ и шамариндовыхъ рощей. Тутъ, съ бешелемъ во рпу, сибариты Тиморскіе засыпающъ, обмахиваемые молодыми невольницами, защища-

ющими дремону ихъ опъ докучныхъ насѣкомыхъ, при пособіи лапаньеровыхъ опахалъ.

Домъ, который пригласили насъ послѣ того посѣпшпъ, расположенъ въ концѣ длинной аллеи, параллельной съ рѣкою. Аллея къ дому явилась намъ широкая и усыпанная пескомъ; она примыкала къ пруду, четверугольному и наполненному превосходною рыбою. За стѣмъ увидѣли мы широкій переспиль, поддержанный колоннами, верхъ котораго образовывалъ родъ Кипайскаго кіоска, живописнаго и красиваго. Потомъ слѣдовалъ дворъ, и наконецъ самый домъ, окруженный двумя рядами вѣшнихъ галерей, съ поломъ и красивыми проспективными спульями. Садъ и домъ, со всѣми его принадлежностями, составляли обшпалпще богатой Малайки, вдовы одного изъ пуземныхъ владѣтелей. Это была женщина уже спарая, нѣсколько пучная, но не посперявавшая опъ того ни благородства, ни величія. Одѣшая богатыми передниками, она вышла къ намъ съ полпою молодыхъ дѣвушекъ, покрытыхъ бѣлыми шканами и съ волосами заплепнными на верхушкѣ головы. Нѣсколько невольниковъ, въ бѣлыхъ курпкахъ и шароварахъ, казалось, ожидали только приказа для начатія услугъ. Едва только съли мы въ галереѣ, посреди деревьевъ, цвѣшовъ, журчащихъ и бьющихъ водъ, всѣ невольники и невольницы засуспились объ угощеніи, которое слѣдовало намъ предложить. Оно было принесено такъ скоро, что походило на волшебство. Сахарныя закуски на Кипайскихъ подносахъ, чай, конфекшы, плоды, эссенціи, въ одно мгновение обнесли всѣмъ госпамъ, между стѣмъ

какъ царица дома, владѣтельница этого истинно-царскаго увеселительнаго жилища, распоряжала всѣмъ, съ самою вѣжливою заботливостью.

Послѣ угощенія, насъ поподчивали различными увеселеніями. Молодыя дѣвушки явились въ прелестномъ костюмѣ; черные, намащенные ихъ волосы, собранные на головѣ *à la grecque*, поддерживались золотыми булавами; въ легкихъ передникахъ своихъ, упадавшихъ до половины ногъ, живыя и проворныя, онѣ подобились воздушнымъ сифидамъ. Молодые невольники, стройные и красивые, смѣшались съ толпою дѣвушекъ, и праздникъ начался, сперва пѣніемъ, потомъ плясками. Пѣніе, медленное и однообразное, одушевляла какая-то гармонія, проникавшая въ душу. Пляска женщинъ состояла изъ прелестныхъ оборошовъ, гдѣ выказывались роскошныя и гибкія формы тѣла. Пляска мужчинъ была въ военныхъ пантомимахъ, примѣрныхъ бипвахъ, иногда переходившихъ въ какую-то дикость. Мы видѣли потомъ Тиморскій турниръ на лошадяхъ, гдѣ соперники гнались одинъ за другимъ во всю прыть, успремивши впередъ копья, оспанавливаясь и увертываясь въ ту мину, когда ударъ былъ неизбеженъ и ужасенъ. Спраненъ и спрашенъ видъ Тиморскихъ всадниковъ, когда они на прекрасныхъ лошадяхъ, складомъ своимъ напоминающихъ знаменитыхъ лошадей Арабскихъ, въ бѣлой, волнующейся по вѣтру курткѣ, обвернувши голову плашкомъ, изъ подъ кошораго выюпся длинныя косицы волосовъ, съ руками, перепутанными въ кольцахъ, съ копьемъ въ одной, съ щипомъ въ другой рукѣ, сжимая но-

гами коня, ища соперника, убѣгая опѣ него, спалкиваясь съ нимѣ, взмахивая другѣ на друга копьями, мчатся по аренѣ! Послѣ всадниковѣ явились Омбайскіе дикари, съ сосѣдняго оспрова, снабжающаго Тиморѣ рабами.

Эпи люди одѣшы были въ коспюмахѣ своей спороны. Волосы ихѣ, взбишые на головахѣ пуками, на подобіе Океанійцевѣ, украшающіяся съ верху въпшвами напороти, въ видѣ эгретовѣ; грудь и спину защищаютѣ двойной щипѣ, въ видѣ кираса, между пѣмѣ какѣ лѣвою рукою держатѣ они прешій щипѣ. Съ переди щипѣ оканчивается къ горлу ошейникомѣ, а у задняго къ верху щипокѣ, охраняющій опѣ внезапнаго удара; у щипа въ рукахѣ вырѣзка, чпобы зрѣнію оспаватѣся свободнымѣ, когда припомѣ лицо сражающагося защищено. Одинѣ изѣ Омбайцовѣ былѣ вооруженѣ Малайскимѣ кинжаломѣ, или *кри*, а другой копьемѣ съ зубцами. Быстро успремлялись сражавшіеся другѣ на друга, угрожая поразитѣ одинѣ другаго и увершываясь опѣ ударовѣ. Эпи военныя игры вдругѣ переходили изѣ одиночнаго поединка въ маленькую общую бишву, военные маневры. Сдвинувшись въ два ряда, войны изображали людей, тихо идущихѣ на опкрышіе непріятеля. И вдругѣ, какѣ будто они опкрыли его, съ воплемѣ всѣ успремлялись впередѣ, производя смѣшенныя и продолжительныя клики.

Насупилѣ вечерѣ, и мѣсто праздника освѣпили огнями. Спо зажженныхѣ факеловѣ держали невольники, какѣ будто неподвижныя канделабры, вокругѣ спѣнѣ залы. Музыка усилилась, и состояла уже изѣ

50-ти, или 60-ти гумгумовъ и шамшамовъ, далеко разносившихъ свою грозную гармонію. Танцовщики явились снова, съ коропками передниками, безъ оружія, безъ щиповъ, украсивши головы и ноги лиспьями лапаньера и цвѣтами малаши. Разнообразно плясали они при громъ оркестра и хоръ присутствующихъ. Родъ балетмейстера устанавливалъ ихъ пляску, то ускоряя, то замедляя мѣру. Эти новыя пляски изображали охоту и разныя гимнастическія упражненія. Движенія были медленны, но такія кривлянья ихъ сопровождали, что вскорѣ плясуны задохлись и покрылись потомъ. Въ междудѣйствіяхъ молодыя невольницы, одѣшныя въ синихъ и красныхъ передникахъ, подносили намъ на большихъ пласто разные плоды, сахарную спряпию, чай, ликеры, щегольски разспавленные въ корзинкахъ.

Приглашенные на праздникъ, окрестные раджи прибыли довольно поздно, съ своими подругами, между копорыми можно было замѣшпть прелестныхъ женщинъ. Всѣ эти раджи были красивые мужчины, съ важнымъ видомъ, одѣшныя въ плашья съ разводами и цвѣтами. Каждый сидѣлъ на камышевомъ спулѣ, имѣя передъ собою маленькій споликъ, на которомъ спояла коробочка съ бешелемъ и арековыми зернами. Сзади каждаго были его подчиненные, свипа, изъ людей опряшно одѣшыхъ, съ длинными пиками въ рукахъ, подъ начальствомъ майордома, котораго легко было разпознашь по палкѣ съ серебрянымъ шарикомъ, доказательствомъ власпи его повелишеля. Наконецъ, по споронамъ у раджей, на сѣдалищахъ гораздо ниже, находились жен-

щины, полузакрытыя, по случаю праздника вышедшія изъ своихъ гаремовъ. Женщины знашнѣе были закрыты гораздо тщательнѣе проспыхъ невольницъ. Передникъ, сходявшій у нихъ до самыхъ ногъ, былъ прикрытъ еще длиннымъ плащемъ, ниспадавшимъ до половины ногъ и застегнутымъ на поясъ золотыми булавками. Все это было надушено эссенціями и пахучими маслами. Опъ плащевъ вѣяло бензуюмъ и сандалнымъ деревомъ. Кромѣ того, женщины жевали даже *какъудетъ*, придающій дыханію пріятный запахъ. Спрасъ къ благовоніямъ проспирается до того у здѣшнихъ женщинъ, что онѣ успилаютъ пошели свои пахучими цвѣтами, выютъ изъ нихъ вѣнки, ожерелья, запястья. Не только украшеніе составляютъ у Малайцовъ цвѣты, но образуютъ еще особенный нѣмой языкъ. Въ манеръ, какимъ завязанъ цвѣпокъ, или листокъ бешеля, есть значеніе, извѣстное въ языкъ любовниковъ.

Мы оставили наконецъ увеселенія, доспойныя Тысячи одной ночи, уже поздною ночью. Когда настало время прощаться съ хозяйкою, придцать ея служителей опдѣлились опъ другихъ, взяли новые смолистые факелы, и образуя изъ себя два свѣщаще ряда по дорогъ, провожали насъ такимъ образомъ до Купанга.

Впрочемъ, только эпимъ и ознаменовалось пребываніе наше въ здѣшнемъ заливѣ. Мы не могли, какъ хотѣлось-бы намъ, слѣдовать дорожнику Перона во внутреннія области Тимора, и повѣрить справедливостъ его замѣчаній, вообще носящихъ характеръ

романическій. Вотъ крапкій очеркъ того, что кажется положительнымъ въ его изслѣдованіяхъ:

Въ С. З. части Тимора находится Португальское заселеніе *Делли*, гавань на югъ оспрова *Камби*, куда проходъ довольно опасенъ. *Манатати* также Португальское заселеніе, въ 80-ти миляхъ отъ Делли, и, вѣроятно, то самое, которое Дампьеръ означалъ подъ именемъ Купанга. Гавань *Сикаколе* еще заселеніе на этомъ берегу, подверженное опасности отъ С. вѣтровъ, и съ труднымъ входомъ.

Въ милѣ на В. отъ Купанга, въ окрестностяхъ его обширнаго залива, находится *Оба*, красивое мѣстечко, за которымъ слѣдуетъ песчаная долина, весьма обширная, называемая *Passer Panguian*, и продолжающаяся до устья рѣки *Осана*. За тѣмъ являющіяся *Калапра*, *Лима*, и наконецъ *Осана-Китиль*, важное заселеніе, противъ котораго простираются на морѣ два низкіе оспрова, покрытые пальмовыми. Дорога идетъ попомъ среди прелесныхъ кокосовъ, увѣнчанныхъ лианами, до *Осапа-Бессасъ*, населеннаго 400 жителей, между коими считается нѣсколько *Кипайцовъ*. Перейдя сію точку, находите дорогу уже не столь неровную. Тутъ встрѣчается *Нонсуисъ*, гдѣ разводятся прекраснѣйшихъ и самыхъ быстрыхъ здѣшнихъ лошадей. Бродя днемъ на свободѣ, онѣ бѣгутъ вечеромъ въ конюшню по голосу паспуха своего, и эти коноводы сущіе ценпавры, ѣздящіе безъ узды и сѣдла. Далѣе находящіяся: *Меники*, съ 300-ми жителей; ручьи *Таруссъ* и *Паннефенои* (последній почищается священнымъ, по причинѣ обитающихъ въ немъ кроко-

65933
 диловъ); *Нобаки* и *Панамутти*, маленькія селенія; *Цебелло*, гдѣ начинается обширная долина, идущая до горъ *Амфоа*, сѣверной цѣпи залива Купангскаго; *Бабао*, откуда идутъ болота, кончающіяся только подлѣ городка *Олинама*. Эпопъ городокъ собраніе просторныхъ и прелесныхъ хижинъ, сквозныхъ и опѣенныхъ большими деревьями. Здѣсь видѣлъ я—говоритъ Перонъ—семейства, живущія, подлѣ власпью нѣсколькихъ спариковъ, совершенно папріархальными нравами. Женщины прядутъ бумагу; мужчины плетутъ корзинки; дѣти, уже взрослые, карабкаются по деревьямъ, между стѣмъ, какъ самыя маленькія, лежа въ бамбуковыхъ люлькахъ, качаются подлѣ стѣнью расписельныхъ громадъ.

Въ Олинама, Перонъ и его поварищи убили крокодила, чучела копорого находилъ въ Музеѣ Сада Распеній (*Jardin-des-Plantes*). Крокодилъ на Тиморъ, какъ въ Египтѣ, живошное священное. Цари Тиморскіе происходятъ отъ крокодиловъ, и всѣ знашныя люди, болѣе или менѣе, родня крокодилу. Восходя на пронъ, царь приношитъ жертву свою земноводному чудовищу. Въ извѣстномъ мѣстѣ кладутъ припасы, до копорыхъ крокодилъ жаденъ, и живошное, на извѣстный звукъ, является въ эпомъ мѣстѣ. Говорятъ послѣ сего, что крокодилъ повинуется призыву царя, и торжественно показывающъ его народу. Все эпо можно назващъ невинною глупостью, но худо то, что эпомъ дѣло некончается. За пожраніемъ припасовъ слѣдуетъ приношеніе въ жертву молодой дѣвушки, копорую обрекаютъ на съденіе рѣчнымъ крокодиламъ. Убран-

ную цвѣтами и одѣтую въ лучшее плащѣ, по волѣ, или по неволѣ, влекутъ несчастную на *каибла*, мѣсто гибели, гдѣ крокодилы схватываютъ и уносятъ ее на дно рѣки. Малайцы увѣрены, что чистота нравовъ должна быть необходимымъ условіемъ для жершвы, и говорятъ, будто однажды крокодилы вынесли изъ рѣки одну молодую дѣвушку, непричинивши ей вреда, именно за несоблюденіе означеннаго условія. Пока крокодилы пожираютъ жершву свою, на берегу приносятъ въ честь ихъ рыжаго борова.

При такомъ почтеніи къ крокодиламъ, можно предсавить себѣ отвращеніе туземцовъ отъ смѣлыхъ охотниковъ, убившихъ священное чудовище въ его болописномъ царствѣ! Перонъ рассказываетъ, что по возвращеніи съ охоты, всѣ обидѣтели Бабао убѣгали отъ него и товарищей его, какъ отъ людей поганныхъ. «Царь ожидалъ насъ — говоритъ онъ — и едва увидѣлъ издали, то отправилъ къ намъ одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы засавилъ насъ положивъ подъ деревомъ, далеко отъ дворца, святопапстввенное бремя, нами несомое. Мы изумились, увидя, что всѣ любопытные, окружавшіе насъ въ теченіе двухъ прошедшихъ дней, поспѣшно бѣжали теперь отъ насъ. Самъ раджа, хотя принялъ насъ съ своею обыкновенною ласковостью, но нехотѣлъ приблизиться къ намъ, пока предварительно мы не будемъ очищены. Объ этомъ предупредили насъ и указали намъ на дупло дерева, куда должно было намъ засѣсть и вытерпѣть надлежащее по обычаю омыванье тѣла. Такая

церемонія вовсе намъ не нравилась, но избѣжать ея было невозможно. Всѣ Малайцы, мужчины, женщины, дѣти, составили кружокъ около насъ, и несмотря на правила Европейскихъ приличій, намъ надлежало раздѣться до-нага. Въ дупло могъ помѣститься только одинъ человѣкъ, и мы, я и гнѣ Лесюёръ, смѣнялись поочередно. Двое невольниковъ принесли огромные сосуды съ водою и вылили ихъ на насъ; такимъ образомъ, каждому изъ насъ досталось по 20-ти кувшиновъ. Пока насъ полоскали и очищали, одинъ Малаецъ поднялъ на длинную бамбуковину наше плащѣ, и съ величайшею оспороженностью, чтобы недопронуться имъ ни къ кому, окунулъ его въ ближнемъ фонтанѣ. Убѣдившись, что послѣ всего этого мы уже порядочно очистились, раджа выдалъ намъ большіе туземные передники, въ которые мы одѣлись. Тутъ всѣ подошли къ намъ безъ опасенія, шутя надъ новою нашею одеждою, и съ удовольствіемъ называя насъ *оранъ малайо* (Малайскій человѣкъ).»

Послѣ краткаго пребыванія въ Олинама и Бабао, Перонъ и его товарищи возвратились въ Купангъ. Тутъ болѣе вѣрныя и многочисленныя свѣдѣнія дополнили, что было въ замѣчаніяхъ его ошибочнаго и невѣрнаго.

Тиморъ находится между 8° и 11° широты южной и 121° — 124° долготы восточной. Измѣряемый по самой срединѣ, онъ являетъ протяженіе 75 миль въ длину, при 16 — 17 миляхъ ширины. Возвышенный *асоръ*, онъ представляетъ немного мѣстъ для пристанища, ибо море чрезвычайно глу-

боко даже у самых береговъ его. Западная, болѣе извѣстная спорона, имѣетъ пристани въ Купангъ, Лифао и Делли, а южная въ портъ Амакари, откуда Голландцы вывозятъ свой спроевой лѣсъ. Въ противоположность другимъ островамъ Суматрской цѣпи, протягивающимся отъ С. З. къ Ю. В., его протяженіе отъ Ю. З. къ С. В. во всю длину. Поверхность острова состоитъ изъ высокихъ, лѣсистыхъ горъ, пересѣкаемыхъ волнистыми, правильными пѣсинами. Въ южной части горная цѣпь, называемая *Анфоя* и *Фателеу*, кажется, составлена совершенно изъ известняка и мадрепоровъ. По бокамъ горъ текутъ золотоносные источники. Почва, почти вездѣ обильная, представляетъ въ разныхъ мѣстахъ мѣловыя, бѣловашыя долины, перемѣшанныя съ пучною глинистою землею (*terre glaise*), подобно *Каррусамъ* на мысѣ Доброй Надежды.

Сообразно всѣмъ междутропическимъ землямъ, на Тиморѣ два годовыхъ времени, измѣняющихся сдѣлая муссонамъ — время сухое, отъ Мая до Ноября, и время дождливое, отъ Ноября до Мая. Отъ времени до времени даютъ себя чувствовать землетрясенія, непричиняя впрочемъ опасности жилищамъ. Какъ объ явленіи природы, довольно странно, рассказываютъ о высокой горѣ въ области Аманубангской, при подошвѣ которой находится опверзніе, 10 — 12 фузовъ окружностью, откуда вылетаетъ столь сильный вѣтеръ, что къ нему подходитъ небезопасно. При постоянной перемѣнѣ сухости на влажность и обратно, климатъ, мо-

жестъ бытъ, здоровый во внутреннихъ обласпяхъ, нездоровъ по берегамъ. Поносы свирѣпспвуютъ здѣсь съ убійспвеннымъ упорспвомъ, даже между туземцами, и жестокость ихъ такова, что при дальнѣйшемъ усиленіи болѣзни, она почти вовсе неисцѣлима.

Природныя богатства Тимора многочисленны и разнообразны. Въ царствѣ ископаемомъ должно упомянуть о золопыхъ и мѣдныхъ рудникахъ, чрезвычайно богатыхъ, находящихся подлѣ Делли, Аде и Манипошо. Но, вѣроятно, что туземцы не знаютъ разработки для сего земель, и слѣдспвенно, все получаемое здѣсь количество золопа и мѣди происходитъ отъ промывки мспалмоноспныхъ рѣчныхъ песковъ. Тиморская мѣдь, смѣшанная съ золопомъ, даетъ родъ сплавки (soa), сполько-же превосходной, какъ и сославъ Японской мѣди.

Между расписпельными произведеніями первымъ должно пославить сандальное дерево, главный предметъ вывоза отсюда. За тѣмъ слѣдуютъ: бамбукъ, котораго такое обиліе, что онъ образуетъ непроходимые лѣса; лапаньеръ, листья котораго служатъ для выдѣлки парусовъ туземнымъ про, или лодкамъ; бананъ, съ его сладкимъ, мясиспымъ плодомъ; кокосъ, самое всеобщее произведение между пропиками; Китайскій померанецъ; мангіеръ, съ его плодами терпенпиннаго вкуса; пампльмуссъ, папайеръ, гранады, ашпы, жакьеры, карамболи, жамбозы, билимбины, евгеніи, замѣчательныя красотспью листьяевъ; саговое дерево, дашпы, арекъ, шамариндъ, шековое дерево, розы, акаціи, мимозы, фиği, и нако-

нецъ — казуарина и хлѣбное дерево, напоминающія еще природу Океанійскую. Все это произрастаніе принадлежишь уже центральной Малезіи, богатое, обильное, плодотворное, не исключая ничего, принадлежащаго здѣшной сторонѣ. Исчисленіе земледѣльческихъ произведеній также можетъ быть весьма обширно. Сарачинское пшено, маисъ, папашы, хлопчатая бумага, табакъ, сахарныя проспи, кофейное дерево, какао покрываютъ поля. Индиго обыкновенно на Тиморѣ, но способы приготавленія его весьма несовершенны. Возвращаютъ здѣсь также *жираумены*, *иньямы*, ананасы, арбузы, мусковую дыню. Распенія огородныя, медицинскія, ядовитыя — безчисленны.

Неменьше богато живошное царство. Нигдѣ нѣтъ такой бездны обезьянъ. Тиморцы ѣдятъ за ними на охоту, бьютъ ихъ и ѣдятъ ихъ мясо, будучи до него большіе охотники. Воспочный *филандръ*, также здѣсь весьма обыкновенный, ведетъ дѣшпелную войну съ пшицами. Его ѣдятъ пуземцы, хопя и неравняютъ мѣса его съ обезьяньимъ. Въ лѣсахъ обитаютъ буйволы и бабирусы, кангуру, летучія мыши — ужасной величины, спрашная язва огородовъ; олени, козы, между копорыми есть *мембриновая*, дающая превосходное молоко; овцы, безъ сомнѣнія, перевезенныя изъ Индіи, и покрытыя не шерстью, но волосами. Волы довольно рѣдки; лошадей множество, небольшихъ, проворныхъ и складныхъ. Во внутреннихъ лѣсахъ находящіяся дикія кошки — гибель пшицамъ, копорыхъ здѣсь тысячи родовъ — морскіе орлы, ястребы, дятлы, дикія утки, бѣлые

какаду, лори, красивые, покрытые блестящими перьями попугаи. Кромѣ крокодила, столь уважаемаго здѣсь, находится еще множество опасныхъ премыкающихся — змѣй, укушеніе копорыхъ ядовито, скорпіоновъ, тысяченожекъ, и шѣмъ болѣе опасныхъ, что они подкрадываются незамѣтно. Черепахъ обиліе около береговъ — огромныхъ (*franche*) ловящъ для мяса, копорое Малайцы почищаютъ весьма здоровымъ; другихъ добываютъ для ихъ черепа. Изъ насѣкомыхъ надобно упомянуть о бѣлыхъ мошкахъ и саранчѣ, прилетающей пучами съ юга и все опустошающей на пуши своемъ; бабочкахъ, прелестнѣйшихъ цвѣтовъ; дикихъ пчелахъ, копорыя кладутъ медъ свой въ большихъ деревьяхъ и доставляютъ превосходный воскъ, одинъ изъ обильнѣйшихъ предметовъ вывоза. Въ рѣкахъ и морѣ ловятъ вкусную рыбу, немного жемчугу, посредственной доброшты, усприць, и раковины, опѣтнѣнно красивыя. Раковыхъ породъ и черепокожныхъ находится здѣсь также весьма обильно, но всего болѣе возбуждаютъ любопытство на здѣшнемъ мадрепоровомъ берегу количество и разнообразіе живыхъ зоофиговъ (животнораспеній) — мириады, переходящія постепенно до окаменѣлостей. Всѣ утесы подводные, какъ будто раскрашены нѣжными, чистыми красками ихъ, и между всѣми отличаетъ *tubipora musica*, съ ея бахромистыми, зелеными кистями, образуя подъ волнами эти огромныя, полукруглыя массы, копорыя кажутся лугами зелени, распянутыми на коралловыхъ основаніяхъ.

Четыре племени живутъ на Тиморѣ: собственно-Тиморцы, ошродѣ Папу, или Гарфуровъ; Малайцы, занимающіе побережья, и по всѣмъ вѣроятіямъ, давшіе ошрову имя, подѣ копорымъ онъ извѣстенъ (Тиморъ, по Малайски *Востокъ*); Кипайцы, ушвердившіеся при всѣхъ Европейскихъ заселеніяхъ — насшоящіе жиды Индійскихъ морей, и наконецъ Европейцы — Поршугальцы и Голландцы.

Эши два народа сполкнулись на Тиморѣ въ началѣ XVII-го спольпія, шакъ-же, какъ сошлись они другъ съ другомъ на всѣхъ Молукскихъ ошровахъ. Бывши безспорными власшшпелями до 1613 года, въ эпошъ годъ Поршугальцы были изгнаны изъ Купанга Голландскою эскадрою. Но завоеваніе Купанга не было однакожъ полнымъ очищеніемъ земли Тиморской опъ Поршугальцовъ. Прогнанные опсюда, они основали заведеніе въ Делли, ушпроивши сверхъ того заселенія въ Бапу-Годи и Манашупши. Съ сей, споль уже опдаленной эпохи, мореплаваніе Поршугальцовъ день опо дня клонилось къ упадку и никакое новое переселеніе неподновило съ шѣхъ поръ здѣшняго опдаленнаго учасшка, шакъ, что изъ Тиморской колоніи явился родъ меписовъ, нынѣ болѣе Малайскій, нежели Поршугальскій. Въ Делли, за исключеніемъ губернашора и двухъ, либо шрехъ чиновниковъ, всѣ жшпели смѣшанныхъ поколѣній. Между Голландцами, болѣе оживляемыми посредшвомъ часшыхъ экспедицій изъ насшоящаго опешества, образовалось шакже меписское племя, но оно бѣлѣе шѣломъ и красивѣе лицомъ меписовъ Поршугальскихъ. Вообще шеперь меписское народо-

населеніе властвуешъ оспровомъ. Когда въ 1801 году, Англичане опняли Тиморъ у Голландцовъ, здѣшніе мешисы перерѣзали Англійскій гарнизонъ. Снова завладѣвши здѣшнею колоніею въ 1811 году, Англичане удерживали ее до 1814 года, когда, въ исполненіе заключенныхъ пракшаповъ, надлежало опять уступить прежнимъ владѣльцамъ.

Тиморцы складны и сильны, цвѣща чернаго и мѣднаго, съ курчавыми волосами, которые красящъ въ рыжій и черный цвѣтъ. У всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, носъ приплюснутый, отъ спранныго обычая придавливать его при самомъ рожденіи. Обычай этотъ, соблюдаемый между многими Океанійскими народами, не соспавляетъ еще всего сходства, которое замѣчаютъ между Тиморомъ и споль близкою къ нему Авспраліею. Привѣспствіе прикосновеніемъ носа, папуажъ насѣчкою, треніе шѣла (massage), какъ средство цѣлительное, обмѣнъ имени съ чужеземцомъ, котораго принимаютъ какъ друга, всѣ сіи обычаи, замѣченные и описанные нами на оспровахъ Полинезійскихъ, находяпся на Тиморѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, но пакъ однакъ, что ихъ легко распознатъ. Тиморцы одѣваются двумя шпукми бѣлой шкани, опороченной краснымъ, 4-ре и 5-шѣ фушовъ длиною каждая, при 2-хъ фушахъ ширины; у богатыхъ края вышиваются, и иногда, какъ доказательство величайшей роскоши, къ этому присовокупляютъ разные лоскутья цвѣшныя и два плашка, обвернутые около головы. Въ военное время убираются пучками перьевъ, отъ самыхъ красивыхъ пшицъ пуземныхъ.

Величайшимъ украшеніемъ считаютъ золотыя и серебряныя бляхи, и браслеты изъ раковинъ, похожихъ цвѣтомъ на слоновую кость. При торжествахъ, цари и знатные украшаютъ головы золотой повязкою, въ видѣ полумѣсяца. Непосредственные вассалы Голландцовъ носятъ большіе сюрпуки на манеръ Европейскій. Жены знатныхъ, рѣдко являясь въ публику, замѣтны золотыми и серебряными запястьями, коралловыми ожерельями, мѣдными обручами, которые надѣваютъ на руки и на ноги. Почти все шѣло у нихъ бываетъ испещрено, или испашуировано маленькими черными точками, образующими узоры цвѣтовъ. Это производится иглою, острее которой обмакиваютъ въ индиго. Находясь дома, женщины закутываются въ широкій кусокъ бумажной ткани, обвертывая его вокругъ пояса; грудь остается открытою, и ее закрываютъ только выходя изъ дома. У простолудиновъ волосы обвязываются плашкомъ, а на шѣло надѣвается передникъ, такъ, что верхняя половина его остается голою. Если на дворъ дождь, другимъ лоскутомъ ткани прикрываютъ плечи.

Многоженство на Тиморѣ дозволено. Дочери составляютъ богатство отцовъ, потому, что ихъ продаютъ, какъ въ Мугамешанскихъ земляхъ, за золото, или условленную цѣну скопомъ. Если зять не выполнитъ положенной платы, отецъ имѣетъ право взять свою дочь обратно, и даже съ дѣтьми, отъ брака происшедшими. Впрочемъ, супружества заключаются безъ дальнѣйшихъ обрядовъ: получивъ требованіе жениха и условясь въ калымъ, убиваютъ

животное, чпобы разсмотрѣть его внушренности, и если онѣ оказываются благопріятны, супружесство заключается. При мужьяхъ, жены имѣютъ не много случаевъ на шалости, но молодыя и свободныя дѣвушки оспаютъ сами себя госпожами, и на проказы ихъ не обращаютъ вниманія.

Хронологію Тиморцовъ составляютъ имена различныхъ правителей, властвовавшихъ надъ ихъ землею. Для обозначенія времени года, употребляютъ названія различныхъ жатвъ и сборокъ, копорымъ каждое изъ нихъ сопровождается: насажденіе сарачинскаго пшена и маиса, поспѣваніе плодовъ, цвѣтеніе памаринда. Иногда также, чпобы означить прошедшее время, считаютъ съ совершеннаго возраста. Если кто нибудь долженъ Тиморцу, кредиторъ нанизываетъ на нитку сколько зеренъ маиса, сколь великъ долгъ. Трезвые и терпѣливые, во время самыхъ продолжительныхъ путешествій, Тиморцы питаются только измолотымъ и поджаренымъ маисомъ. Нѣсколько зеренъ эшого мучнистаго вещества достаточны бываютъ для ихъ обѣда. За то спраннику предлагаетъ госпепріимство ихъ все, что только есть лучшаго — теплое буйволовое молоко въ огромномъ бамбуковомъ цилиндрѣ, и цѣлаго барана, изжареннаго съ сарачинскимъ пшеномъ. — Обыкновенную пищу прибрежныхъ Малайцовъ составляютъ живность, рыба, свинина, поджаренная на кокосовомъ маслѣ, и все эщо приправлено перцомъ и пряносціями.

Форма правленія на Тиморѣ довольно неуловима для понятій. То, что почиается здѣсь Царями, или

Королями, по названію Европейцевъ, суть *Раджи*, власнѣ которыхъ довольно ограничена. Всѣ они именуютъ себя близкими родственниками крокодила, священнаго ихъ животнаго. Изъ числа эпитъ раджіевъ, зависящіе отъ правительствъ Европейскихъ, подчинены формамъ, установленнымъ Голландцами. Если они дерзаютъ неслушаться, Резидентъ велитъ брать ихъ подъ стражу и отсылаетъ плѣнниками въ Батavia. Ежегодная подать, взимаемая шорженно, служитъ публичнымъ знакомъ вассальства. Исполнивъ такую обязанность, раджи могутъ собирать подати собственнo для себя, забирая ее отъ подчиненныхъ изъ сборки сарачинскаго пшена, маиса, воску и сандалнаго дерева. Не смотря на все это, раджи Малайскіе кажутся болѣе товарищами, нежели повелителями своихъ подвластныхъ. Въ образованіи здѣшней общественности есть что-то республиканское. Кромѣ немногихъ малоцѣнныхъ украшеній, только плащъ изъ песпраго индіана, и домъ лучше построенный, могутъ похвастаться опличіями властителей отъ простолудиновъ. Раджи внутреннихъ областей суть болѣе другихъ самовластны. Они могутъ претованъ къ себѣ подданныхъ своихъ, каждый разъ, когда случай къ тому представляется. Въ исправленіи правосудія имъ нѣтъ надобности въ согласіи Резидента, и они по своей волѣ наказываютъ виновныхъ, отдачею въ неволю, пенями, иногда смерщю, что впрочемъ довольно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, раджа не можетъ произнести приговора безъ соглашенія съ значными сановниками.

За неимѣніемъ наслѣдниковъ мужескаго пола, женщины въ нѣкоторыхъ обласпяхъ могутъ наслѣдовать пресполъ. Большая часть вельможъ суть потомки царскихъ поколѣній. Обыкновенно, сынъ наслѣдуетъ отцу, но рѣдко перемѣна влстителя обходится безъ смятеній. Каждый царь собираетъ особенное государственное сокровище, состоящее въ серебрѣ и драгоценныхъ каменьяхъ, что въ дни большихъ праздниковъ выставляють на поклоненіе народу. Малайцы вѣрятъ, что малѣйшая потеря изъ этихъ сокровищъ послѣдуется величайшею бѣдою для цѣлой страны. Поэтому сокровища не запираются; ихъ выставляютъ въ большихъ открытых шкапахъ, въ жилищѣ царя. — Похороны влстителей небывають, какъ просполюдинскія, просты и кратки. При первомъ извѣстіи о смерти царя, всѣ подданные бѣгутъ себѣ головы. Жены и любимицы царя показываютъ всяческіе признаки печали—ломають себѣ руки, рвутъ волосы, бьютъ себя въ грудь. Между тѣмъ приносятъ общественыя жертвы, рѣжутъ буйволовъ и свиней. Потомъ кладутъ убранный тѣло покойника на столъ среди его жилища, одѣвая его въ лучшія плащя, покрывая золотыми бляхами, цѣпами и ожерельями, и оставляя такимъ образомъ на два дни, проводимые въ раздирающихъ душу сѣтованіяхъ. Въ это время вырубаютъ въ ближнемъ лѣсу большую колоду, въ которой можно-бъ было выдолбить мѣсто, достаточное для помѣщенія трупа, со всеми его украшеніями. Когда положатъ трупъ со всемъ этимъ въ колоду, отверстіе заливается gumмою, и эшотъ

новый родъ муміи несутъ въ ближній домъ, гдѣ должна она оставаться, пока соберутъ сумму, необходимую для совершенія похоронъ, весьма значительную, такъ, что нерѣдко покойникъ долженъ оставаться при, четыре года, даже пять лѣтъ непогребеннымъ въ своей колодѣ. Но едва соберется требуемая сумма, отправляется похоронная церемонія. Ближніе цари присылаютъ женъ своихъ плакать и сидѣть у гроба, вмѣстѣ съ женами умершаго собрата. Церемонію начинаютъ споромъ между хранительницами гроба, и носильщиками, которые хотятъ нести мершвеца. Но послѣ сопровивленія, весьма краткаго, женщины уступаютъ, и гробъ опускается въ могилу, иногда споймя, если склепъ сдѣланъ въ видѣ колодца, лицомъ, или головою, всегда къ востоку. Подлѣ оставляютъ сарачинское пшено и пинанги, убиваютъ буйволовъ, лошадей, собакъ. Обрядъ кончится подарками присутствующимъ; народу раздаютъ сарачинское пшено, а начальникамъ золотыя бляхи. Чиновники Голландскіе рѣдко пропускаютъ случай быть на царскихъ похоронахъ.

Предпринимая какую-либо войну, Тиморцы приносятъ въ жертву животныхъ и разсмаприваютъ послѣ того ихъ внутренность. За симъ выступаютъ въ полѣ, производя ужасный крикъ и прубя въ буйволовые рога. Передовой отрядъ составляетъ изъ воиновъ, одѣтыхъ въ козлиныя кожи съ длинною черною шерстью, и называемыхъ *орангъ-браани*; ихъ легко различить по гремушкамъ, которыхъ тѣмъ болѣе бываетъ на нихъ, чѣмъ болѣе убили они непріятелей. Война начинается грабе-

жемъ, опустошеніемъ и убійствомъ. Головы убитыхъ непріятелей складываются въ кучу; побѣдители пляшутъ и поютъ окрестъ ихъ, спрашивая между шѣмъ по временамъ у своихъ убитыхъ враговъ, что побуждало ихъ на непріязнь. Нѣкопорыя наблюдатели увѣряютъ, будто на пирахъ, даваемыхъ въ случаѣ побѣды послѣ битвы, яростъ доводитъ иногда даже до чловѣкоядства. Послѣ безумнаго веселья, приносятъ буйволовъ и свиней въ честь убитыхъ враговъ, высушиваютъ непріятельскіе черепа и украшаютъ ими общественный домъ, обширное, покрытое зданіе, находящееся подлѣ хижины царской, и на случай войны обнесенное стѣной изъ кольевъ и терновника, защищающей его отъ всякаго непріятельскаго нападенія.

Мелисы, образующіе смѣшенную породу на Тиморѣ, составляютъ самое богатое и образованное отдѣленіе жителей острова. Они робки при первомъ знакомствѣ, но между шѣмъ крошки, добры, гостепріимны, ровнаго характера и любящаго сердца люди. Происходя отъ смѣшенія Европейцовъ съ туземцами, они разнятся въ цвѣтъ кожи, смотря по степени смѣси. Рано предаваемые заботамъ Малайскихъ невольниковъ, рѣдко бываютъ они хорошо образованы. Воспитаніе большей части ихъ ограничивается чтеніемъ, письмомъ, умѣньемъ считать свои деньги. Жилища богатыхъ креоловъ просты, но удобны, съ замѣною роскоши опрятствомъ; они окружаются деревьями, дѣлясь на множество комнатъ, и иногда освѣжаются текущею водою. Тупъ хозяинъ дома проводитъ большую часть дня, сидя на

своей рогожкѣ, куря табакъ, пережевывая бешель. Жена и дѣти сидятъ вокругъ него, и занимаются плетеньемъ бездѣлокъ изъ соломы сарачинскаго пшена, или лапаньеровыхъ лиспьевъ.

Ремесленные упражненія Тиморцовъ состоятъ почти единственно въ постройкѣ лодокъ и судовъ. Они сооружаютъ *шампаны*, или *сампаны*, могущіе поднимать до 100 тоннъ груза, но между тѣмъ ничтожные по постройкѣ, и иногда опрокидывающіеся, когда идутъ подъ парусами. Якори дѣлаются деревянные, буи бамбуковые, канаты рапиновые, либо изъ гривы, а снасти также изъ гривы, или кокосовыхъ волоконъ. Меньшихъ размѣровъ шлюпки, или *про*, бываютъ гораздо прочнѣе большихъ. Ихъ дѣлаютъ съ палубою и открытыя. Къ бамбуковой мачтѣ привѣшиваютъ парусъ, фигуры трапезонда, сдѣланный изъ лиспьевъ лапаньера. Длинные бамбуковыя весла оканчивающіяся деревяннымъ кружкомъ, около фута въ діаметрѣ, и служатъ средствомъ для плаванія въ безвѣтріе, или въ сильную погоду. Малыя лодки бываютъ различныхъ родовъ, съ перевѣсомъ, сдѣланныя изъ пня древеснаго, пропишаннаго маспикою изъ извѣстки съ мохомъ, непроницаемою для воды, а также и безъ перевѣса. Первыя походятъ на лодки многихъ Полинезійскихъ народовъ. Быспроша малыхъ лодокъ такова, что Европейцы прозвали ихъ *летучими*.

Для всѣхъ такихъ построекъ, Тиморцы употребляютъ топоры и ножи Европейской работы. Они имѣютъ также сабли, копья и порохъ, плаваютъ золото, для выдѣлки большихъ колецъ женамъ своимъ,

и кромѣ того выдѣлываютъ еще грубыя ткани для одежды, плетутъ рогожки, дѣлаютъ глиняныя горшки, и еще особеннаго рода подушки изъ хлопчатой бумаги, или вапы.

Вокругъ Тимора, на разстояніи нѣсколькихъ миль, находясья многіе острова и островки, которые можно считать принадлежащими къ этому огромному острову. Самый большой изъ нихъ *Симао*, а послѣ него *Роттѣ*.

Первый отдѣляется отъ Тимора проливомъ, и величиною 17-ть миль въ длину и 6-ть въ ширину. Менѣе Тимора возвышенный, онъ лѣсиспъ и мало обиленъ; кромѣ маиса на немъ почти ничего не воздѣлываютъ. Обитатели повинуются Купангскому раджѣ, который прежде и жилъ здѣсь. Говорятъ, что на Симао есть источникъ воды желѣзистой и купоросной, имѣющей всѣ свойства мыла, такъ, что она опѣливаетъ полошна въ нее омоченныя. Берега этого источника чернаго цвѣта и издають противный запахъ. Неподалеку расстѣ дерево, столь огромное, что тысяча человекъ могутъ подъ нимъ помѣститься. Близъ Пуло-Симао есть въ землѣ пустошы, гдѣ въ небольшой глубинѣ находятъ сѣрнистыя слои земли. Посрединѣ пролива, между Симао и Тиморомъ, находится небольшой вулканическій островокъ, именуемый Пуло-Камбингъ (островъ Оленій), миль въ окружности, подобный срезанному конусу, правильно возвышающемуся на 24 футовъ. Сѣрнистыя и грязныя воды выходятъ изъ этой горы. Одно изъ расстѣй, въ изобиліи распускающее шутъ по бере-

гамъ, имѣетъ нѣкоторыя особенныя врачевныя свойства.

На Ю. З. отъ Купанга находится *Rottie*, простирающійся на 9-ть миль въ длину и $2\frac{1}{2}$ въ ширину. Тутъ насчитываютъ до 15-ти маленькихъ владѣній, изъ коихъ одно, *Терманское*, гдѣ прежде жила чинovníкъ Голландскій, самое значительное. Туземцы Роттійскіе гораздо красивѣе Тиморцовъ. Женщины шамшнія, Черкашенки Малайскія, посылаются даже въ Батавіа, для продажи въ разные гаремы. Гораздо безнравственнѣе Тиморцовъ, обитающіе Роттіе храбрѣе и предприимчивѣе ихъ. Въ разныя времена, они сильно пропивались власпи Голландцовъ. Пальмовый сиропъ есть обыкновенное питье ихъ, а иногда и ѣство, когда нѣтъ ничего другаго. Изъ него дѣлаютъ они родъ арака, извѣснаго подъ именемъ *ларо*, и кажется, напитокъ этотъ имѣетъ сильныя афродизіасмическія свойства. Поному любовныя шашни составляютъ большое занятіе островитянъ. Къ мясу буйволовъ и свининѣ присоединяютъ они, вмѣсто питья, кровь этихъ животныхъ. Къ З. отъ Роттіе находится островъ *Дао*, жители коего отличаются своею промышленностью; они серебряники и ювелиры своихъ сосѣдей.

Вообще Тиморъ и окрестныя около него острова составляютъ часть архипелага, называемаго новѣйшими географами *Сумбава-Тиморскимъ*, и кромѣ упомянутыхъ мною острововъ сюда причисляются:

Островъ *Сумбава*, 180 миль въ длину и 140 въ ширину, раздѣляемый на двѣ части глубокимъ за-

ливомъ, который прорѣзываетъ средину его. При входѣ въ сей заливъ находилъсь маленькій островъ Пуло-Маю, 20 миль въ длину и 10, или 11 миль въ ширину, продолжаемый на восточной его оконечности островомъ Ситуда, а къ западной сторонѣ островомъ Низкимъ (Plate). Сумбава дѣлилась на разныя владѣнія, коихъ имена: Бима, Домпо, Томборо, Сангаръ, Пекангъ, Сумбава; всѣ они, кромѣ послѣдняго, подчинены Индо-Голландской Компаніи. Округъ Бима, къ восточной сторонѣ острова, самый сильный изъ всѣхъ. Не только властвуетъ онъ надъ другими, но и удерживаетъ сверхъ того власть надъ островомъ Мангараи и западною частью острова Флореса. Столицу его составляетъ Бима, небольшой городокъ съ прекрасною гаванью, мѣстопробываніе Сулпана, признающаго власть Голландцовъ. Въ округъ Томборо находилъсь огнедышащая гора, извѣстная также подъ именемъ Сумбавской, и приобретающая спрашную извѣстность, особливо послѣ изверженія 1815 года, при которомъ погибла пятая часть всего населенія Томборскаго. При ужасномъ этомъ изверженіи, пепелъ летѣлъ въ величайшемъ количествѣ до Ю. В. части Ява, на разстояніи 100 мѣль отъ крашера, и подземный гулъ слышенъ былъ на Сумапра, отстоящемъ на 235 мѣль. Сильные взрывы изверженія уподоблялись залпамъ многочисленной артиллеріи. Имъ предшествовали столбы огня изъ верхняго отверзнія горы, и обширные потоки лавы, стремившіеся по ея бокамъ. Возставшій попомъ неистовый вѣтеръ вырывалъ съ корнемъ полныя деревья, ломалъ

ихъ, носилъ по воздуху; люди, живошныя, хижины, схваченные съ земли, летали во всѣхъ направленіяхъ; море, выступившее на берега, запопило поля и изковеркало селенія. Послѣ всѣхъ такихъ первоначальныхъ ужасовъ, мрачная ночь покрыла островъ и длилась цѣлая сушка. Казалось, небо и воздухъ превратились въ дымъ и пепелъ, и каменья сыпались въ этой тмѣ съ непрерывною силою. Тма, распространившаяся по небу, проспиралась до острова Целебеса. Опустошенія на Сумбава были неописанны. Жилище Резиденца въ Бима завалило каменьями. Сандгиръ засыпало пепломъ, какъ Геркуланъ. Томборо и Пекапъ были поглощены съ людьми и строеніями. Только 26-ть человекъ спаслись въ Сумбава. Все произрастаніе исчезло подъ лавою и каменьями. Едва одинъ холмъ близъ Томборо уцѣлѣлъ съ бывшими на немъ деревьями, какъ будто для показанія, какимъ благословеннымъ плодородіемъ обилуетъ островъ, прежде несчастнаго событія. Когда ужасы изверженія миновались, наступилъ ужасный голодъ. Дочь раджи умерла голодною смертию, и даже самъ эпосъ власпишель погибъ-бы опъ совершеннаго недостатка, если бы Голландцы не поспѣшили прислать нѣсколько *койанговъ* сарачинскаго пшена. Съ трудомъ возникнувшій послѣ своей гибели, Сумбава и теперь являетъ пустыню съ печальными развалинами.

Островъ *Ломбокъ*, независимый опъ Голландцевъ, должно также причислять скорѣе къ купъ Сумбава-Тиморской, нежели къ архипелагу Явскому.

Это прекрасная земля, высокія горы копорой осна-
юшся всегда украшенными вѣчною зеленою; глав-
ная вершина ихъ будетъ около 8-ми Англійскихъ
миль возвышенія. Населеніе Ломбока, многочислен-
ное и воинское, до сихъ поръ недопускало между
ними Европейской колонизаціи. Туземцы, власниче-
ли земли, обрабатываютъ ее способами, показы-
вающими значительное образованіе; подобно Индій-
цамъ, они орошаютъ свои поля посредствомъ боль-
шихъ прудовъ и запрудокъ воды. Другія сходства,
какъ-то: обрядъ *сутти*, или сожженія вдовъ, ка-
жепся, свидѣтельствуютъ сродство здѣшнихъ
оспровицянъ съ жителями Карнаша. Два глав-
ные города на Ломбока суть: *Аппирамъ* и *Бали*.

Оспровъ *Флоресъ* должно также отнести къ
купъ Сумбава-Тиморской. Онъ простирается на 200
миль въ длину и 40, или 50-тъ въ ширину. Внуш-
ренность его мало извѣстна. Западная сторона
зависитъ отъ Султана Бимскаго; оспашокъ, ка-
жепся, раздѣленъ на множество независимыхъ вла-
дѣній. Приближаясь къ Флоресу проливомъ сего
имени, который образуютъ съ одной стороны бе-
рега Флореса, а съ другой берега Солора, или Ади-
нара, видне высокій вулканъ *Ловотиво*, какъ буд-
то огненный маякъ здѣшней земли. Далѣе, къ сѣ-
веру отъ него, лежитъ селеніе *Ларентука*, оби-
таемое почти все христіанами, и болѣе всѣхъ дру-
гихъ частей оспрова извѣстное мѣсто. Повинуясь
своему раджѣ, Ларентука представляетъ легкія
средства сообщенія для мореходцовъ и пособія имъ
всякаго рода. Хлѣбъ, буйволы, свиньи, козы, жив-

ность обмѣниваются здѣсь на кремни и пули, порохъ, стеклянную посуду и ножевой товаръ. Прежде вываживали опсиода сандалное дерево. На южной сторонѣ Флореса находится заселеніе Бугіевъ, куда немогли никогда достигнуть Голландцы.

Солоръ, близкій къ Флоресу, простирается на 40 миль въ длину. На немъ извѣстенъ почти одинъ только округъ Лавайянской, въ копоромъ у Голландцовъ находится крѣпость Фридриха-Гейнриха. Бамбукъ составляетъ одно изъ богатствъ острова Солора. Близъ береговъ ловится Noord-Karer, родъ киша, жиръ котораго служитъ вмѣсто масла, а въ легкихъ находятъ амбру. Прибрежные жители почти всѣ Мугаммедане, ловкіе торгаши и хорошіе мореходы. Они вывозятъ пшичьи гнѣзда, рыбій жиръ, амбру и другія произведенія, мѣняя ихъ на слоновую кость, шелковыя ткани и желѣзо. На островѣ находится нѣсколько Арруйскихъ кангару.

Между Флоресомъ и Тиморомъ протекаетъ нѣсколько острововъ, какъ будто продолжающихъ цѣпь архипелага Малезскаго отъ Тимора къ Суматра. Тутъ находятся: *Сабрао*, управляемый султаномъ, живущимъ въ Адинара; *Ломблемъ*, подчиненный независимымъ раджамъ; *Пантеръ* и *Омбаи*, обитаемые племенами воинственными, свирѣпыми, и даже людоедами.

На югъ отъ Флореса островъ *Сумба*, иначе именуемый *Сандалнымъ лѣсомъ* (Sandelbosch, Sandalwood), вѣроятно, съ Малайскаго названія *Чиндана*, тоже самое означающаго. Южные берега его, утесистые, коралловые асоры, кажутся, необитаемы.

Сѣверныя часты представляютъ безплодную степь. На З. сторонѣ находясья ловы припанговъ, столь знаменитыя, пока въ заливѣ Карпеншарійскомъ неопыскалось голошурій большее изобиліе. Самый сандалъ, по которому дано названіе острову, хуже Тиморскаго, и нынѣ уже незаботясь вывозить его отсюда. За то хлопчатая бумага составляетъ важный предметъ торговли. Находясья здѣсь лошади, свиньи, буйволы, фазаны, и еще замѣчательная птица, съ длиннымъ носомъ, называемая Голландцами *Jaarvoogel* (годовая птица), потому, что годы ея легко сосчитать по числу шишекъ, каждый годъ вырастающихъ на ея носу. Туземцы печальнаго, груснаго характера, великорослы, но нескладны. Оружіе ихъ составляетъ пики, щипы и сабли, которыми они ловко дѣйствуютъ.

Небольшіе острова *Саву* извѣстны лучше *Сумба*. Ихъ считаютъ при: *Саву*, *Беньюаръ*, *Новый Саву*, и лежатъ они лѣ въ 20-ти отъ Ропшіе, на З. С. З. — Новый Саву островокъ, почтиваемый безлюднымъ, но впрочемъ прелестный и замѣтный по высокой горѣ своей. Далѣе къ В. находясья *Беньюаръ*, высокій, лѣсистый, пять лѣ въ поперечникъ. Наконецъ слѣдуетъ *Саву*, самый главный въ купѣ, покрытый хижинами и лѣсами кокосовъ, нисходящими даже до самаго моря. Лучшая гавань здѣшняя именуется *Тимо*, и находясья на берегу Ю. В. — Кукъ останавливался здѣсь въ гавани *Себа*, на берегу С. З.

Прежде покорный Португальцамъ, *Саву* составляетъ теперь Голландское владѣніе. Считаютъ

здѣсь пять обласпей: *Лаан*, *Себа*, *Редгіа*, *Тимо*, *Массара*, и всѣ онѣ совокупно могутъ выставить отъ 5-ти до 7000 войска. Произрастаніе Саву и произведенія различныхъ царствъ природы на немъ почти одинакія съ Тиморскими. Жители, смѣсь Малайцовъ и Океанійцовъ, управляются раджами, которые съ незапамятныхъ временъ живутъ въ мирѣ и тишинѣ. Какъ на Тиморѣ, и почти на всѣхъ островахъ Малайскихъ, рабство на Саву въ величайшей силѣ. Религія здѣшняя многобожіе, весьма непонятное. Пищу составляютъ свинина, буйволы, живность, рыба, папашы, иньямы и овощи. *Тодди*, перебродившій пальмовый сокъ, любимое питье. Сыропъ, называемый *гула*, походитъ на сахарный. Употребленіе бетеля и обычай *татуажа* показываютъ наклонность обитателей, подобно другимъ сосѣдямъ, заимствовать обычаи изъ ближней Азіи и сосѣдней Океаніи. Впрочемъ, одежда, нравы, выщипыванье волосовъ, украшенія изъ золота и драгоценныхъ камней, языкъ, общественные и религіозные обряды совершенно сходствуютъ со всѣмъ эшимъ на Малайскихъ кулахъ острововъ, которыя мы уже описали и будемъ описывать далѣе.

ГЛАВА LXXXVII.

МАЛЕЗИЯ. — БОРНЕО.

Послѣ двухъ-дневной оспановки въ Купангъ, Сива опправилаь снова 18-го Сеншября, пошла прямо на С., перерѣзала проливъ между островами Омбаемъ и Солоромъ и перешла къ южной части острова Маду. Попомъ, огибая западный берегъ купы Салайерской, 23-го миновала она южный мысъ Целебеса, подвинулась немного впередъ, чшобы миновать купу низкихъ острововъ, извъспныхъ подъ именемъ Пуло-Лаупъ, обошла мысъ Салапанъ, и 26-го Сеншября бросила якорь въ устьѣ рѣки Баньермассингъ, передъ главнымъ мѣспомъ Голландскихъ заселеній на огромномъ островѣ Борнео. Нашъ капишанъ Норбоппъ непочелъ благоразумнымъ пускашься по рѣкѣ, и ждалъ, чшобы агеншъ факторіи явился самъ для совѣщаній къ нему на корабль. Земля Борнейская ненадежна для Европейцовъ. Недавняя погибель маіора Мюллера можешъ

послуживъ несчастнымъ примѣромъ того, какъ смотрѣть на посягателей пуземцы. Только издали, съ корабля, могъ я наблюдать любопытный островъ Борнео.

Борнео, величайшій изъ острововъ на земномъ шарѣ послѣ Мадагаскара и Новой Голландіи — если только Новую Голландію должно считать островомъ, а не отдѣльнымъ материкомъ — именуемый пуземцами, по нѣкоторымъ извѣстіямъ *Брунаи*, по словамъ Гамильтона *Варуни*, а по увѣренію Ріензи *Клематанъ*, составляетъ пространство 300 льё отъ Ю. къ С., при ширинѣ отъ 50-ти до 250 льё. Все это находится между $4^{\circ} 20'$ — 7° шир. южн. и $106^{\circ} 40'$ — $116^{\circ} 45'$ долг. вост. — Ужасная обширность земель Борнео донынѣ препятствовала Европейцамъ проникнуть во внутреннія его области. Нѣсколько разъ предпринимаемъ и оставляемъ былъ здѣсь опытъ колонизаціи. Первое покушеніе учинено Англичанами около 1774 года, на островъ Баламбанганъ, лежащемъ при С. В. мысѣ острова, вблизи того, который называютъ Борнео-собственно; но заселеніе это, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ архипелага Сулу, гдѣ обитаютъ самые отважные морскіе Малайскіе разбойники, вскоре было раззорено и уничтожено. Съ большимъ трудомъ убѣжали колонисты на Пуло-Кондоръ, Кохинхинскій островъ. Новая экспедиція на томъ-же пунктѣ, въ 1803 году, не была удачна.

Голландцы не упускали также изъ вида заселеній на землѣ Борнео. Первымъ опытомъ ихъ были сред-

ства дипломатическія. Въ слѣдствіе договора съ сулпаномъ Баншамскимъ, въ Яванскомъ удѣлѣ, и по власпи его надъ царствами Лантанакскимъ и Суккаданаскимъ, они успѣли утвердиться въ Понтіанакѣ, и объявивъ это мѣстечко своимъ владѣніемъ. Потомъ, въ слѣдствіе услугъ, оказанныхъ сулпану Баньермассингскому, получили они дозволеніе учредить контору въ обласпи сего имени. Въ благодарность за оказанное пособіе, Сулпанъ обязался, въ 1787 году, признавъ надъ собою власпъ Голландцовъ и опъ руки ихъ принявъ свои владѣнія, какъ наследственный удѣлъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ округовъ по берегу и половины обласпи Дузунской, копорую передалъ въ собственное владѣніе Компаніи. Въ тоже время, Компанія предоставила себѣ управленіе таможенными и рудниками, раздѣляя доходы опъ нихъ съ Сулпаномъ, за исключеніемъ рудниковъ Дуку-Канангскихъ и Дуку-Киріе, оставленныхъ Сулпану отдѣльно. Весь этотъ договоръ не легко было-бы располковать, не зная, что Баньермассингъ съ давняго времени былъ удѣломъ царства Яванскаго, и что въ цвѣщую эпоху имперіи Мадьяпагитской, власпипели Борнео были Яванцы, данники великаго Императора. Такимъ образомъ, Понтіанакъ на берегу С. З., и потомъ Баньермассингъ на берегу Ю., были пунктами, гдѣ Голландцы сшарались основавъ и поддерживаъ свое владычество. Говорятъ, что въ послѣдствіи пыпались они сдѣлаъ тоже на восточномъ берегу Борнео, въ царствѣ Копи, зависимомъ опъ Сулу, но слѣдствія, кажется, не оказались благопріятными.

Вообще, во все времена и на всехъ мѣстахъ Борнео власть Европейцевъ небыла ни прочною, ни постоянною. На нѣкоторое время только могли Европейцы спастись въ Борнейскихъ областяхъ, удержавшись, благодаря непостоянной и измѣнчивой дружбѣ властителей, спокойно торговать и заславившись уважаясь себя нѣсколько времени, но рѣдко попомъ гибельныя послѣдствія неоканчивали предпріятія, казавшагося прочнымъ, и въроломство туземцевъ неразспроивало планы колоніальныхъ управителей, и агентовъ, дѣйствовавшихъ отъ ихъ имени. Капитанъ Падлеръ, зарѣзанный въ 1769 году; Англичане, изгнанные изъ Баламбангана въ 1774 году; Голландскій капитанъ, убитый со всемъ его экипажемъ въ 1788 году, въ гавани Борнейской, во время обѣда; капитанъ Павинъ, попавшій на подобную засаду въ 1800 году, и корабль *Рубинъ*, только чудомъ спасшійся отъ гибели; кровавыя сцены и хищенія, возобновленные въ 1803, 1806, 1810, 1811 годахъ; наконецъ въ наше время, убіеніе майора Мюллера, впораго Клаппертона, рѣшившагося на изслѣдованіе внутреннихъ областей Борнео — все это свидѣтельствуешь, какъ неосновательны надежды ихъ, кто мыслилъ о твердыхъ заведеніяхъ на обширномъ и обильномъ Борнео, въ жару теоретическихъ мечтаній о колонизаціи овладевая золотыми рудниками горъ острова, и драгоценными лѣсами, копорые покрываютъ ребра ихъ. Безъ опасностей, столь великихъ и столь существенныхъ, почти укоризненно было-бы для новѣйшей географіи, въ то время, когда малѣйшіе уголки земнаго шара тща-

тельно изслѣдованы, видѣшь землю, въ тысячу лѣтъ окружностью, подлѣ Азійскаго материка, среди архипелаговъ, населенныхъ образованными Европейцами, остающуюся донынѣ почти безвѣстной, какъ будто какія нибудь дикія отдаленныя спороны.

Берега Борнео, очевидно, суть слѣдствія поспешной осадки земель, наносимыхъ обширными и мягкоземельными рѣками, текущими изъ внутренности острова. Полагаютъ даже, что вся эта громадная площадь земли составлена изъ многихъ слоевъ, въ долгое время соединившихся одна съ другою. По нѣкоторымъ Малайскимъ преданіямъ, гора Гунонгъ-Кандангъ, въ округѣ Ландакскомъ — нынѣ находящаяся въ девяти лѣтъ во внутренности Борнео, въ началѣ XV-го вѣка была на островѣ, отдѣлявшемся отъ главнаго материка, и называвшемся Пуло-Кандангъ. Это распространеніе поспешныхъ наносовъ продолжается понынѣ, особливо на западномъ прибрежьи, гдѣ обитатели строятъ дома свои на сваяхъ, вбитыхъ въ наносную грязь.

Во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываютъ островъ рѣки и рѣчки, изъ коихъ должно упомянуть о Бань-ермассингъ и Понтіанакъ. Первая, сколько извѣстно, беретъ начало изъ озера Кеней-Баллу, находящагося въ С. В. части Борнео, чрезвычайно огромнаго, называемаго отъ туземцовъ моремъ, и которое осматривалъ, кажется, только гнъ Ріензи. Это теченіе водъ способствуетъ къ произведенію обширнаго болоша по всему прибрежью. Но за нимъ, нѣсколько далѣе во внутренность земли, начинаются горные хребты, главная вершина коихъ называется

ся Хрустальною горою. Всѣ сіи внушреннія высопы, кажется, первобытнаго образованія. Нигдѣ невиднo здѣсь трапейскихъ утесовъ, столь обыкновенныхъ на островахъ, лежащихъ далѣе къ югу и называемыхъ географами Зондскою цѣпью. Изъ этого выводяшъ, что землятрясенія никогда небыли извѣстны на Борнео. Горы здѣшнія обилуютъ минералами; въ нихъ находятъ золото, антимонію, цинкъ, олово и желѣзо. Алмазы здѣшніе прекраснѣйшіе въ цѣломъ мірѣ. Особенно славятся находимые въ Ландакѣ и Баньермассингѣ. Изъ живошнихъ замѣчательны слонъ, носорогъ, родъ леопарда, медвѣди, лошади, свиньи, козы, кошки, собаки и всякаго рода домашняя птица. Слоны, носороги и леопарды живутъ только въ сѣверной части острова, и не находясь ни на одномъ архипелагѣ на востокъ въ этой долготѣ. Буйволъ уроженецъ Борнео, какъ орангъ-утангъ, котораго здѣсь какъ будто настоящая родина. Безъ сомнѣнія, отсюда перешло это живошное на Суматра, гдѣ мы имѣли уже случай наблюдать его странныя и любопытныя нравы. Въ окрестныхъ моряхъ ловятъ жемчугъ, раковинъ и припанговъ. Въ царствѣ распиштельномъ находясь сарачинское пшено, саго, черный перецъ, камфара, лимонъ, иньямъ, бешель, и проч. — Пальмовая капуста составляетъ главную пищу жителей. Въ лѣсахъ растутъ деревья удивительной вышины, одни доставляя превосходныя строительныя матеріалы, другія красильное вещество. Иныя даютъ отличную камфару, другіе пахучій корень, именуемый бензуюмъ. Ропангъ обилуетъ во всѣхъ мѣстахъ острова, и

составляетъ предметъ значительнаго вывоза. Хлопчатая бумага, инбирь, мушкетъ, гвоздика здѣсь также превосходны.

Если опъ сихъ общностей перейдемъ къ замѣчаніямъ частнымъ, то надобно раздѣлить землю на области: царство Борнео-собственно; землю Дайаковъ, или резиденцію Понтіанакскую, на С. З. берегу; царства Баньермассингскія, лежащія на В. и Ю. побережьи, включая сюда и царство Компи. Эпи три главные ошдѣла подчиняются множеству подраздѣленій, не считая еще тѣхъ, которые принимаютъ туземцы въ свой чередъ для внутреннихъ областей.

Борнео-собственно граничитъ съ одной стороны съ Дайаками, съ другой съ Дузунами и Тапао. Къ нему присоединяются острова Малавелли, Банги, Баламбанганъ, гдѣ два раза, въ 1774 и 1803 году, Англичане старались завести колонію. Здѣсь славный Александръ Далримплъ хотѣлъ основать мнимую столицу Полинезійскаго царства.

Жители Борнео-собственно состоятъ изъ смѣси Кайановъ, Сули, Идаановъ, Малайцовъ, происходящихъ изъ Джегоре, Біаджу, Тидуновъ, Марушовъ, Дузуновъ и множества другихъ народовъ. Между всѣми, Малайцы преимуществуютъ числомъ и образованностью. Другихъ изъ эпихъ дикихъ племенъ, согласно мнѣнію Ріензи, можно называть Борнейскими Гарфурами. Они ходятъ нагіе, обернувши вокругъ пояса кусокъ бумажной, или изъ древесной коры сдѣланной ткани. Иногда Кайанскіе воины носятъ куртки и калпаки изъ леопардовой кожи. Оружіе

ихъ самострѣль (sarbacane), которымъ бросаютъ они ядовитыя стрѣлы, сабля, копье, длинный щипъ. Говорятъ о пушкахъ, будто-бы находящихся въ столицѣ Кайановъ, но, кажется, пушки маленькая прибавка пупешесивениковъ. Всѣ сіи различныя племена вообще дики, кровожадны, для потѣхи гошовой смахнувъ голову, и какъ профеями украшаютъ ими свои жилища. Живутъ они, либо въ огромнѣйшихъ, поставленныхъ на сваи домахъ, либо въ маленькихъ деревянныхъ хижинахъ, покрытыхъ листьями. Въ большомъ домѣ заключается иногда цѣлое селеніе, 100, 200 человекъ.

До сихъ поръ неизвѣстно, что за религія у Борнейцовъ, ни до какой степени религіозное чувство вмѣшивається въ ихъ дикую жизнь. Явно, что у нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ, ни идоловъ. Между тѣмъ, они вѣрятъ въ хорошія и дурныя предвѣщанія. Письменъ у нихъ нѣтъ, и это показываетъ нисшую степень ихъ передъ окрестными оспровишьянами, изъ которыхъ каждыя имѣютъ свою азбуку.

Все, что мы знаемъ объ ихъ правленіи, касается только побережья, гдѣ преимуществуетъ Малайское поколѣніе. Пошому большею частью находимъ здѣсь образованіе, которое уже изслѣдовали мы опчаспи, описывая Сумапра. Царь, сулпанъ, раджа, или *янджи перъ тоанъ* (сущій власпишель), составляетъ власпъ, почти неограниченную, уравниваемую отрицательнымъ вліяніемъ *паджерановъ*, или туземныхъ князей. Это родъ помѣстной аристократіи, находящейся и на другихъ островахъ. Между панд-

жеранами дѣляпся важнѣйшія государспвенныя должности. Одинъ изъ нихъ бываетъ *бандагара*, или чиновникъ власпи исполнительнои; другой *дегадонгъ*, или надзирашеть надъ сулпанскимъ дворцомъ; шопъ *домонгонгъ*, начальникъ войска; эшопъ *паманша*, или судья. Доходы государей состоятъ изъ добровольныхъ подапей, почпи всегда взимаемыхъ напу-рою.

Часть острова, извѣстная подъ именемъ *Борнео*—собственно, нынѣ безплодная и почпи ничего непроизводящая, могла-бъ бытъ способна къ большимъ улучшеніямъ, земледѣльческимъ и шорговымъ. Сипо-лица, городъ *Борнео*, находящійся въ 15-пи миляхъ ошъ устья судоходной рѣки, мѣсто пребыванія сулпана, значительна и населена 10,000 обипашелей. Будучи поставлена на сваяхъ и прорѣзана маленькими каналами, она уподобляется, по словамъ Ріензи, Венеціи. Какъ въ селеніяхъ Папуйскихъ, ошъ одного дома къ другому проложены моспики, состоящіе изъ одной дощечки. Только крѣпость городская построена на швердой землѣ.

Находясь на рѣкѣ, способной для плаванія кораблей въ 300 тоннъ, въблизи Кипая, Филиппинскихъ острововъ, архипелага Сулу и земли Сіамской, Борнео производилъ прежде значительную шорговлю, весьма уменьшенную послѣдними междоусобіями. Въ цвѣшущій періодъ здѣшней шорговли, двѣ Кипайскія жонки приходили ежегодно сюда изъ Сіангъ-Фаи (области Нанкингской), двѣ изъ Ліо-По (области Шанъ-Зи) и одна изъ Канпона. Макао опправ-лялъ сюда Поршугальскіе корабли. Торговля со всѣ-

ми этими портами имѣла непосредственныхъ агентовъ въ Китайскихъ колоніяхъ, копорыхъ польза двигала на здѣшнее торжище, ими созданное и распространенное. Сношенія между Борнео и Сулу, изъ прежнихъ дѣятельныхъ, сдѣлались совершенно ничтожны, и Манильская торговля съ Борнео также весьма упала. Наиболѣе дѣятельныя производства идутъ теперь у Борнео только съ Синкапуромъ и полуостровомъ Малакка. Съ того времени, когда ужасное безначаліе опустошило здѣшнюю сторону, Европейцы не дерзають посылать сюда своихъ кораблей, хотя никогда не имѣли они причинъ жаловаться на жителей. При изгнаніи Англичанъ изъ Баламбангана обитателями Сулускими, туземцы здѣшніе приняли бѣглецовъ Европейскихъ съ наивозможною благосклонностью, и предложили имъ даже поселиться на островѣ Балуанъ и основать тамъ контору. Можетъ быть и надлежало бы нынѣ попытаться на новую колонизацію, среди народа, имѣющаго понятія о дѣлахъ торговыхъ и обладающаго уже значительными свѣдѣніями въ мореплаваніи и географіи. Жонка въ 500 тоннъ была построена на Борнео, изъ превосходнаго лѣса, растущаго на семъ островѣ.

Главнѣйшія мѣста здѣсь, идя отъ С. къ Ю., суть: владѣнія султана Самбасскаго, сѣверная часть копорыхъ, за *Танжонгъ Дати* (мысомъ Дати), занята независимыми владѣльцами и пиратами. Во внутренности находясь рудники *Семини* и *Лара*. Сплицу составляетъ городъ *Самбасъ*, въ 15-ти льѣ отъ берега, на рѣкѣ сего имени. Тутъ есть Гол-

ландская крѣпость. Далѣе слѣдуютъ владѣнія *Мум-нава*, далеко проходящія внутрь земли и заключающія въ себѣ золотые рудники *Мандоръ* и *Монтрадо*, богатѣйшіе изъ всей Океаніи. Округъ *Монтрадо*, или *Монтрадокъ*, при подошвѣ горъ *Традокскихъ*, кажется, совершенно заселенъ *Кипайцами*, не позволяющими даже *Малайцамъ* селиться и основываться между ними. Эта *Кипайская* колонія была начата, какъ говорятъ, за два столѣтія, мореплавателями, которыхъ забросило сюда бурей. Малочисленные въ началѣ, бѣдняки эпи были рабами и бѣдными, но подкрѣпленные мало по малу всѣми искашелями приключеній, которыхъ привлекала сюда надежда на счастье, они образовали значительное заселеніе, помощью промышленности и хитрости пріобрѣтшее себѣ родъ независимости. Нынѣ независимость эпа дѣло безспорное и округъ земель принадлежатъ *Кипайцамъ*. Главнѣйшее богатство его состоитъ въ золотыхъ рудникахъ, которые разрабатываютъ здѣсь на манеръ разработокъ въ Южной Америкѣ. Для сего переграживаютъ въ разныхъ разстояніяхъ ручьи; сначала работаютъ взрослые мужчины, потомъ женщины, наконецъ дѣти постарше, и въ заключеніе ребятишки, собирая, что ускользнуло отъ предшествовавшихъ имъ промысловцевъ. Такое занятіе почти облагораживаетъ ихъ, кто въ немъ упражняется. Рудокопы составляютъ въ *Кипайской* колоніи родъ аристократовъ. Новые пришельцы не вдругъ поступаютъ въ число ихъ, и должны съ начала быть солдатами, или торговыми. Главныя

гавани, черезъ копорыя колонія сбываетъ свои произведенія, сущь *Силлака* и *Сунги-Райасъ*. Въ одной изъ нихъ приспаяють обыкновенно, если отправляются въ Монпрадокъ. Дорогою черезъ прелестныя и орошенныя поля, обставленною укрѣпленіями, служащими и для защиты и для складки минерала, доспигають города Монпрадока, находящагося среди долины, въ прелестномъ мѣстѣ. Дома построены здѣсь въ Кипайскомъ вкусѣ. Раздѣленный на рынки, или кваршалы, городъ простирается на три мили въ длину и почти полторы въ ширину. Жители кропки, работающіе и миролюбивы. Маленькое царство, копорому Монпрадокъ служишь столицею, безъ сомнѣнія, будетъ увеличиваться, и нельзя почестъ невѣроятностью, если скажутъ, что нѣкогда весь Борнео подчинится власти Кипайскихъ креоловъ.

На С. З. берегу должно упомянуть о царствѣ *Понтіанакскомъ*, копорое основалъ, въ 1770 году, Арабъ, по имени Абдуль-Рахманъ, заключившій договоры съ Голландскою Компаніею въ то время, и при ея помощи усилившій свои владѣнія на счетъ сосѣдей. Онъ завоевалъ земли султана Матанскаго, опустошилъ городъ Суккадана, и опдалъ въ удѣлъ сыну своему Кассиму землю Мумпава. Кассимъ, заступившій мѣсто отца, въ 1808 году, долженъ былъ прошивостать припѣсненіямъ Кипайцовъ, учредившихъ свои *конгъ-сіе* (общины) и сдѣлавшихся споль опасными, что надлежало снова прибѣгнуть прошивъ нихъ къ пособію Голландцовъ. Столица царства *Понтіанакъ*, при устьѣ рѣки сего

имени, и въ ней, какъ говорятъ, до 3000 жителей.—Земли: *Ландакъ* и *Сангу*, находящся на В. отъ упомянутой нами, и первая изъ нихъ славится своими алмазами. Въ числъ добытыхъ здѣсь упоминають объ алмазѣ Машанскаго султана; необдѣланный вслѣдъ онъ около 367 каратъ, и будучи вышлифованъ можеть еще быть всомъ около 183-хъ каратъ.—Область *Симпангъ* принадлежитъ *Панумъбагану* (Князю), подвластному волѣ султана Машанскаго.—Царство *Матанъ*, или прежняя имперія *Суккадана*, долго была занимаема князьями Яванскаго происхожденія, подвластными царямъ Баншамскимъ. Столица государства находится внутри областей, на берегахъ рѣки *Катаппанъ*: это старинная *Суккадана*, столь извѣстная своею торговлею и сношеніями, которыя успѣла завести здѣсь Голландская Компанія, въ первыя времена своего существованія. — Земли князя *Кандаваганскаго* составляютъ также подчиненную Машанскому султану область.

Разныя, исчисленныя мною страны, соприкасающіяся землѣ *Дайаковъ*, племенъ независимыхъ, опчаспи подчиненныхъ упомянутымъ мною властителямъ. Дайаки составляютъ, такъ называемое, «Резиденство С. З.», которое полагають простирающимся отъ *Айеръ-Гиттама*, почипаемаго южнымъ предѣломъ земель Машанскихъ, до *Пало*, сѣверной границы *Самбаса*. По картѣ, составленной несчастнымъ майоромъ Мюллеромъ, эта земля вообще низка, и рѣка *Данао-Малайя* возвышается не болѣе 100 футовъ отъ морскаго уровня, даже въ 45-миль отъ своего устья. Безпрерывная цѣпь горъ

протягивается здѣсь. Кромѣ нѣсколькихъ конусообразныхъ пиковъ и отдѣленныхъ холмовъ, пространство ея состоитъ изъ наносовъ, разсѣваемыхъ водными теченіями, которыя всѣ ограничиваются мѣлями въ своихъ устьяхъ. Единственное, извѣстное здѣсь озеро есть *Данао-Малайя*, подъ $1^{\circ} 5'$ ш. с. и $114^{\circ} 20'$ д. в., посѣщенное въ первый разъ Европейцами въ Сентябрь 1823 года. Длина его 8-мь льѣ, ширина 4, глубина, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, 18 фузовъ. Множество острововъ возвышается на озерѣ, и одинъ изъ нихъ Голландцы называли *Фанз-дерз-Капелленз*.

Алмазные копи Ландакскіе, какъ я сказалъ, составляютъ важнѣйшее богатство земли. Руду ихъ (*areng*), или рудныя глыбы (*conglomérat*), образуетъ родъ желшовапой земли, хрящеватой и смѣшанной съ кремнемъ. Добываютъ ее въ различныхъ глубинахъ; самая глубокая не болѣе 60 фузовъ въ землѣ. Для добыванія роютъ колодцы въ одинъ и два фута въ діаметрѣ. Доспигнувши до слоя руды, бывающаго въ два и три фута толщиною, расширяютъ копи на 7 — 8 фузовъ, и выбираютъ руду маленькими бамбуковыми корзинками. Промывка алмазовъ производится также просто. Маленькія круглыя корытцы (*дуланы*), съ углубленіемъ въ серединѣ, наполняются рудою. Сидя въ рѣкѣ, работникъ опускаетъ въ воду дуланъ и мѣшаетъ руду рукою, пока землянистыя частицы не отдѣлятся. Тупъ дуланъ выпаскиваютъ на поверхность рѣки, и вертятъ его, чтобы земля размокла совершенно. Если въ дуланѣ не остается уже ничего, кромѣ кремней,

прутъ и разсмаприваюшъ ихъ. Кишайцы, будучи ловчѣе Дайаковъ, перегораживаюшъ рѣку, вычерпываюшъ воду и пересмаприваюшъ опмьшную алмазную землю. Лучшіе алмазы, вымываемые такимъ образомъ, вѣсятъ до 36 каратъ. Мѣлочъ продаюшъ въ Понпіанакъ, а крупныя каменья, на которыя не находилъ здѣсь покупателя, отправляютъ въ Батавіа. Кажется, что въ послѣднее время количество добываемыхъ каменьевъ значительно уменьшилось. За то золота добываніе усилилось. И его находятъ также въ алмазной рудѣ. Симпангское, Сангуское и Ландакское самое чистое; за тѣмъ слѣдуютъ Меншегарское и Мандорское, и наконецъ Монспрадокское. Жельзо достаютъ въ Джелле, и оно бываетъ качества превосходнаго. Другіе предметы вывоза съ С. З. берега Борнео суть: воскъ, безоарды, сушеная оленина, олени рога, небольшое количество пичьихъ гнѣздъ.

Дайаковъ, составляющихъ многочисленнѣйшій отдѣлъ здѣшняго населенія, можно положить до 200,000 человекъ. Ихъ одежда одинакая съ другими Борнейцами. Пронизки спеклянные и куски лапуни служатъ имъ украшеніемъ. Соль любимое лакомство ихъ, а табакъ — спрасъ! Дайаки, по характеру всегда миролюбивые, между тѣмъ предаются ужасному свирѣпству. Причиною этого бываетъ странное щегольство, обычай, дѣлающій предметъ честолюбія изъ сколько возможно большаго числа человеческихъ череповъ, что почитается лучшимъ украшеніемъ жилища. Стараются добыть это украшеніе, убивая сосѣдей различныхъ племенъ. Черепа

женщинъ и дѣшей счисляются самыми почепными, ибо предполагають, что мужья и опцы должны всячески недопускать до подобной драгоцѣнности. Бѣшенная страсть добывать черепа заставляешь Дайаковъ безпрестанно сражаться. Только и помышляють они о нечаянномъ нападеніи на селенія инородцовъ, о засадахъ по лѣсамъ. Если нѣтъ возможности на такіе случаи, Дайаки присоединяются къ Малайскимъ форбанамъ, съ единственнѣмъ условіемъ: при дѣлежѣ, отдавать на ихъ часть черепа непріятелей. Чѣмъ больше кто срубилъ въ жизни своей головъ, тѣмъ онъ почтеннѣе и почищаемѣе. Молодой Дайакъ неможесть жениться, если необезглавилъ хоть одного человѣка, и шрупъ значительной особы погребается только послѣ отдѣленія отъ него головы. Возвращеніе воиновъ съ черепами привѣтствуютъ величайшею радостью. Женщины схватываютъ окровавленные головы, бѣгутъ въ рѣку и напираютъ тѣло кровью, изъ нихъ щекочущею. Пятдесять череповъ вокругъ хижины Дайака — это знаменитѣйшее, какое только можно приобрести, право на благородство!

Понятно, что при непрерывномъ междоусобіи, какое происходитъ отъ такой безумной причины къ убійству, селенія Дайаковъ укрѣпляются сколько возможно. Для защиты ихъ, Дайаки строятъ беинтинги, или респранчамены. Фасады домовъ составляютъ родъ верандаса, или галлерей, служащей для перехода отъ одного жилища къ другому. Дома строятъ на сваяхъ; входъ въ нихъ составляетъ дверь, сдѣланная высоко, въ которую лазаютъ по

лѣспницѣ, на ночь убираемой. Спавяпъ ихъ по шеспи и по семи вмѣстѣ, пакъ, чпо самый спарый домъ занимаешъ середину.

Если два племени, долго между собою враждовавшія, заключающъ миръ, то каждое изъ нихъ должно представитъ на убіеніе другому невольника. Главный начальникъ бѣешъ непріятельскую жерпву въ грудь; всѣ подчиненные слѣдуютъ его примѣру, и вскорѣ прупъ несчастнаго дѣлаешся безобразною массою тѣла и костей. Потомъ производится между мирящимися обмѣнъ запасовъ, золошаго порошку и Сіамскихъ вазъ (*jarres de Siam*), весьма здѣсь уважаемыхъ, и служащихъ для прорицаній колдунамъ.

Главное племя Дайаковъ именуется *Кайанъ*; главный городъ его *Сегао*, удаленный на 25 дней ѣзды отъ Понпіанака. Жители сей столицы говорятъ семью различными языками. Религія ихъ состоишъ, кажешся, въ какомъ-то благоговѣніи къ оленямъ.

Послѣ Дайаковъ, самое многочисленное племя *Китайцы Борнейскіе* (*Chino-Bornéens*), и число ихъ можно положить до 100,000 человекъ. Смѣшанная эша порода Кипайцовъ и Дайаковъ извѣстна подъ именемъ *Орангъ-хе* между Малайцами. Мы уже говорили объ нихъ, описывая Монспрадокъ. Надобно прибавитъ, чпо одежда ихъ, сдѣланная на Кипайскій манеръ, шьешся изъ грубыхъ, синихъ и бѣлыхъ шканей.

Малайцовъ полагаютъ здѣсь не менѣе 60,000 человекъ; они дровосѣки, рудокопы и моряки. — Число *Бугисовъ* будешъ около 5,000, почти все купцовъ

и моряковъ. Наконецъ должно упомянуть о небольшемъ числѣ Арабовъ и нѣсколькихъ Индійцахъ.

Послѣ резиденпства Понпіанакъ, самою важною частью для торговли Голландской надобно поспавишь «Резиденпство южныхъ и западныхъ береговъ,» или *Баньермассингъ*, составленный изъ султанства сего имени и обласпей, уступленныхъ Голландцамъ. Различныя части эшого резиденпства суть: *Комаи*, по берегамъ рѣки сего имени, *Памбуанъ*, *Мандава*, *Большой Дайакъ*, *Малый Дайакъ*, и Ю. В. полуостровъ *Борнейскій*, извѣстный подъ именемъ *Танагъ-Лаутъ*. Во внутреннихъ земляхъ извѣстны еще округа: *Татасъ*, *Марта-Пура*, *Карангъ Интангъ*, *Дуку-Канангъ*, *Дуку-Киріе* и *Дузунъ*. Последнее есть, кажется, родовое имя внутреннихъ обласпей.

Царство *Котти*, сосѣднее къ Баньермассингу, повинуется, сколько извѣстно, Малайскому султану, учредившему столицу свою въ приюпъ *Форбановъ*, сколько-же спрашныхъ для Малайскихъ морей, сколь спрашно было прежде Алжирское гнѣздо разбоевъ для Средиземнаго моря. Онъ подражаетъ эшимъ сосѣду своему, султану Сулускому, главъ пиратовъ неменѣе спрашныхъ. Сулускому властипелю принадлежатъ на Борнео многіе прибрежные города, какъ-то: *Маллуду*, *Абаи*, *Талапанъ*. Впрочемъ, по новѣйшимъ извѣстіямъ, вся западная часть эпой земли повинуется султану Борнейскому.

Таковы смѣшанныя извѣстія и данныя, весьма непочныя, какія донынѣ имѣемъ мы объ оспровѣ Борнео. Все эшо неполно, и безъ сомнѣнія, невѣрно, какъ въ ге-

ографическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Многія племена туземцовъ оспаются неозначенными, а другія, какъ-то: Дайаки, явно упоминаются вдвойнѣ. Впрочемъ, вопъ какъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Ріензи, говоритъ объ этнографическомъ раздѣленіи Борнео: «Аборигены внутреннихъ обласей острова получили различныя названія: *Дайаковъ* на югъ и западъ, *Идаановъ* на сѣверъ, *Тидуновъ* на восточномъ берегу, но всѣ они принадлежащъ къ одной первобытной породѣ *Альфорезовъ* (Гарфуровъ). Это племя туземно многимъ островамъ Малезіи и Австраліи, и его находимъ перемѣшаннымъ иногда съ Папу, или черными Океанійцами. Но Альфорезы не столь черны и превосходятъ Папу плѣсною силою, умственностью и живостью. Дайаки составляютъ собою земледѣльцовъ, рудокоповъ, торговцовъ. Ихъ плѣсныя формы лучше Малайскихъ. Они обожаютъ *Деута* (Творца міра) и плѣны своихъ предковъ, оказывая великое почтеніе къ нѣкоторымъ плѣцамъ, служащимъ имъ предвѣщателями (*augures*), какъ водится это у многихъ дикарей Полинезійскихъ. По ихъ словамъ, надобно ихъ называть *Биджусами*, и особенно обитающихъ на приморьи С. З., а *Тидунами* живущихъ въ дикомъ состояніи, въ С. В. части острова. Это безспашные моряки, преданные пиратству, и иногда челоѣкоядству. На югъ отъ Борнейскаго султанства находясь дикія племена *Кайановъ*, *Дузуновъ* и *Марушовъ*. Наконецъ, существуютъ еще въ обширномъ здѣшнемъ пространствѣ, мѣстѣ смѣшенія различныхъ породъ, осо-

бенное опличіе Биджусовъ, пробѣгающихъ по Целебесу, Борнео и Филиппинскому архипелагу, и соспоящихъ изъ смѣси разныхъ народовъ, какъ-то: Китайцевъ, съ длинными, гладкими волосами и узкими глазами, безбородыхъ Японцовъ, и Макаassarцовъ съ зубами черными и блестящими.»

Оканчивая симъ неполныя свѣдѣнія, какія до нынѣ имѣемъ мы о Борнео, скажемъ, что надобно передавать ихъ съ оспорожностью, какая необходима при всякихъ предметахъ, болѣе основанныхъ на предположеніи, ожидая того времени, когда землепознаніе опкроетъ намъ о внутренности областей Борнейскихъ что нибудь вѣрнѣе догадокъ и предположеній.

ГЛАВА LXXXVIII.

МАЛЕЗИЯ. — ОСТРОВЪ ЯВА.

Нашъ кочевой бригъ вскорѣ оставилъ далеко за собою устье Баньермассингское и самый Борнео. Октября 2-го дня, при свѣжѣмъ Ю. З. вѣтрѣ, выпустилъ онъ свои паруса и пошелъ по этому шихому бассейну моря, копорый именуютъ *Яванскимъ моремъ*, наспоющему проливу, окруженному высокими землями. Въ теченіе двухъ дней продолжался вѣтеръ, спихая, пока некончился при заслонѣ высокихъ береговъ совершеннымъ шпилемъ. Нѣсколько дней прикованные къ поверхности этого великаго морскаго пространства, мы завидѣли *Каримонъ-Ява* непрежде 10-го числа, и только 12-го, обогнувши мысъ *Каравана*, бросили якорь въ обширной гавани *Бапавійской*. Сначала Сива наша остановилась въ открытомъ морѣ, и только переславши къ Генераль-Губернатору депеши, взятыя ею на пупи, и получа повелѣніе взять мѣсто на рейдѣ, приблизились мы болѣе къ лѣсу мачтъ, издали видимому.

При взглядѣ на *Батавіа* съ гавани, вдали представлялась горная цѣпь, къ которой прислоненъ городъ, низкая и сплошь покрывшая произрастаніемъ дѣяпелнымъ и прекраснымъ. Попомъ нѣсколько ближе видны были увеселительные дома, направо и налѣво, купами опъ города, прелесныя убѣжища, окруженныя *квиконсами* и плодовишыми садами. Наконецъ на первомъ планѣ являлся самый городъ, почти утонувшій въ низкомъ прибрежьи, выставляя только тысячи своихъ кровель и высокія деревья своихъ садовъ. Еще ближе къ нашему бригу, бросившему якорь, нѣсколько оспровковъ выспавлялись изъ моря, будто букеты зелени, между шѣмъ, какъ на рейдѣ видѣли мы множесство кораблей, и шучи лодокъ и шлюпокъ скользили по обширному полукружію рейды, переходя опъ одной пристани къ другой.

Изъ числа оспровковъ, нѣкоторыя нынѣ вовсе необитаемы, но прежде почти всѣ они были съ пользою заняты спаринною Индійскою Компаніею. На нихъ находились верфи, магазины, госпитали, мастерскія. Главный именуется *Онрустъ*, а по *Малайски Пуло-Каппалъ*, и лежитъ въ 3-хъ льѣ на С. З. опъ города. Важность его продолжалась до времени занятія *Батавіа* Англичанами. Предвидя, что владычество ихъ будетъ преходящее, Англичане уничтожили всѣ постройки на *Онрустѣ*, и совершенно обнажили это передовое укрѣпленіе рейды *Батавійской*. Великолѣпныя доки, гдѣ могли починиваться корабли, огромнѣйшіе магазины, жилищицы, гдѣ помѣщалось до 2,000 койанговъ запаснаго са-

рачинскаго пшена, превосходныя жилища чиновниковъ, двѣ мѣльницы, церковь — все было тогда разрушено и приведено въ невозможность поправки. Съ 1823 года островокъ началъ возникать снова изъ пепла и развалинъ, но полное возстановленіе прежняго состоянія его дѣло трудное, продолжительное и начеписное.

За Онрусомъ слѣдуетъ островъ Эдамъ, или Пуло-Даммеръ, одолженный эшимъ Малайскимъ названіемъ своему маяку, нынѣ поухшему. Попомъ находится островъ Пурмерендъ, или Пуло-Сакитъ, на которомъ учреждена больница для прокаженныхъ. Наконецъ, немного на югъ, островъ Книперъ, или Пуло-Буронгъ, гдѣ видны развалины огромныхъ кладовыхъ. Другіе островки поменьше суть: Пуло-Келлоръ, Пуло-Рамбушъ, Пуло-Онпонгъ-Ява, Пуло-Обіе, Пуло-Айеръ, Пуло-Ніамокъ, Пуло-Поприджъ, или Вадеръ-Смишъ, исчезнувшій въ волнахъ — на мѣстѣ его теперь песчаная мѣль, покрываемая моремъ во время прилива. Болѣе многочисленныя острова, видимыя вдали, именующіяся *Duizend Eilanden*. Многіе изъ нихъ заняты Малайскими семействами, живущими промысломъ рыбы, агаръ-агаровъ, припанговъ, коралловыхъ глыбъ (изъ которыхъ пережигаютъ известку). Самый большой въ этой группѣ островокъ именуется Пуло-Пангангъ, и на немъ живутъ приращающіе индусскихъ семействъ, подъ начальствомъ Малайскаго старшины.

Только на другой день послѣ прибытія нашей Сивы отправился я къ берегу. Утромъ 13-го Октября спали мы съ яломъ нашимъ у приспани, и вы-

шли на берегъ въ *Бомъ* (Boom), рейдъ, простирающейся передъ старымъ городомъ. Это самая нездоровая, самая опасная часть *Батавіа*, который такъ славится своимъ гибельнымъ для прѣзжихъ климатомъ. Кромѣ четырехъ, пяти улицъ, посѣщаемыхъ только по ушрамъ, вся эта часть почти безлюдна. Жители всѣ перешли отсюда къ *Велтефредену* и *Конингс-Плеину*, гдѣ начинается новый городъ. Спроенія его идутъ отъ стараго предместья, или *Buiten-Nieuw-Port straat*, и образуютъ прекрасныя улицы, съ обѣихъ сторонъ обсаженные длинными аллеями деревьевъ и красивыми домами, съ принадлежащими къ нимъ прохладными садами. Движеніе по этимъ улицамъ напоминаетъ большіе города Европейскіе. Безъ числа кареты, щегольскія коляски, запряженные парами, молодые наездники верхомъ, защищаясь отъ солнца огромными зонтиками — все это живо и украшаетъ очаровательныя аллеи по улицамъ. Тутъ узнаете *Батавіа*, щегольскую столицу *Малезіи*, городъ роскоши и шума, удовольствій и дѣлъ. Множество прелестныхъ обшались, всѣ подъ тѣнью деревьевъ, спянувшись также вдоль каналовъ *Моленфлипскаго* и *Ризвикскаго* (*Moolenvliet, Rijswijk*), почти на три четверти льѣ. Потомъ открывается обширная, квадратная долина, лугъ, съ рядами Европейскихъ домовъ: это *Велтефреденъ*, военная часть города, по которой дано имя новой части *Батавіа*. Далѣе, принимая вправо, является другая квадратная долина, *Конингс-Плеинъ*, также окруженная прелестными домами и садами, хорошо содержимыми. За *Велте-*

Фреденомъ шянется большая дорога *Буитенцоргская*, гладкое шоссе, обставленное увеселительными домами и дачами, продолжающимися почти на двѣ льѣ, даже за крѣпость *Мистеръ-Корнелисъ*. Если присо-вокупите къ этому нѣсколько боковыхъ аллей, образующихъ, какъ будто лучи около двухъ, означенныхъ мною, круглыхъ пунктовъ, *Принсенъ-Ланъ*, дороге *Гоннонгъ-Сагаріе*, дороге *Танабонъ*, то можете сосланишь себѣ понятіе о видѣ *Бапавіа*. Между и сзади всѣхъ сихъ различныхъ частей города находясь участки разныхъ колонистовъ *Азіяпскихъ*, ушвердившихся въ столицѣ *Малайской*. *Кипайское* поле находится внѣ городской черты, на западѣ отъ стараго города, у котораго прежде образовывало оно обширное предмѣстье; но дѣяшелейный и подвижный людъ *Кипайскій*, собственнo говоря, расселился шеперь по всему городу, такъ-же какъ и по всему оспрову.

Находясь подъ $6^{\circ} 12'$ шир. южной и $104^{\circ} 33'$ долг. восточной, *Батавіа* былъ основанъ въ 1616 году, на томъ мѣстѣ, которое занималъ *Индійскій* городъ *Джаккапра*. Онъ получилъ 11-го Марта 1619 года имя, которое сохранилъ съ шѣхъ поръ, когда построена была крѣпость, имѣющая властвующая. Въ 1629 году былъ воздвигнутъ замокъ для губернаторовъ, при входѣ въ городъ со стороны порта, гдѣ генераль-губернаторы жили пошомъ болѣе полшорасна лѣтъ. Къ этому замку присоединили строенія, необходимыя для собранія Совѣта *Индійскаго*, канцелярій и магазиновъ *Компанейскихъ*. Всѣ сїи постройки, еще уцѣлѣвшія, могутъ дать по-

нятіе о широкомъ и обширномъ размѣрѣ, какой принимала тогда колоніальная архитектура, осуществляя свои построения Европейскими масштабами, изъ матеріаловъ, привозимыхъ изъ Европы.

Въ то время городъ составлялъ параллелограмъ, около 600 першей длины и 400 ширины, что разсѣкала на двѣ, почти равныя части огромная рѣка, именуемая *Тжиливонгъ*. Окруженный стѣнами, бастионами, и запираемый пястью большими воротами, Банавіа вмѣщала въ себѣ четыре церкви и множество правильныхъ зданій.

Въ теченіе всего XVII-го столѣтія чиновники Компаніи и купцы жили во внутренности города. Но въ началѣ прошлаго вѣка, когда войны съ Баншамомъ прекратились, и благоденствіе города требовало новыхъ построекъ, начали строиться за городскимъ рвомъ и основали то, что называютъ теперь южнымъ предместьемъ. Около этого времени доспашочные горожане насстроили себѣ увеселительныхъ домовъ вдоль внѣшнихъ каналовъ и по дорогѣ Джаккапра, между городомъ и внѣшними укрѣпленіями, составляющими первую линію. Потомъ, ободренные миролюбивымъ расположеніемъ туземцовъ, простерли постройки до подошвы впадою линіи укрѣпленій, по дорогѣ къ Баншаму и Шерибону, а равно и по пуши къ Преанжерсу. Но всѣ такія распространенія были дѣланы понемногу, одно за другимъ. Въ началѣ XVI-го вѣка, крѣпость Мистеръ-Корнелисъ была Геркулесовскими Сполпами Нидерландскихъ креоловъ. О поѣздкѣ въ окрестности говорили, какъ о походѣ въ непри-

япельскую землю, и еще придцати лѣтъ непрошло съ того времени, когда публичныя моленія въ церквахъ были приносимы каждый разъ, если генераль-губернапоръ ошправлялся въ свой увеселительный домъ въ Буишенцоргъ. По три дня употребляли въ то время на переѣздъ шуда; теперь ѣздящъ въ Буишенцоргъ въ три часа.

Только въ правленіе генераль-губернапора Дендельса спали помышляющъ о выходѣ изъ спараго города и оставленіи его. Политическое состояніе острова Ява казалось при семъ начальникъ уже споль хорошо утвержденнымъ, что можно было ошказаться ошъ ограды спѣнъ, защищавшихъ споллицу его ошъ покушеній пуземныхъ. Виды правителя обратились единственнo на защиту извнѣ. «Тамъ ошнынѣ непріатели наши,» говорилъ онъ, «а во внутренности острова намъ опасаться нѣчего!» Въ то время Бапавіа являлся превращившимся въ могилу почти всѣхъ вновь прѣзжавшихъ Европейцовъ. Заразительныя часпицы, казалось, въ извѣстное время года, наполняющъ собою всю атмосферу, и тогда ужасающая смертность губила даже самыхъ привычныхъ къ здѣшнему климату жителей. Повальныя болѣзни производили опустошенія болѣе всякой войны. Дендельсъ обратилъ на это свое вниманіе. Первый планъ его былъ — оставивъ совершенно Бапавіа и перенестъ въ Сурабаіа споллицу Голландскихъ владѣній, но остановленный въ сей мысли и принужденный принять мѣры менѣе рѣшительныя, онъ построилъ внѣ города, недалеко во внутренность земли, казармы и

удобныя жилища для офицеровъ гарнизона. Губернаторскій домъ былъ начатъ тогда-же, но кончили его только въ 1827 году.

Едва только дано было подобное направленіе, какъ всѣ Европейцы, сколько нибудь зажиточные, бѣжали изъ стараго города и начали жить въ домахъ, болѣе удобныхъ, красивыхъ и здоровыхъ, вдоль Моленфлиша, канала Ризвикскаго, въ Велшефреденъ, а потомъ наконецъ около обширнаго Конингсъ-Плейна и по дорогѣ къ Мисперъ-Корнелисъ. Правильный планъ былъ сначала предписанъ архитекторомъ, но время смятеній, послѣдовавшее за наше-ствіемъ Англичанъ, произвело такой безпорядокъ въ постройкахъ, что теперь не возможно было-бы составить какую нибудь систему защиты для Батавіа, не покрывши развалинами всѣхъ окружающихъ его долинъ.

Переселеніе на новыя мѣста сдѣлалось такимъ общимъ предразсудкомъ, что вскорѣ старыі Батавіа былъ оставленъ. Паденіе его было самое быстрое. Въ двадцать лѣтъ лучшія части были разломаны, домъ за домомъ. Въ 1816 году, когда по пракшатамъ обратно получила Голландія свою колонію, въ старомъ городѣ едва оставалось нѣсколько Европейцевъ, хотѣвшихъ умереть въ привычномъ мѣстѣ, нѣсколько Португальцовъ и нѣсколько Китайцевъ. Мѣста правительственныя, конторы и магазины были еще неподвижны, по причинѣ близости къ гавани, но съ наступленіемъ вечера, всѣ спѣшили изъ нихъ въ новый городъ, гдѣ все дышало опдыхомъ опъ дѣлъ.

Что предвидѣлъ генераль Дендельсъ, то въполнѣ осуществилось. Бапавіа былъ нездоровымъ городомъ только при первобытномъ своемъ положеніи. На влажномъ и низкомъ мѣстѣ поспроили городъ совершенно *Голландскій*, съ узкими улицами подъ пропическимъ небомъ. Какъ въ Амстердамъ и Роттердамъ, нагородили кучи домовъ, по каналамъ съ стоячею, пиниспою водою. Къ симъ причинамъ смертности прибавились другія, какъ-то: терпимоспъ къ Кипайцамъ и Малайцамъ, кладбища которыхъ заражали предмѣстія города. Наконецъ дозволяли оспаваться на мѣляхъ рѣки складкѣ нечиспошъ, копорыя, будучи согрѣваемы солнцемъ, испаряли заразительныя часпицы.

Переноса мѣсто города за спаринные предѣлы, Генераль - Губернапоръ хопѣлъ избѣжашъ всѣхъ этихъ неудобствъ и причинъ гибели, а со времени управленія Фанъ-деръ-Капеллена осуществились улучшенія, копорыя только предполагалъ благо-разумный Дендельсъ.

При Фанъ-деръ-Капелленѣ новыя улицы были назначены въ Конингсъ-Плеинъ, самомъ здоровомъ изъ всѣхъ окружныхъ мѣстъ. Уступки земель, удобство при поспройкѣ, придали сильное развитіе этому совсѣмъ новому оидѣленію. Принудили спрошелей и хозяевъ къ правильности улицъ, имѣвшей целью часпныя удобства при общественномъ здоровьѣ. Кипайцамъ ошвели мѣсто для кладбища въ далекомъ разстояніи ошъ города. Каналы прежняго города, неприносившіе никакой пользы, были пошепенно завалены, по убѣжденію во вредъ ихъ,

а оставшіеся выиграли черезъ по большее количество воды, менѣе обремененной гнилыми частями. Бойни отбросили къ концамъ города и огородили берега рѣки, такъ, что сжатая въ своей ложбинѣ, она не разливалась на берега и не испаряла никакихъ водъ вредоноснымъ испареніямъ отъ лучей солнца. Прекрасная постройка, плотина и пристань въ одно время, дополнили такія обширныя и полезныя устройства. Съ тѣхъ поръ, какъ занялись всѣмъ этимъ, Батавіа перестала быть мѣстомъ нездоровья другихъ частей Малайскаго архипелага и Индійскаго полуострова.

Народонаселеніе Батавіа, чрезвычайно измѣнчивое, было предметомъ множества исчисленій, болѣею частью несправедливыхъ. Въ 1824 году, перепись, сдѣланная съ величайшею опредѣленностью, дала слѣдующіе выводы: 3,025 Европейцевъ, или Европейскихъ креоловъ, 23,108 Яванцевъ, или Малайцевъ, 14,708 Кипайцевъ, 601 Арабовъ, 12,419 невольниковъ, а всего, въ городъ и предмѣстїи, 53,861 человекъ, не считая гарнизона. Населеніе всей области дѣлился на чешыре округа, или кваршала.

Европейское, или креольское населеніе состоить изъ чиновниковъ правительства, купцовъ, оставшихся офицеровъ, владѣльцовъ недвижимыхъ имѣній, и наконецъ Португальцевъ, которые въ Батавіа, какъ и во всей Индіи, составляютъ мешисское поколѣніе, цвѣтомъ болѣе Малайцевъ мѣдное и говорящее нарѣчіемъ почти непонятнымъ.

Въ настоящемъ состояніи своемъ, Батавіа заключаетъ множество замѣчательныхъ общественныхъ

зданій. Старый городъ являетъ также многія, еще стоящія среди развалинъ оспальнаго — живыхъ слѣдовъ первобытнаго великолѣпія. Таковы суть, между прочимъ, таможня и морскіе магазины, прекрасныя, хорошо сохранившіяся спроенія; попомъ, за ворошами городскими, великолѣпныя ломбонги (деревянныя складки), назначенныя для храненія сборки кофе.

Остъ прежняго зѣмка, сломаннаго при генералѣ Дендельсѣ, оспались только вороша, обращенныя къ городу. Архитектура рапуши, хопя щегольская и благородная, напоминаетъ время, когда зданіе было воздвигнуто. Среднее спроеніе образуесть два огромныя опдѣленія, занятыя прежде высшимъ юспицкимъ судомъ, комишешомъ сиропскимъ и промѣнною палапою. Теперь всѣ сіи часши правленія перенесены въ Велшефреденъ. Два крыла зданія, до 1827 года служили мѣспомъ шюрмы, но, кажется, что и это послѣдовало за другими переселеніями въ иное мѣспо.

Только одна церковь оспается въ спаромъ Батавіа, находясь между рапушею и ворошами спараго зѣмка. Эпопъ Люперанскій домъ молишвы, обширный и хорошо поспроенный, необезобразилъ бы лучшаго города Европейскаго. Единственный храмъ Реформашскій соспавляетъ спаринная церковь въ предмѣстьи, или *Buitenkerk* — спроеніе спарое, невидное, но внушенность его проспа и прекрасна. Напрошивъ, Каполическая церковь мала и жалкая.

Для Европейцевъ въ Батавіа находится теперь только одна больница, военная, въ Велшефреденъ, но хорошо устроенная, и больные городскіе находятъ здѣсь пособіе, вмѣстѣ съ больными изъ числа гарнизона. Для пуземныхъ Кипайцовъ и Малайцовъ заведена другая гошпиталь, находящаяся за Упрехпскими ворошами. Кромѣ залъ для больныхъ обыкновенныхъ, здѣсь находятся отдѣленія прокаженныхъ и ума лишенныхъ. Обширное это заведеніе можетъ содержать отъ 200 до 300 человекъ. Stand Verband есть впороспешенная гошпиталь, куда принимаютъ на время раненыхъ. Здѣсь дѣлаютъ имъ первыя перевязки и оказываютъ пособія, а потомъ отсылаютъ ихъ къ семейспвамъ. Такое учрежденіе, началомъ котораго были обязаны Фанъ-деръ-Капелдену, произошло отъ необходимости оказать немедленную помощь въ бѣдственныхъ случаяхъ, ежедневно бывающихъ на улицахъ города, и польза отдѣльнаго мѣста, гдѣ находятъ средства на такія непредвидѣнныя несчастія, конечно неоспорима.

Одно изъ прекрасныхъ зданій города домъ, занимаемый торговымъ Нидерландскимъ Общеспвомъ, и находящійся въ старомъ отдѣленіи на рѣчной набережной. Недалеко отсюда биржа, маленькое строеніе, съ открытою колоннадою, простое, мало украшенное, хотя новѣйшей постройки. Гораздо лучше сего ничтожнаго зданія обширное и величественное строеніе, воздвигнутое генераломъ Дендельсомъ на углу каналовъ Ризвикскаго и Моленфлипскаго. *Гармонія* имя этого истинно царскаго зданія. Это мѣсто удовольствій для частныхъ лю-

дей. Предназначенное для концершовъ по подпискѣ и баловъ, даваемыхъ губернаторомъ, оно служишь также ежедневнымъ мѣстомъ свиданія для гражданъ и доспапочныхъ военныхъ, которые сходяпся сюда бесѣдовапъ, играпъ на бильярдѣ и читапъ журналы. Тутъ устроены чепыре залы, обширныя, такъ, что въ каждой можешъ помѣстипся до 400 человекъ. Въ парадные дни, когда Европейское общество Батавіа собирается здѣсь, при свѣтѣ тысячи огней, залы Гармоніи являюпъ зрѣлище испинно волшебное. — Подлѣ храма удовольствій зданіе, предназначенное наукъ и знанію. Это еще одно изъ шѣхъ заведеній, которыми Батавіа одолженъ генералу Дендельсу. Батавійское Общество наукъ и знаній оказало уже услуги ученому свѣту. Ободряемое въ шрудахъ своихъ самими губернаторами, бывшими въ числѣ его членовъ, оно пояснило много вопросовъ, принадлежавшихъ къ его обласпи, прибавивши свой удѣлъ на жерпвенникъ просвѣщенія. Библіотека Общества богата дорогими книгами.

Есть въ Батавіа и шеатръ, гдѣ любители, опъ времени до времени, показываюпъ свои дарованія передъ знашоками сценическаго искусства, но зданіе нелучше самыхъ спектаклей здѣшнихъ.

Когда генераль-губернаторы живутъ въ городѣ, то занимаюпъ обширный и прекрасный домъ, паршикулярный, находящійся въ Ризвикѣ, въ самой здоровой и болѣе всѣхъ обитаемой часпи Батавіа. Впрочемъ, сіе помѣщеніе, слишкомъ шѣсное и слишкомъ мѣщанское, будетъ замѣнено новымъ дворцомъ въ Велшефреденѣ. Дворецъ этотъ, начашой при гене-

раль Дендельсъ, и нѣсколько разъ останавливавшійся [въ] постройкѣ, за недоспаиномъ машеріаловъ, теперь скоро будетъ доконченъ. Уже перенесли въ это строеніе всѣ гражданскія и военныя мѣста управленія Батавіа, уступивъ частнымъ людямъ дома, занятые прежде различными частями правительсва.

Множество базаровъ, или крытыхъ рынковъ, учреждено въ Батавіи и его окрестностяхъ. Многіе изъ этихъ рынковъ, бывшіе прежде временными, мало по малу сдѣлались ежедневными, благодаря Китайцамъ, копорые, какъ урожденные поргаша, готовы торговать день и ночь. Изъ числа базаровъ должно упомянуть о *Лимъ-Тонгганъ*, рыбномъ поржищѣ, при входѣ въ городъ, въ Китайскомъ полѣ; *Бурунгскомъ* рынкѣ, гдѣ правительсво хотѣло учредить удобство для прогулки, какъ въ Европѣ, и куда обитатели Батама привозятъ свои шкани, глиняныя издѣлія, рогожки и извесь изъ своей области; базаръ *Тонаабонскомъ*, старомъ и новомъ рынкѣ *Велпфреденскомъ*; наконецъ о принадаши базарахъ, или ярмаркахъ, учрежденныхъ на разспояніи нѣсколькихъ мѣстъ около Батавіа, и нѣсколькихъ другихъ въ резиденціи Буишенцоргской.

Торговля Батавійская двойка: одна сосредоточена въ рукахъ Нидерландскаго торговаго Общества; другая раздѣлена между торговыми домами первой и второй степени, Голландскими, Англійскими и Американскими. Нидерландское торговое Общество составилось изъ складки частныхъ капиталовъ, копорымъ правительсво выдало нѣкоторыя привил-

легіи, впрочемъ совсѣмъ неопагопительныя. Первыя слѣдствія этого Общества были счастливы, и они могутъ быть еще важнѣе, если мысль исключенія торговли частныхъ людей nebudeтъ руководствовашъ компаньоновъ. Истина вѣрная, что каждая общественная складка капиталовъ полезна тогда только, когда противъ нея есть живое соревнованіе людей постороннихъ. Тогда Общество будетъ не монополіею, но полезнымъ собраніемъ силъ и средствъ, экономіею труда, рукъ, издержекъ, дружнымъ употребленіемъ усилій, кошорыя безплодно растерялись-бы по разницѣ. При пособіи общественной дѣятельности открываются новыя пути передачамъ капиталовъ, распространяются торжища, усиливаются сношенія. До сихъ поръ, ничего неперпя опъ общественныхъ привиллегій, торгемыя дома Бамавіа нашли въ нихъ болѣе прочныя и болѣе опредѣленныя средства сбыта, возвышеніе биржевыхъ цѣнъ и приращеніе дѣлъ. Несмотря на сильное соперничество, въ 1827 году считали здѣсь 16-ть Нидерландскихъ торговыхъ домовъ, 6-ть Англійскихъ и 1-нъ Американскій. Впрочемъ изъ числа всѣхъ, десять занимались только второсепенною торговлею.

Торговое мореходство здѣшнее составляютъ 43 корабля и одинъ пароходъ. Изъ числа кораблей семь помѣщаютъ болѣе 100 тоннъ груза на каждый. Ввозъ объемлетъ всѣ мануфактурныя издѣлія Европы, шкани, нарядныя и необходимыя, дорогое оружіе, сукна, спальныя, шелковыя издѣлія, товары изъ Европы, Кипая, Индійскихъ и Малайскихъ факторій, шкани

всѣхъ родовъ и всѣхъ цѣнъ, и вообще произведенія и запасы иноземные, которыхъ Батавіа производитъ не можетъ, какъ-то: вина и водки Французскія и Испанскія, чай Китайскій, сарачинское пшено Индіи и Манилла. Въ замѣнъ всего, Ява снабжаетъ Азію и Европу сахаромъ, кофе, сарачинскимъ пшеномъ, табакомъ, *катжангомъ*, маисомъ, хлопчатой бумагой, даже индиго и произведеніями мѣсной промышленности, довольно усовершенствованными.

Изъ числа эшихъ произведеній надобно упомянуть: выдѣлку арака, кирпичныя, кожевенныя, красильныя, свѣчныя, горшечныя, карпочныя издѣлія. Араковыхъ заводовъ счищаютъ до восьми, и всѣ они совокупно вырабатываютъ въ годъ до 1200 боченковъ этого крѣпкаго напитка, который Китайцы пьютъ обыкновенно, но умеренно. Матеріаломъ для перегонки бываютъ сарачинское пшено, сахарный сиропъ, *туакъ* и смѣсь, называемая *пека*, изъ корицы, аниса, луку и муки сарачинскаго пшена. — Кирпичныхъ заводовъ восемь, и они особенно успѣвали, когда новый городъ строился по планамъ генераль-губернатора Дендельса. — Четыре кожевни заведены здѣсь Китайцами. — Красильни суть занятія мѣстныхъ промышленниковъ, которые живутъ по деревнямъ, сами шкушутъ, сами красятъ свои шкани. Почти исключительно занимающіяся этимъ женщины. Вещества, употребляемая для крашенія, суть обыкновенно: индиго, корень *манкуду*, *руку*, зерна хлопчатой бумаги, корень *куркумы*, *инбирь*, *катжанговое* масло. Красятъ просто, погружая нѣсколько разъ шкань въ посудину, гдѣ разведена краска. Окраска *батика*

производятся при посредствѣ распущеннаго воска, которымъ покрываютъ части шканей, долженствующія оштаться одноцвѣтными, или свѣтлыми, когда погружаютъ шкань въ растворъ. Такъ приготовляются плашки, или *саронги* (передники), споль опличные тонкостью шканья и прелестными, разнообразными цвѣтами.

Другія отрасли промышленности, какъ-то: перетопка сала и глиняныя издѣлія, находятся также въ положеніи довольно цвѣтущемъ. Фабрики игральныхъ картъ занимаютъ большое число рукъ; карты приготовляются здѣсь Кипайскія, игра которыхъ счисляется двумя десятками. Другія рукодѣлія исправляются, какъ въ Европѣ, масперами, имѣющими подъ своимъ руководствомъ и надзоромъ подмастерьевъ. Такъ распределены въ Бапавіа плотники, столяры, каменщики, кузнецы, слѣсаря, мѣдники, жестяники, маляры домовъ, шлежники, сѣдельщики, канатчики, булочники, и проч. — Почти все это занимаетъ только Кипайцовъ и Малайцовъ, показывающихъ въ дѣлѣ большую ловкость. Немногіе Европейцы захопѣли-бы и могли померяться съ ними. Знойный климатъ, различіе племъ, все удаляетъ нашихъ ремесленниковъ изъ Азіатскихъ колоній, гдѣ они не въ состояніи поддерживать соперничества съ туземными рабочими. Поэтому во всѣхъ опдаленныхъ Европейскихъ владѣніяхъ всегда будетъ недоставать людей средняго званія, составляющихъ силу и прочность общественнаго быта. Нѣсколько Европейцевъ, брошенныхъ между тысячами Кипайцовъ и Малайцовъ, никогда не составятъ

на Ява Европейской національности, между тѣмъ, какъ въ Новой Голландіи, гдѣ находишься классъ народа рабочаго, дѣятельнаго, почти богатаго, имѣющаго дѣла и подручныхъ работниковъ, можетъ легко осуществиться задача перенесеннаго изъ Европы быта.

Жизнь въ Батавіи привольно и роскошно. Европейцы первые дали этому направленіе. Съ самаго начала своихъ завоеваній завели они богатую мебель, большіе дома, множество слугъ, золотую, серебряную посуду, кареты, лошадей, охоту. Увлеченные примѣромъ, Малайцы и Яванцы захопѣли въ свой чередъ дорогихъ платьевъ, галантерей, богатыхъ шканделяхъ, повели жизнь въ балахъ и праздникахъ, какъ будто каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи сокровища какого нибудь раджи. Китайцы, хотя и экономнѣе всѣхъ, имѣютъ также свои предметы для прожитыя—это великолѣпіе, какое оказываютъ они при своихъ годовыхъ праздникахъ, свадьбахъ, погребеніяхъ. Скупые во всякое другое время, тутъ распочающъ деньги безъ мѣры, а особливо въ праздникъ новаго года, и при великолѣпномъ обрядѣ *Гапъ-Боме*, его сопровождающемъ. Что касается до Арабовъ и Мавровъ, то всему предпочитающъ они роскошь, имѣющую прочную и дѣйствительную цѣнность. Великолѣпіе ихъ состоитъ въ обладаніи драгоценными сокровищами, камнями, золотомъ, серебромъ, уборами женскими.

Генераль-губернаторы всегда болѣе поощряли, нежели воспрещали распространеніе роскоши между жителями, видя въ ней ручательство за мирное образованіе общества; но при этомъ вещественномъ,

такъ сказать, воспитаніи народа, они не забывали, что умъ также имѣетъ свою потребностъ образованія, чтобы удержаться наравнѣ съ улучшаемымъ физическимъ бытомъ. Много первоначальныхъ училищъ учреждено въ Батавіа. Главное, куда Европейцы посылаютъ своихъ дѣтей, заведено было съ 1817 года въ Велшефреденъ, въ самой здоровой, самой освѣженной воздухѣмъ частіи, и его можно почесть стоящимъ наряду съ нашими лучшими учрежденіями въ семъ родѣ. Подчиненное этому, другое училище основано было попомъ, куда ходятъ дѣти жипелей, вообще называемыхъ *Португальцами*, и къ которымъ присоединяются юные Малайцы и Кипайцы. Это училище можно назвать разсадникомъ для здѣшнихъ канцелярій и конпоръ. Тутъ образуется пишущій народъ, исправляющій, такъ сказать, черную работу по письменной частіи. Къ двумъ упомянутымъ мною учебнымъ заведеніямъ, принесшимъ уже полезныя плоды, съ 1824 года присовокупился было пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ, управляемый наставницами, вывезенными изъ Европы на счетъ правительсва, но въ 1826 году пансіонъ этотъ былъ уничтоженъ — попому-ли, что число воспитанницъ оказалось недостаточнымъ для поддержки заведенія, или что наставницы, молодыя и хорошенькія, всѣ предпочли выйдти скорѣе замужъ за богатыхъ колонистовъ, нежели учить дѣтей.

Воспитаніе пуземнаго юношества большею частію ввѣрено Мугаммеданскому духовенству, находящемуся при разныхъ мечетяхъ. Далѣе, мы поговоримъ

объ этомъ народѣ и вліяніи, какое имѣетъ онъ на жишелей. Всѣ Мугаммеданскіе духовныде дѣляшся на многіе классы, опличаемые названіями *Имановъ*, *Катиговъ* и *Гиталовъ*. Глава Имановъ именуется *Панггулу*. Получая жалованье опъ правительсва, онъ исправляетъ должность чиновника, какъ при *Ландъ-Радѣ*, такъ и при другихъ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ свидѣтельствуетъ кляшвы послѣдователей исламизма. Мечетей считается здѣсь около 17-ти, и при каждой есть число духовныхъ, сообразное ея важности. Доходы духовныхъ однакожъ незначительны; ихъ составляютъ произведенія земель, принадлежащихъ мечетямъ, приношенія во время жашвъ и при большихъ праздникахъ, и наконецъ плаша при свадьбахъ, похоронахъ и духовныхъ обрядахъ.

Таковъ знаменитый городъ *Batavia*, гдѣ шеперь остановился я, и гдѣ нашелъ самое дружеское гостепріимство. Въ числѣ писемъ, давно забытыхъ въ моемъ портфейлѣ, я отыскалъ письмо добраго Вильмоша Калькушскаго къ одному изъ знашнѣйшихъ торговыхъ домовъ Яванской столицы. Эти рекомендапельныя письма, споль ничтожныя въ Европѣ, гдѣ всѣ слѣдствія ихъ ограничиваются пошлою учтивостью, и много много объдомъ, имѣютъ существенное значеніе въ колоніяхъ. Едва представилъ я нѣсколько спрокъ Вильмоша негоціанту Батавійскому, гну Перкусу, какъ сдѣлался добрымъ его гостемъ. Мнѣ пошчасъ предложили кварширу въ домѣ, и я не могъ опговориться. Не буду описывать, сколько ласки, вниманія, привѣтствій и предупредительности встрѣшилъ я въ поч-

пенномъ семействѣ моихъ хозяевъ. Въ печеніе немногихъ, прожиныхъ мною въ Бапавіа дней, я роскошничалъ, какъ богатый колонистъ, переходилъ съ бала на балъ, съ праздника на праздникъ, съ обѣда на обѣдъ. Четверо слугъ, паланкинъ, кареша съ парюю лошадей, двѣ верховыхъ лошади—все это было къ моимъ услугамъ. Меня завалили приглашеніями въ госпи къ мѣстнымъ чиновникамъ и богатымъ купцамъ. Во всѣхъ видѣнныхъ мною собраніяхъ царствовала роскошь, совершенно Азіатская. Благоніе, пахучія эссенціи, изысканныя кушанья, прохладенія тысячи родовъ—все это было расходуемо ханскою рукою. Казалось, что каждый хозяинъ спорилъ о томъ, кто явится роскошнѣе, и никто не хотѣлъ оспариваться хуже своихъ знакомыхъ. Можно понять, какъ сильно поражали меня теперь, послѣ годичнаго бродяжничества по Океанійскимъ морямъ, послѣ опротивительнаго зрѣлища дикихъ человѣкоядцовъ, и эта Азіатская пышность, и эти Европейскіе нравы. Цѣлую недѣлю предавался я наслажденіямъ жизни, будто угорѣлый. Мнѣ казалось, что я на родинѣ, среди знакомаго мнѣ, образованнаго, пріятнаго общества, веселаго, остроумнаго, дружескаго. Я забывался — ненаблюдалъ ничего....

Но послѣ нѣсколькихъ, усладительно пролетѣвшихъ дней, мнѣ пришло въ голову, что я не во Франціи, но въ Малайской землѣ, и пріѣхалъ сюда не за тѣмъ только, чтобы пировать съ богатыми Бапавійцами и любоваться на ихъ молодыхъ и прелестныхъ Креолокъ. Первымъ слѣдствіемъ такой мысли было, что я началъ опсипавать опѣ

Европейскаго населенія Бапавіа, и старался сблизиться для моихъ наблюденій съ шүземнымъ народомъ. Мое намѣреніе шотчасъ поняли, и усердно помогли мнѣ. Нѣсколько поѣздокъ немедленно устроилось въ окрестностяхи города и ближнія обласпи.

Первая изъ нихъ была къ одному изъ самыхъ значительныхъ, ближнихъ владѣтелей. Онъ жилъ въ великолѣпномъ помѣстьи, поставленномъ на берегу небольшого протока; спереди устроена была въ жилищѣ его галерея съ колоннами, копорую замыкала обширная, прохладная зала. Хозяинъ дома былъ еще молодой человекъ, знатнаго рода, весьма уважаемый всѣми. Одежду его составлялъ *яригъ* изъ Индійской ткани, гораздо болѣе обыкновеннаго передника, или *саронга*. Сверхъ ярига надѣлъ на немъ былъ шелковый *сабукъ*, родъ куртки. Прогуливаясь съ нами, онъ надѣлъ бархатный *тикопанъ*, обшитый кружевами и похожій на Фрисландскіе жакеты, какіе нашивали лѣтъ сто тому. Подъ тикспаномъ видѣнъ былъ бѣлый жилетъ, застѣгнутый пуговками до самаго горла и закрывающій нашу рубашку. Головной нарядъ состоялъ изъ широкаго лоскута сукна, или узорчатаго бархата, сложеннаго на манеръ жокейскаго карпузика. Имѣя торговля дѣла съ Перкусомъ, щеголевашый хозяинъ принялъ насъ со всевозможною ласкою. Гостепріимство его представляло что-то такое важное, почетное, придававшее ему шѣмъ болѣе цѣны. Хозяинъ показалъ намъ во всей подробности свое великолѣпное жилище, и прекрасныя плантаціи, его окружавшія, кофейныя поля, содержимыя, какъ

опрятный парникъ, поля съ сахарными проспни-ками и опыты насажденія индиго. Неменѣе 200,000 пiаспровъ оцѣняли владѣнія, гдѣ жилъ эпопъ зна-менистый раджа.

При второй нашей поѣздкѣ мы направились въ *Буиенцоргъ*. Губернапоръ объѣзжалъ въ это время окружныя обласпи, и попому немогъ принятъ насъ самъ. Но его главные чиновники, въ замѣну того, оказали намъ самое ласковое госпепрiимспво. Путь опъ Бапавiа къ Буиенцоргу, прежде лежавшій черезъ дикую пусшыню, шеперь соспавляетъ одну длинную аллею, съ домами по споронамъ, такъ, что ихъ можно-бы почесъть безпрерывно продолжающимся предмъспъемъ обширнаго города. Черезъ два часа ѣзды доспигли мы замка, фасадъ котораго самый щегольской. Сппроенiе состоишъ изъ главнаго корпуса и двухъ крыльевъ. Галлерей съ колоннадою идешъ кругомъ выдавшагося главнаго зданiя, а куполь съ шпицомъ оканчиваетъ его верхъ. Много другихъ сппроенiй присоеди-нено къ основному фасаду. Одни сущъ казармы, другiя помѣщенiя для свiпы Губернапора, настоящаго князя здѣшней земли. Всъ сiи послспройки восходяшъ недалѣе 1816 года. Тогда пересспроили всъ спаринныя учаспки зданiя, съ большимъ порядкомъ и лучшею правильностью. Спаринныя скучныя сады превратили въ Англiйскiй садъ; употребили въ пользу воду, изобилующую въ здѣшней долинѣ; ее подняли въ фоншаны, заставили падать каскадами. Къ такимъ, просто архитекшурнымъ улучшенiямъ, баронъ Фанъ-деръ-Капелменъ вскорѣ прибавилъ но-

вые, болѣе полезныя устройства. Учредили въ Буи-пенцоргѣ ботаническій садъ, ввѣривши его попеченіямъ ученаго Рейнвардша, котораго замѣнилъ потомъ докторъ Блумъ. Съ большими издержками были собраны въ этомъ саду не только всѣ произрастенія обильной почвы Яванской, но еще множество растений Молукскихъ острововъ, Бенгала, Бразиліи, Китая, Японіи и Австраліи.

Одну за другою, мы пересмотрѣли всѣ здѣшнія рѣдкости: дворецъ и его прекрасныя пріемныя залы, ботаническій садъ, фоншаны, паркъ, боскеты, огородъ, гдѣ всего болѣе померанцовъ, и окрестныя поля, пересѣкаемыя тысячами ручьевъ. Находясь во внутреннихъ областяхъ Яванскихъ, это всего болѣе поражало противоположностью ландшафта — Азіатскимъ его колоритомъ, разнообразіемъ поверхности и видомъ Малайскихъ хижинъ, находящихся въ очеркѣ обширныхъ строеній Европейскихъ.

Пока еще резиденція Буипенцоргская, подобно Кравангской, не была присоединена къ Батавіа, она образовывала пять округовъ: Буипенцоргъ — собственно, Паронгъ, Яссинга, Тжи-Бинонгъ и Тжи-Барусса. Всѣ сіи округа повиновались каждый туземному старшинѣ, наблюдавшему за благочиніемъ и именовавшемуся, въ первомъ *Андипатти*, въ чепы-рехъ остальныхъ *Демангъ*. Хотя здѣшніе округа самыя богатѣйшіе изъ всей Явы, но доходовъ съ нихъ едва могло-бы доспать на издержки управленія, если-бы правительство неимѣло монополіи на кофе, сборъ котораго приноситъ большіе барыши.

Самое резиденцтво, непрерывно уменьшаемое отдѣленіями земель его въ другія, нынѣ состоить почти только изъ одного замка и участковъ незначительныхъ, находящихся между рѣками Тжиливонгъ и Тжиданіе, болѣе полульѣ отъ одной до другой.

Видѣвши теперь земли, подвластныя Голландцамъ, непрерывливо желалъ я видѣть области чисто Малайскія, гдѣ неизглажены еще старыя, туземные нравы. Счастливыя случаи представились къ этому. Одинъ изъ прикащиковъ Голландскаго торговаго дома, прекрасный молодой человекъ, по имени Пиперъ, отправлялся въ Бантамскую область, для надзора за большою покупкою сарачинскаго пшена, которое надобно было отправить въ Анжеръ, одинъ изъ тамошнихъ портовъ. Я навязался ему въ соупники.

Изъ Батавіа отправились мы въ прекрасной коляскѣ 19-го Октября, а на другой день, переѣхавши рѣку Тжиканди и полюбовавшись прелестною окрестностью, прибыли въ Церамъ, нынѣшнюю столицу царства Бантамскаго. Это царство дѣлилось на два управленія, Сѣверное и Южное, и въ немъ счисляется до 983 десса, или селеній. Спорона самая замѣчательная на Ява. Долго была она независима отъ власти Голландской, но съ тѣхъ поръ, какъ генераль Дендельсъ покорилъ оружіемъ одного изъ здѣшнихъ султановъ, беспокоившаго окрестныя округа, Бантамъ сдѣлался почти однимъ изъ уѣздовъ Батавіа. Церамъ, находящійся во внутренности земель Бантамскихъ, красивый,

многолюдный, хорошо построенный городъ. Домъ Резиденца, гдѣ мы остановились, выстроенъ прошивъ *далама* туземнаго правителя. Это щегольское, удобное помѣщеніе, подлѣ котораго находится домъ секретаря резиденціи, еще нѣсколько жилищъ Европейскихъ, гауптвахта и гарнизонныя казармы.

Въ Церамѣ увидѣлъ я Малайцовъ съ ихъ одеждами, нравами, природнымъ бытомъ. Уже въ окрестныхъ поляхъ замѣнилъ я множество мужчинъ и женщинъ изъ простолудства, разнообразно одѣтыхъ. Обыкновенную одежду мужчинъ составлялъ большой саронгъ, родъ запана, или понявы, съ цвѣтами, и *коламби*, родъ куртки съ рукавами, весьма короткими, а для женщинъ юбка съ квадратами, и при ней верхняя одежда, сжатая въ талии и къверху, какъ будто длинная кофта. На головахъ, мужчины носятъ плапокъ, связанный въ родъ чалмы, и у каждаго за поясомъ находится кри. У женщинъ волосы подняты на верхъ головы, а въ ушахъ висятъ преогромныя серьги. Оба пола ходятъ босые.

Въ высшихъ званіяхъ одежда измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, времени, мѣсту, должности каждаго. Такимъ образомъ для чиновниковъ, окружающихъ Султана, есть нарядъ дворскій и нарядъ военный. Въ первомъ слѣдуетъ являться съ обнаженными плечами и руками, нагому до пояса, имѣя при себѣ одинъ кри съ правой стороны и острое оружіе съ лѣвой стороны; оно называется *ведунгъ*, и имѣетъ форму ножа. Оружіе это есть нѣ-

что символическое, и означаетъ, что носящій его всегда долженъ быть готовъ рѣзать праву и рубить деревья по повелѣнію своего власишеля. Форменный головной нарядъ при такомъ уборѣ состоитъ изъ кулука, калпака, изъ бѣлой шелковой ткани, или бархата, опороченного золомъ — подражаніе Арабской шапкѣ, введенное на Ява Султаномъ Палангскимъ. Вся открытая часть тѣла напирается бѣловатымъ порошкомъ, или блестящимъ желтымъ. Самый Султанъ неосвобождается отъ такой форменности эпикета. — Военное одѣяніе еще болѣе сложно. Требуется имѣть при немъ три кри: первый, купленный офицеромъ, копорый его носитъ, второй, переданный ему отъ его предковъ, а третій долженъ быть подаренъ ему родственниками его жены. Два изъ нихъ находясь по обѣимъ сторонамъ пояса, третій сзади. На поршупеѣ виситъ еще съ лѣваго боку сабля. Остальной нарядъ составляютъ шаровары, называемые *шелана*, полосатая куртка, подъ нею бѣлый, застегнутый до горла жилетъ, и наконецъ огромная бархатная шляпа, кажется, вовсе бесполезная на сраженіи. — Изъ числа другихъ одѣяній упомяну объ одеждѣ жениха и невѣсты, когда идутъ они въ мечеть, гдѣ иманъ долженъ благословить союзъ ихъ. При такомъ случаѣ испощается все, что только имѣетъ употребленнаго нарядъ Малайскій. Покрытый отъ пояса до пяты великолѣпнымъ передникомъ, или юбкою, съ руками и верхнею частью тѣла обнаженными, но унизанными ожерельями и золовыми бляхами, съ зубчатою діадемою на головѣ, изъ-подъ копорой ви-

сипѣ множество нипокъ жемчугу, женихъ идеѣтъ впереди провожаемыхъ, медленно, спокойно, спешенно. Невѣста слѣдуетъ за нимъ, одѣтая похоже на него, въ лучшихъ своихъ уборахъ, съ полуоткрытою грудью и голыми руками, въ длинной юбкѣ, въ кофѣтѣ, перехваченной около талии, гдѣ виднѣнъ богатый поясъ, съ діадемою изъ золотыхъ бляхъ на головѣ, и съ браслетами на рукахъ. Онъ и она бывающъ одѣшны въ бабуши.

Все это видѣлъ я мимоходомъ, мелькомъ. Намъ можно было побыть въ Церамѣ едва нѣсколько часовъ; но, покрайней мѣрѣ, по возвращеніи въ Бапавіа я сохранялъ вѣрное и самовидное впечатлѣніе о внутреннихъ обласкахъ острова, и это вывело меня изъ круга идей, какія поражаютъ сей обширный, болѣе Европейскій, чѣмъ Малайскій городъ. Мои спранныческія походы были еще далеко некончены, и мнѣ надобно было предостеречь себя отъ усладительной нѣги, царствующей въ жизни Бапавійскихъ креоловъ. Бурныя моря и дикія спраны ожидали еще меня, съ испытаніями всякаго рода. И вотъ почему, едва только, на другой день по возвращеніи моемъ въ Бапавіа, представился мнѣ случай плыть въ Авспральныя земли, я просился съ моимъ добрымъ хозяиномъ. Почти со слезами на глазахъ заклиналъ онъ меня не даваться снова и добровольно въ опасности, довольствуясь уже совершеннымъ мною, столь разнообразнымъ и продолжительнымъ спранствованіемъ. Я невнималъ никакимъ дружескимъ увѣщаніямъ. Немедленно заключенъ былъ мною договоръ съ капишаномъ Повелемъ,

начальникомъ корабля *Кангуру*, долженствовавшимъ опплыть Октября 23-го, зайдши въ Сурабаіа, на восточномъ берегу Ява, дополнишь шамъ свои припасы, и потомъ направиться къ Новой Голландіи.

Ничто неразстроило нашихъ предположеній. Съ разсвѣтомъ 23-го Октября оставили мы большую гавань, и при пособіи въперка опъ береговъ, пошались мимо восточной части Яванскаго берега. Время было чудесное, въперъ добрый, и шрехъ дней было намъ достаочно проплыть это побережье, гдѣ обыкновенно мѣшается плаванію В. въперъ. Мы обошли, чуть неспронувши землю, мысы Баншаманъ и Бонангъ, образующіе два угла у полуострова Япарскаго, а потомъ, на высотахъ мыса Панка, вошли въ проливъ, отдѣляющій островъ Мадуре опъ большой, главной земли. Все разнообразіе земель Яванскихъ, покрытое роскошнымъ произраспаніемъ, раскрылось предъ нами. Мы могли различать, протянувшіяся опъ подошвы внутреннихъ горъ, прелестныя кофейныя плантаціи Шерибона и Япара. На всемъ этомъ пространствѣ видѣлись сквозь зелень деревьевъ во множествѣ селенія, съ своими бамбуковыми и рашановыми хижинами. За полуостровомъ Япарскимъ насажденія казались измѣнившимися. Тутъ меньше видно было кофе, но больше сарачинскаго пшена. Кофейныя поля появились опять за округомъ Сурабайскимъ, между тѣмъ какъ Мадуре представлялъ болѣе засѣвовъ пшена сарачинскаго.

Обогнувъ мысъ Панка, мы вступили въ проливъ, здѣсь еще широкій на пять льѣ. Множество Яван-

скихъ ботовъ, сжапыхъ въ эпомъ пространствѣ, казалось, играли вокругъ насъ, плавая при пособіи пагаевъ и преугольныхъ парусовъ своихъ. Мы обошли мысъ Померанцевый, самое пѣсное мѣсто пролива, гдѣ на побережьи построена крѣпость, подчиняющая себѣ всю окружность. Оба берега были усажены красивыми селеніями, отъ которыхъ выплывало множество лодокъ. Нашъ Кангуру, отличный ходокъ, проскользнулъ легко сквозь здѣшніе пинисные переходы. Вскорѣ замѣтили мы гавань Гриссе, одну изъ самыхъ знаменитыхъ на Ява для починки кораблей, и 26-го Октября бросили якорь передъ Сурабайскимъ резиденствомъ.

Послѣ Батавіа, Сурабаіа такое мѣсто, которое всего болѣе одолжено попеченіямъ генераль-губернатора Дендельса. Тутъ замѣчательны морской арсеналъ, прочная и широкая набережная на рѣкѣ Кедири, протекающей черезъ городъ, длинная насыпь, для воспрепятствованія засоренію рѣчного устья, монетный дворъ, верфи, липейная для ядеръ, и наконецъ домъ губернаторскій. Находясь внѣ города, всѣ сіи зданія сообщаются съ нимъ длинными и широкими улицами, по которымъ находятся каменные дома, украшенные внѣшними галлереями. Прибрежныя части города, менѣ красивыя и менѣ здоровыя, оспающа въ водѣ большую часть года. Также генералу Дендельсу одолженъ Сурабаіа великолѣпною дорогою, проложенною сквозь болота и горы до Самаранга и соединенною съ дорогою изъ Самаранга въ Батавіа.

Нашему *Кангуру* нельзя было надолго осматриваться въ Сурабаѳа, и мнѣ надлежало наскоро набиратьъ свѣдѣнія, по которымъ могъ я повѣрять цѣну изученій и замѣчаній полнѣйшихъ. Переправясь съ капитаномъ на одну изъ плотинъ, при входѣ въ гавань, мы должны были выперпѣть прежде всего осмотръ таможни, вполне владѣющей эпохо приморскою границею города. Городскія жилища Европейцевъ начинаются за таможенною черпою. Бѣлыя стѣны, крыши домовъ террасами, красивыя крытыя галлерей съ внѣшними столбиками—вопъ что прежде всего бросается здѣсь въ глаза. На противоположномъ таможнѣ берегу находится башпарей, владѣющая рѣкою и оканчивающая здѣсь предмѣстіе. Далѣе слѣдуютъ верфи; потомъ отдѣленіе Китайское, опрятное, шумное, оживленное, какъ во всѣхъ шѣхъ городахъ, гдѣ расположились кочевья эпихъ бродящихъ повсюду торгашей; потомъ являеся креольскій городъ, хорошо выстроенный, хорошо населенный; наконецъ жилище Резидента, означенное павильономъ, зданіе въ два этажа, отражающееся въ волнахъ рѣки. У эпого чиновника мѣсто свиданія всѣхъ лучшихъ людей города. Все общество составляетъ небольшое количество семействъ креольскихъ и Европейскихъ. Немногія изъ женщинъ говорятъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ Малайскаго. У нѣкоторыхъ изъ нихъ прекрасныя, выразительныя физіогноміи, и почти всѣ опличаются ласковымъ и добрымъ обращеніемъ. Едва наступаетъ вечеръ, все здѣшнее общество сходится въ обширныхъ и прекрасныхъ залахъ жилища Резидента,

освѣщенныхъ лампами съ стеклянными шарами, и столь открытыхъ для прохлады воздухомъ, что проходящіе почти могутъ видѣть все собраніе, забавы его, и даже слушать разговоры.

Населеніе Сурабаіа составляютъ кромѣ того, какъ въ Батавіа, Малайцы и Кишайцы. Сюда часпо пріѣзжаютъ обитатели ближняго острова Мадуре, составляющіе отдѣльный типъ въ семействѣ Яванскомъ. Нашъ корабль немогъ пребыть здѣсь болѣе сутокъ, и мнѣ невозможно было посѣтить этого острова, часъ котораго могли мы видѣть съ Сурабайской пристани. Тамъ могъ я увидѣть нравы, обычаи, политическое образованіе народа, зависящаго отъ Голландцовъ только непосредственнымъ образомъ; подобно Лапласу и офицерамъ его *Любимицы*, я могъ присутствовать на шеземныхъ праздникахъ, обѣдать съ маленькими султанами островскими, и наблюдать ихъ въ странной и роскошной ихъ жизни.

Едва только Любимица остановилась на нѣскольکو дней въ гавани Сурабайской, отъ одного изъ прехъ Мадурскихъ султановъ, Султана Банкалангскаго, получено было приглашеніе, столь убѣдительное, что капишанъ Лапласъ почелъ обязанностью принять его для себя и нѣсколькихъ своихъ офицеровъ. Переправились на приморье Мадурское, гдѣ сынъ султанскій ждалъ уже посѣпителей. Послѣ легкаго завтрака, чаемъ и Кишайскими закусками, сѣли въ двѣ коляски, долженствовавшія доставить путешественниковъ въ Банкалангъ, столицу Султана. Сынъ Султанскій, пупеводитель гостей, былъ

высокаго роста молодой человекъ, мѣднаго цвѣта, начальствующій Мадурскимъ опрядомъ, находившимся въ Голландской службѣ, а пошому, въ опличіе своего званія, онъ былъ въ мундиръ высшаго офицера Голландской конницы. Такой костюмъ неказался-бы слишкомъ спраннымъ безъ пюрбана, краснаго съ бѣлымъ, копорый Мадурецъ почелъ обязанностію сохранить подъ своею офицерскою шляпою.

Первое впечатлѣніе на Мадуре не было благопріятно для спраны, копорую хопѣли посѣпшии Французы. Тупъ невидно было, какъ въ Сурабаіа, живаго и сильнаго произрастенія, но являлись поля, опаленныя солнцемъ, чахлыя деревья, плохія жапвы. На островъ мало воды, а вода подъ шпропиками такое благо, копораго ничпо замѣнишь неможешъ. Пошому и доходы Мадурскаго Султана состоятъ не сполько въ произведеніяхъ земли, сколько въ добывкѣ соли, довольно прибыльной, несмопря на монополію Голландцовъ, и въ неиспощимомъ изобиліи салангановыхъ гнѣздъ, копорыми унизаны ушесисшыя и изрыпшыя заливами скалы сѣвернаго берега.

Вдоль по дорогѣ являлись попеременно Мадурскія селенія, гдѣ каждый домъ, окруженный опдѣльно палисадомъ, казался маленькимъ островкомъ.

Въ три часа коляски переѣхали разспояніе, раздѣляющее Банкалангъ опъ мѣста, гдѣ пристали Французы къ Мадуре. Прибыли прямо къ палашамъ Султана, копорый принялъ чужеземцовъ благородно и почпипельно. Подлѣ него находился Голландскій Резидентъ, служившій вмѣсто перевод-

чика начальнику Любимицы. Сулпанское жилище составляло одну изъ споронъ обширной Банкалангской площади. Оно открывалось обширнымъ дворомъ, который огораживали съ двухъ споронъ казармы Мадурской гвардіи, и посрединѣ котораго были два великолѣпныя дерева, живыя свидѣтельсва древности сулпанскаго шишула, ибо еще предокъ Сулпана посадилъ ихъ, съ великимъ обрядомъ, въ шопъ день, когда наименованъ онъ былъ *бангъ-горамомъ*. За этимъ дворомъ слѣдовалъ дворецъ, зданіе поспройки легкой и щеголевапой, украшенное столбиками, подъ которыми простиралось главное помѣщеніе, обширная, прямоугольная галлерей, открывшая со всѣхъ споронъ воздуху. Эшопъ огромнѣйшій кіоскъ былъ перерѣзанъ на чепыре части, прямымъ угламъ, двумя рядами столбовъ. Двѣ залы походили шупъ болѣе на магазины, нежели на гостиныя — такъ унизаны онъ были кандебрами, люспрами, спѣнными часами и другою дорогою мебелью. Двѣ другія залы составляли столовую. Кругомъ всего эшого, спранной поспройки зданія находилось множество принадлежностей, баня, кухни, помѣщеніе для женщинъ, другое для служителей, и наконецъ зала музыкальныхъ инструменшовъ. Тупъ видны были эши односпрунныя орудія, довольно похожія на нашу скрипку, и состоящія въ кишечной спрунѣ, натянутой на половину скорлупы большаго кокосоваго орѣха, покрышаго весьма тонкою кожицею со спороны впадины. Играющъ смычкомъ изъ конскихъ волосъ, который всегда остаешся въ спрунахъ. Подлѣ сихъ орудій гармоніи являлись многія дру-

гія, производящія звуки еще болѣе ужасныя. Таковъ былъ родъ гонга, или джендера, составленнаго изъ восьми мапаллическихъ дощечекъ неравной величины, копорыя опть палочки музыканша издають звуки соотвѣтспвенно ихъ объему; далѣе огромный барабанъ изъ пуспаго дерева, въ копоромъ, одинъ подлѣ другаго, находилось шесць мѣдныхъ горшковъ, повѣшенныхъ въ разномъ распояніи и величины разной. Ударяя по нимъ, музыканшъ извлекаешъ звуки, похожіе на звукъ мѣдныхъ шазовъ. Находились также здѣсь Кишайская шапка, огромный барабанъ, различные гумъ-гумы, и шамъ-шамъ, вполнѣ подражающій гремящимъ ударамъ грома.

Едва прибыли Французы, какъ Сулпанъ началъ угощашъ ихъ разными увеселеніями. Первое состояло въ военной пантомимѣ, исполненной красивыми мужчинами, богато одѣшыми и вооруженными копьемъ и кри. Они приблизились двумя рядами, каждый въ предшесствіи одного начальника, и идя принимали разныя воинскія положенія. Красныя повязки съ золотымъ шипьемъ, бѣлыя шарфы, окружающіе шею и падающіе на голыя плеча, кушаки тысячи цвѣтовъ, за копорые зашкнушо по множесству кинжаловъ, все умножало красоту эшого зрѣлища. Пантомима изображала воиновъ, идущихъ на встрѣчу непріятеля, и движенія, и видъ выражали эшополь разительнѣе, что самыя лучшіе актеры могли бы взяшъ уроки въ сей дикой мимикѣ. — Обѣдъ, слѣдовавшій за шѣмъ, непредспавлялъ споль рѣзкаго характера національности. Услуга, кухня, вина — все было Европейское; даже собесѣдники почти

всѣ были въ Голландскихъ мундирахъ, и только самъ Сулпанъ придерживался одежды на половину Малайской, на половину Голландской. Курпка съ генеральскими эполетами покрывала форменный жилетъ, изъ-за котораго видны были голая грудь и голая шея; вмѣсто панталоновъ Сулпанъ носилъ широкую поняву, едва закрывавшую его сухія и голыя ноги. Человѣкъ лѣтъ около 50-ти, хопя и темнаго цвѣта, хопя и съ расплоснутымъ носомъ, огромнымъ ртомъ, губами запачканными бешелемъ, черными гнилыми зубами, лбомъ коропкимъ и выдавшимся, большими скулами, маленькими желтыми глазами, Сулпанъ вознаграждалъ все это открытымъ, веселымъ, и въ то-же время ласковымъ, благороднымъ обхожденіемъ.

Особливо былъ эпопъ Мадурскій власпипель привѣспливъ къ Французскимъ своимъ посѣспипелямъ. Казалось, что онъ выдумываетъ, чѣмъ-бы можно было развлечь ихъ, старается неупустить ничего, что только могло дать имъ благопріятное понятіе объ его величій и великолѣпій. Послѣ обѣда гремѣла непрерывная и оглушающая музыка, сопровождаемая хоромъ женщинъ, разноголоснымъ и непріятнымъ. Пѣвицы, по большой части старыя и некрасивыя, составляли часть гарема сластолюбиваго Сулпана. Игра слѣдовала послѣ концерта. Съли вокругъ спола и играли въ «двадцать одинъ» (vingt-un), при чемъ Голландскіе чиновники и Китайцы оказались отличными мастерами. Наконецъ роскошный ужинъ заключилъ первый день праздниковъ.

Но второй день былъ торжествомъ веселья немѣе. При восхожденіи солнца Французы пошли осмолръшь небольшой холмъ, на верху котораго было кладбище сулпановъ Банкалангскихъ. Тутъ въ загородкѣ находилось множество сараевъ, въ которыхъ заключающся саркофаги. На сихъ различныхъ памятникахъ можно было почти чинать время ихъ основанія, ибо такъ велико было различіе древнихъ отъ новыхъ, какъ въ образѣ постройки, такъ и въ выборѣ матеріаловъ. Самые старые были кирпичные, а другіе, болѣе новѣйшіе, изъ камней, грубо обтесанныхъ, либо изъ благо мрамора и жилистаго гранита. Одинъ изъ сараевъ, съ древними гробницами сулпановъ Мадурскихъ, содержалъ еще множество другихъ, которыхъ уступали имъ вышиною. Сулпанскія почти всѣ состояли изъ четырехугольных, срубанныхъ сверху пирамидъ, съ кускомъ сѣраго гранита, либо мрамора, на верху. Нижнія гробницы были могилы женъ, или родственниковъ сулпанскихъ.

Послѣ полудня удвоились вчерашніе праздники. Подспрекаемый нѣкошорыми, довольно цѣнными подарками, Сулпанъ постарался превзойти самого себя. Приказавши заложить шесть лошадей, въ сбруѣ по Европейски, въ свое великолѣпное ландо, онъ хотѣлъ, чтобы офицеры Любимицы прогулялись съ нимъ офиціально и торжественно. Экипажи выѣхали изъ сулпанскаго Двора при шумѣ разноголосицы музыкальной, и все, что встрѣчалось имъ на пути, мужчины, женщины, дѣти, падало на колѣни, складывая руки въ знакъ глубо-

чайшаго почтенія. Далѣе встрѣпились вновь образованные полки Мадурскіе, и старый Сулпанъ смотрѣлъ на нихъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Мадурцы суть благочеспивые и изувѣрные мусульмане, и каждый годъ миссіонеры, пріѣзжающіе сюда изъ Аравіи, разогрѣвають еще болѣе ревность эпихъ жаркихъ послѣдователей Исламизма. Опъ различія-ли рода, или различія вѣры, они храбрѣе Яванцовъ, копорые боятся и убѣгаютъ ихъ. Худощавые и рѣдко высокаго росла, съ слабыми членами, они опличаются широкимъ, расплюснутымъ носомъ, курчавыми и жесткими волосами, черными глазами, но тусклыми припомъ, ртомъ, копорый поршипъ употребленіе бешеля, и зубами, почернѣвшими опъ особенной для нихъ краски. Одѣваются они почти какъ Яванцы, въ узорчатый передникъ и куртку съ рукавами; шюрбанъносяпъ довольно обширный; кри всегда у каждаго; ноги у всѣхъ босыя. Впрочемъ, Мадурцы презвы, чеспны, беспрашны, вѣрны своему слову, любяпъ роскошь, благочеспивы, наспойчивы и придерживаются своихъ преданій.

Вечернее празднество ожидало офицеровъ Любимицы уже не у Сулпана, но у сына его. Тушъ былъ изгнанъ придворный эпикешъ, и сановники Мадурскіе явились запросто. Жилище Сулпанскаго наследника было устроено по Европейски. Въ галереѣ съ колоннадою, въ прохладныхъ и обширныхъ залахъ, окруженныхъ дворомъ, гдѣ помѣщались жилища женщинъ, слышали опять проклятую разноголосицу музыки, какъ у Сулпана, съ

хоромъ пѣвунѣй, споль-же некрасивыхъ и споль-же крикливыхъ. Ужинали весело, пили шоспы, головы разгорячились, и когда вспали изъ-за спола, Французскіе офицеры и Мадурскіе чиновники принялись плясать съ гаремными баядерками, копорымъ вельно было развеселять госпей. Скоро увидѣли много пляшущихъ въ Европейскихъ мундирахъ; молодежь Мадурская смѣшалась съ женщинами, и прыгала рядами и кругами, держа въ рукахъ длинный шарфъ. Увлеченный примѣромъ и немного разогрѣвшись опъ вина, добрый Сулпанъ самъ принялъ участіе въ пляскахъ. Ничего немогло быть любопытнѣе, какъ видѣть эпшого малорослаго старика, некрасиваго, худощаваго, сгорбленнаго, видѣть, какъ онъ, съ цвѣпнымъ плашкомъ на головѣ, безъ галстуха и безъ жилеша, въ своемъ передникѣ и желшомъ поясѣ, нѣжно обвиваль руками двухъ своихъ одалискъ, перегибалъ шѣло и наклонялъ рожу, шо къ шой, шо къ другой, желая нравиться и шребуя рукоплесканій опъ присутствующихъ. Если мало хлопали, онъ сердился, и своею Сулпанскою десницею колопилъ шѣхъ, кшо оказываль мало восшорга. Едва самъ Сулпанъ вмѣшался въ забавы, веселоспъ сдѣлалась самая шумная. Заспавили плясать всѣхъ Мадурцовъ, заспавили прыгашъ Голландцовъ, а наконецъ добрались и до Кипайцовъ, самымъ уморительнымъ образомъ скрывавшихъ свое опшраще-ніе опъ Малайскихъ танцовщицъ и плясунѣй.

Рядъ праздниковъ заключился большимъ сценическимъ представленіемъ. Оно показывало еще дѣпспво искуства драматическаго, и сосшояло шолько

въ Кипайскихъ пѣняхъ, которыя являлись за натянутою пканью. На другой день офицеры Любимицы возвратились на свой корабль, и попомъ имѣли честь принимать у себя и угощать власпишеля Мадурскаго.

Любимица останавливалась еще нѣсколько разъ на здѣшнемъ берегу, прежде нежели начала свое продолжительное дальнѣйшее плаваніе. Она бросила якорь въ Пассаруангъ, главномъ мѣстѣ резиденціи сего имени, находящемся внутри залива, весьма открытаго, на берегахъ небольшой рѣки Гумпангъ, по которой могутъ ходить только лодки. Пассаруангъ производитъ большой торгъ сарачинскимъ пшеномъ, солью и Европейскими овощами, которыя насаждаются съ большимъ успѣхомъ на окрестныхъ высотахъ. — Попомъ была остановка въ Безукіе, въ 14-ти льѣ далѣе, находящемся, подобно Пассаруангу, при небольшой рѣкѣ. Безукіе маленькій городъ съ красивыми строеніями, между которыми оплчаются жилища Голландскаго Резиденша и пуземнаго власпишеля. Резиденшство Безукійское, населенное 400,000 человекъ, одно изъ обширнѣйшихъ на островѣ Ява, но обитаемо въ немъ только побережье. Далѣе гористая земля предоставлена чернымъ медвѣдямъ, кабанамъ и пиграмъ. Побережье около моря испещрено красивыми селеніями, въ которыхъ главное занятіе жителей составляетъ воздѣлка кофейныхъ плантацій и полей сарачинскаго пшена.

Подлѣ городка Панарукана, въ нѣсколькихъ льѣ на югъ отъ Безукіе, находящаяся самые значитель-

ные заставы пшена. Это прелестное мѣстечко, съ великолѣпною аллеею изъ огромныхъ деревьевъ, обставленною красивыми домиками, деревянными и покрытыми соломой. — Другой городокъ, посѣщенный офицерами Любимицы, былъ Бадиканъ, находящійся во внутренности земли, въ 10-ти льѣ отъ Безукіе, въ направленіи къ горамъ. Здѣсь уже обильно шигровъ. Самыя дикія земли питаютъ превосходныхъ живописныхъ, изъ коихъ должно упомянуть о волахъ, которыхъ здѣсь цѣлыя стада. Ихъ приучаютъ къ бою, и одинъ изъ владѣльцовъ Бадикана увеселялъ Французовъ зрѣлищемъ сего рода сраженій.

Изъ Безукіе направилась Любимица къ Суманалу, впрочемъ султанству Мадурскому, находящемуся на восточной оконечности острова. Входъ въ Суманальскій заливъ довольно затруднителенъ, по причинѣ мѣлей, выходящихъ въ море. Прибрежье окружается здѣсь такою полосой грязи, что надлежало остановитъ корабль, на 4-хъ брассахъ воды, почти въ двухъ миляхъ отъ берега.

Султанъ Суманальскій оказалъ Французскому капитану пріемъ, не столь веселый, какъ въ Банкалангъ, но неменѣе гостепріимный. Дворецъ Султана почти неразличивалъ отъ дворца его сосѣда, и только музыка была здѣсь Европейская, а не Мадурская. Властитель Суманальскій обязанъ саномъ своимъ Голландцамъ, которымъ храбрость его была нерѣдко полезна. Онъ, въ послѣднюю войну, привелъ на Яву самыхъ смѣлыхъ союзниковъ. Высокаго роста, сильный, крѣпкій, съ важными, даже суро-

выми чертами лица, съ глазами черными и живыми, Султанъ Суманапскій имѣлъ всю наружность Азіяпскаго власпишеля. Суманапъ городъ незначительный. Его составляетъ рядъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ, одной стороною къ берегу, другою къ садамъ. Далѣе во внутренность земли почва довольно неблагоприятна, и только при пособіи пруда производилъ сарачинское пшено, маисъ и сахарный тростникъ. Здѣшнюю сторону скорѣе можно назвать мѣстомъ защиты, нежели произведенія богатствъ. Голландцы особенно препоручаютъ Султану, начальнику здѣшнему, наблюдать за безопасностью окрестныхъ морей, и упорно и постоянно преслѣдовать лодки пиратовъ, опустошающія округи Бали и Ломбокъ. Иногда эти пираты собираются флотиліями, и недожидаясь нападенія, сами предупреждаютъ его и выходятъ на берега острова. Для спасенія отъ такихъ бѣдствій, въ Суманапѣ есть крѣпость, жалкой постройки; въ ея обложенныхъ дерномъ стѣнахъ находясь съ полдюжины пушекъ и съ сотню человекъ гарнизона.

Споянка въ Суманапѣ сопровождалась также праздниками и увеселеніями — парадомъ Мадурскихъ воиновъ, большимъ пиромъ, гдѣ Султанъ показалъ невѣроятную роскошь хрусталя и серебра, и наконецъ баломъ, гдѣ видѣли любопытныя противоположности, Европейскія платья креольскихъ дамъ съ Малайскими костюмами, блиставшими отъ драгоценныхъ камней, и съ Мадурскими мундирами, болѣе легкими и почти полудикими. Султанъ хозяйничалъ на праздникахъ очень ловко и важно.

Любимица оставила Суманапъ, чтобы направиться къ проливу Бали, обогнувши мысъ Сандана, мѣсто соединенія, обычное для плавателей въ здѣшнихъ моряхъ. Вскорѣ открылся передъ кораблемъ эпошъ проливъ, споль пагубный для торговли и мореплаванія, ибо здѣсь плашятъ всѣ окрестныя островитяне дань смерти и грабежу. Бали еспъ одинъ изъ тысячи шѣхъ пагубныхъ припоновъ, гдѣ скрываются лодки пиратовъ, опустошающихъ моря Малайскія. Каждый заливъ здѣсь засада и при каждомъ мысъ опасность.

Говорятъ, что Бали былъ населенъ колоніею Сулускихъ островитянъ, копорыхъ заславили бѣжашъ изъ опчизны различныя припѣсненія. Они укрылись на здѣшній островъ и основали Бали-Балу, мѣстопребываніе одного изъ шрехъ султановъ, раздѣляющихъ власть надъ островомъ. Бали-Балу, находящійся внутри небольшого залива, состоишъ изъ немногихъ хижинъ, обитаемыхъ полудикимъ народомъ. Кромѣ морскаго разбоя, шужемцы занимающя нѣсколько воздѣлкою разныхъ произведеній. Ежегодно нѣсколько лодокъ опвозяшъ въ Синкапуръ учаспокъ хлопчатой бумаги, кокосовъ, и множество превосходныхъ плодовъ, распущихъ въ здѣшнихъ лѣсахъ. Въ замѣнъ сихъ шоваровъ берушъ нѣкопорыя Кипайскія издѣлія, простыя шкани, желѣзныя мѣлочи и Европейскій шоваръ. Бали имѣешъ еще великорослую, красивую породу воловъ, опмѣченную бѣлыми пашнами на спинѣ и ногахъ. Эпи живошныя весьма сильны и превосходны для работы, но мясо ихъ невкусно. Оби-

шатели Бали составляютъ племя людей скопо-подобныхъ, свирѣпыхъ, но сильныхъ. Какъ невольники, они употребляются въ ручныхъ работахъ. Спрашное суевѣріе тяготѣетъ надъ здѣшнею спраною, и самыя изувѣрныя безумства Индійскаго полуострова здѣсь еще въ полной силѣ. Это спра-на, гдѣ первобытное вѣрованіе Яванцовъ кажется наиболѣе сохранившимся. Можно полагать, что оно было нѣкогда Буддизмомъ, но что Браманизмъ превозмогъ его, лишь пристра, или чешырестра пому. Балійскіе жрецы одинаковаго характера, одинаково одѣты съ Индійскими, и пользуются такими-же преимуществами. Ведущъ они жизнь споль-же мистическую, созерцательную и преданную молишвѣ.

Послѣдняя остановка Любимицы на Яванскомъ берегу была въ Баніу-Вангуи. Это юго-воспочный округъ острова. Прежде заброшенный и пуспынный, теперь онъ покрытъ богатыми кофейными насажденіями. Главное мѣсто Баніу-Вангуи было прежде кучею бѣдныхъ хижинъ, построенныхъ подлѣ крѣпости, защищающей приморье. Тигры опустошали окрестности, а ближніе волканы заливали берега лавою. И среди такого спрашнаго мѣста, Голландцы рѣшились основать полезную колонію, съ небольшими издержками. Надлежало расчистить лѣса, пробить пупи для сообщенія, въ спранѣ почти непроходимой. Для такихъ тяжкихъ трудовъ опредѣлили преступниковъ пуземныхъ, осужденныхъ на смертную казнь за воровство и убійство. Сначала эти несчастные принимались за работу съ отвращеніемъ, хотѣли луч-

ше бѣжашъ въ лѣса и гибнушъ тамъ съ голода, нежели влачашъ бѣдственное бытіе въ работѣ безконечной. Увидя, что опчаяніе, производящее побѣги, дѣлаетъ предпріятіе колонизаціи невозможнымъ, нашли средство пособить. Позволили преступникамъ брать съ собою женъ и дѣшей, и обзаводиться хозяйствомъ въ мѣстѣ ихъ изгнанія. Такая мѣра оказалась успѣшною въ Баніу-Вангуи, какъ оказалось она успѣшною въ другихъ мѣстахъ. Утвердилась разработка, основались жилища, у пигровъ опнялъ землю человекъ, и внутреннія долины покрылись селеніями. Жилище Резиденца находится шире неподалеку отъ приморья. Это красивый домикъ, съ колоннадою, окруженный хижинами. Длинная, прекрасная кокосовая аллея ведетъ къ мѣстечку и заливу. Налѣво крепость, окруженная глубокимъ рвомъ; десять орудій видны въ амбразурахъ ея дерновыхъ валовъ. Каменные магазины, казармы и пороховая мельница дополняютъ систему укрѣпленій. Обыкновенный гарнизонъ состоитъ здѣсь изъ пятидесяти человекъ, внутренняя область покрыта безконечными кофейными насажденіями, среди высокихъ, двѣственныхъ лѣсовъ, какъ будто сплошными стѣнами ихъ окружающихъ. Сосѣди съ пиграми, жилили, какъ будто заключили съ ними договоръ, чтобы жить взаимно въ добромъ согласіи. Тигры, величины ужасной, приходятъ иногда прогуливаться, въ извѣстные часы дня, между жилищами людей; ни женщины, ни дѣши не пугаются такихъ спрашныхъ, пошешелей, дають имъ что нибудь съѣстное, и

пигры спокойно бѣгутъ въ лѣса, доканчивають тамъ свой обѣдъ оленями и козами. Впрочемъ, не всегда оказываютъ нежданные гости сполько учпировости, и лошади, собаки, быки нерѣдко пропадаютъ здѣсь безъ вѣсти. Если такія пропажи слишкомъ усиливаются, жители принимаются воевать съ дерзкими ворами, и ловяють ихъ ямами, прикрытыми сверху лиспьемъ, гдѣ легко убиють звѣря, попавшаго въ такую ловушку.

Однорогій носорогъ, извѣстный у еспесивоиспытателей подъ именемъ Яванскаго, часто встрѣчается въ здѣшнихъ лѣсахъ, и особенно въ болописныхъ, лѣсныхъ захопуспяхъ. Рѣдко это животное нападаетъ на человека. Одаренное силою необыкновенною, оно употребляетъ ее только для защиты своей, когда заступаютъ ему дорогу. Дювосьель, лучше другихъ описавшій этого пахидерма, говоритъ, что онъ принадлежитъ къ самымъ малорослымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ родовъ. Рогъ, вырастающій у него со старостью, кажется, лошачья и округляетъ носорогъ нарочно преніемъ. Кожа носорога лежитъ складками на шеѣ, надъ ногами и сзади плечъ и бедръ. Плечныя складки занимають все шѣло, а ножныя всю ширину ногъ. Другія незамѣтно оканчиваются, достигая края шой части шѣла, къ копорой направлены. Но главное опличіе кожи здѣшняго носорога составляютъ шишки, по большей части пятиугольныя, копорыми вся она покрыта. Можно-бы сказать, что это родъ чешуи, хотя сіи шишки суть нажныя возвышенности, разбросанныя по всему, покрываю-

щему тѣло объему кожи. Единственная шерсть, на кожѣ замѣчаемая, находится въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходящіяся ряды шишекъ, а наиболѣе видна эта жесткая, черная щетина только въ двухъ мѣстахъ, на краяхъ ушей, и ниже и выше хвоста. Яванскій носорогъ, подобно другимъ своимъ собратьямъ, питается только правою, кореньями и молодыми оппрысками деревьевъ. Онъ любитъ мѣста влажныя и тѣнистыя, и съ наслажденіемъ валяется въ грязи болошъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Баніу-Вангуи, Любимица оставила здѣшній заливъ и пустилась къ Гобаршъ-тоуну. Она обошла такимъ образомъ, отъ залива до залива и отъ одного главнаго мѣста до другаго, весь восточный берегъ острова Ява, наименѣе посѣщаемый и наименѣе извѣстный.

Нашъ Кангуру также обошелъ мимо этого берега. Мы оставили Сурабаіа, и съ 30-го Октября вошли въ заливъ Бали, чтобъ перейдши черезъ него въ великія моря Австральныя. Но неперяя еще изъ вида земли Яванской, предмета столько изученій, полезно будетъ сообразить здѣсь все, что представляетъ намъ любопытнѣйшаго Исторія, Археологія и Географія сего острова, дополненныя въ новѣйшее время открытіями новыми, занимательными и достоверными.

ГЛАВА LXXXIX.

ОСТРОВЪ ЯВА. — ВНУТРЕННІЯ ЕГО ОБЛАСТИ И МѢСТА.

Резиденція *Batavia*, если она есть одна изъ важнѣйшихъ на островѣ Ява, то она также и самая малая по пространству земли. Въ 1818 году, когда возвратили Ява Голландцамъ, Батавійскій округъ простигался на З. до рѣки Тжиканди, образуя, въ 13-ти льѣ отъ столицы, предѣлъ области Бантамской; на В. до рѣки Тжи-эрунь, отдѣляя резиденцію Кравангъ, на разстояніи также 13-ти льѣ. Наконецъ, къ Ю. простирался онъ до резиденціи Буишенцоргъ. Все это составляло пространство земли 186 квадр. льѣ, съ 180,000 народонаселенія. Послѣ того присовокупили къ Батавіа, въ 1826 году, резиденціи Буишенцоргскую и Кравангскую, что почти удвоило ея пространство. Буишенцоргъ есть одинъ изъ самыхъ населенныхъ и самыхъ обильныхъ округовъ острова; онъ заключаетъ въ себѣ 12-ть кантоновъ, прежде образовывавшихъ многія управленія.

Округъ Кравангскій болѣе обширенъ; предѣлы его, на С. море, на З. округъ Шерибонъ, на Ю. округъ Преанджеръ. Прекрасныя насажденія сахарныхъ просей и лѣсопильни довольно свидѣтельствуютъ успѣхи земледѣльской и мануфактурной промышленности этой резиденціи.

Мы уже описывали *Бантамъ*, гдѣ считаютъ 983 дессы, или селсій. Доходы области восходятъ почти до 200,000 флориновъ. Здѣсь производятся обыкновенныя *гинганы*, ананасныя нипки, горшки, рогожки изъ коры и бамбука, весьма уважаемыя, также особый сортъ извѣстки, весьма нѣжной, служащей и для штукатурки Европейскихъ домовъ, и для приготоовленія бешелевой жвачки туземцамъ.

Подлѣ Бантамской резиденціи прилежитъ резиденція *Преанджеръ*, самая обширная, самая богатая, самая важная на всемъ островѣ. Для переѣзда изъ *Батавіа* въ *Преанджеръ* едва достапочно чепырехъ буйволовъ, чтобы тащить коляску по рышвинамъ ушесовъ. На самой возвышенной точкѣ дороги, вправо остается гора *Геде*, изъ кошорой все еще извергаются столпы дыма; попомъhalbо длинная цѣпь волнующихся уваловъ, выходящая за предѣлы зрѣнія. Въ нихъ вмѣщается *Преанджерская* область, сославляющая, по статистическимъ таблицахъ *Спамфорда Раффлеса*, двѣ девярыхъ доли всей поверхности *Ява*, или 10,000 квадр. Англ. миль.

Преанджерская резиденція дѣлится на чепыре округа, или управленія (*régences*): *Сумадангское*, *Бандонгское*, *Тжанжорское*, *Лимбадангское*. Упра-

вишели округовъ, или пуземные начальники, нынѣ сушь пѣ-же попомки владѣльцовъ, копорые по прямой линіи наслѣдовали власъ государей, ка-кихъ заспала здѣсь Голландская Компанія въ на-чалѣ ХѴІІ-го столѣтія. Эши государи были въ свой чередъ попомки царспвенной опрасли Панд-жажарамской, власпвовавшей надъ всею западною часпью Ява, до переворопа, произведеннаго рас-пространеніемъ исламизма.

Главное мѣсто Преанджерской резиденціи *Тжан-жоръ*, большой городъ, въ 6-пи лѣе опъ Буишпен-цорга. Эпо, можешъ бышь, самый красивый изъ всѣхъ городовъ чиспо-Яванскихъ. Улицы сушь ши-рокія аллеи, прямо пропянушыя, обспавленныя грабинникомъ, или бамбуковыми плепнями. Надъ эшими загородками высяпся плодовишыя, или съ па-хучими цвѣтами деревья, копорыя, какъ будпо зон-тики, распягивающся надъ низенькими, красивыми домиками. Боковые переулки опряпны, правильны и пѣнисшы. Спроенія, опдѣльно взяшыя, неимѣющъ никакой разишельной красопы, но общность ихъ радуешъ порядкомъ, соразмѣрностью и удобспвомъ. Посрединѣ города прекрасный базаръ, изъ копо-раго изгнаны Кишайцы, въ слѣдспвіе одной изъ пошлинныхъ мѣръ. До 1825 года Тжанжоръ былъ городомъ посредспвенной важности, но сосѣдспво Буишпенцорга и спаранія Барона Фанъ-деръ-Капел-лена сдѣлали его городомъ прелеспнымъ, промыш-леннымъ, снабжающимъ масперовыми людьми всю обласъ. Другія главныя мѣста резиденціи, Бан-донгъ и Сумадангъ, почти неуспуающъ Тжанжору,

ни мѣстоположеніемъ, ни числомъ жителей. Последній правитель Сумаданга, умершій за нѣсколько лѣтъ, имѣлъ шишуль *панджерана*; его даламъ, или дворецъ, былъ великолѣпенъ, и онъ угощалъ въ немъ Европейцовъ съ истинно царскимъ величіемъ. Въ южной части округа Бандонгскаго находилась *Гунонгъ-Гунтуръ*, ужасная огнедышущая гора, недавнія изверженія копорой оставили печальныя воспоминанія.

Земли Преанджерскія находятся еще, въ слѣдствіе старинныхъ колоніальныхъ уставовъ, подъ игомъ монополій, тягостныхъ для хозяевъ плантацій. Между тѣмъ, какъ всѣ другія резиденціи видятъ объявленную для нихъ свободу въ обработкѣ и свободный выборъ въ продажѣ произведеній, частный законъ спавилъ Преанджеръ внѣ общаго успава, и дѣлаетъ изъ него родъ фермы для генераль-губернатора и его чиновниковъ. Сборка Преанджерскаго кофе не можетъ быть прямо опускаема въ торговлю; ее должно передавать чиновникамъ, по 9-ти флориновъ съ 12 грошами (*sous*) за пикюль, какова бы ни была цѣна кофе, несмотря ни на урожай, ни на недородъ. Эта положенная цѣна непремѣнна между производителями и администраціею, единственнымъ покупателемъ, и о тягости подобной мѣры можно судить потому, что Голландская администрація острова Ява пользуется отъ нея всегда 30-ю и 40-ка процентами при перепродажѣ шовара. Всѣ 100,000 пикюлей кофе, производимыхъ въ Преанджеръ, поступаютъ сперва въ складочный магазинъ, и потомъ уже генераль-губернаторъ распоряжается

ихъ продажею. Чпобы ни говорили въ защиту такого спранаго исключенія изъ общихъ успавовъ, оно, неспоря уже о другихъ опношеніяхъ, прошивно простымъ расчешамъ полишки, дѣлаясь раззорительнымъ, и для шѣхъ, кпо терпимъ его, и для шѣхъ, въ чью пользу оно обращается. Если плодородіе почвы Преанджерской даетъ средства и за шѣмъ области процвѣтають, невзира на спѣснительную монополію, шѣмъ болѣе должно жалѣть, что основаніе споль богатое удерживается опъ полного развитія. Должно приниматъ въ соображеніе не то что есть, но что могло-бъ бытъ.

Резиденція *Шерибонъ* лежитъ на С. опъ Преанджера, дѣлаясь на пять округовъ, или управленій: *Шерибонъ*, *Маджа*, *Гало*, *Бенгаванъ-Вешпанъ* и *Кунинганъ*, къ копорымъ пресоединены еще округи *Индрамаіо* и *Кандангъ-Увьерь*. На плоской землѣ здѣшней собираются сарачинское пшено, кофе и аренговый сахаръ. Находится кромѣ того множество шековаго дерева. Почти всюду введена шеперь здѣсь поземельная система. Благодаря этому роду управленія, *Шерибонъ* уклонился опъ борьбы шупземной, споль долгое время опягощавшей внутреннія области Ява. Считаютъ здѣсь до 658 десовъ, или селеній, въ уѣздахъ, принадлежащихъ правительству. Подать съ полей сарачинскаго пшена, въ 1822 году, составила сумму въ 302,144 флорина. Главное мѣсто области *Шерибонъ*, или по-Малайски *Тжи-Рибунъ*, по имени рѣки, тамъ протекающей, мѣсто, бывшее прежде весьма значительнымъ. Тутъ находится старая, неважная крѣпость, и въ ок-

рестноспяхъ ея показывають гробницу знаменишаго шейха Мулана, перваго проповѣдника исламизма на островѣ Ява. Нѣсколько семействъ Европейскихъ и Кипайскихъ торговцовъ сославляють часть достаточныхъ жителей Шерибона. Остальное все Малайцы. На предѣлахъ этой области простирается обширный лѣсъ Дайу-Лугурскій, въ копоромъ полагають неменѣе 50 Англійскихъ миль длины. Онъ идетъ несплошь по всему пространству, но располагается рощами, въ промежуткахъ копорыхъ видны пещанья ланды, безъ обработки и безъ всякаго произрастанія. Лѣсистыя мѣста состоятъ изъ чащи деревьевъ, переплетающихъ свои вѣтви до такой степени, что составляютъ онѣ глушь непроходимую. Повѣрятъ-ли тому, что даже днемъ принуждены бывають здѣсь ходить подъ сводами деревъ съ факелами въ рукахъ?

Слѣдующая за симъ резиденція *Тагальская* дѣлится на три управленія: Тагаль, Бребесъ и Памалангъ. Она обилуетъ сарачинскимъ пшеномъ, кофе, табакомъ, каджангомъ. Народъ занимаетъ 1,141 селеніе. Тагаль, небольшой городокъ, съ крѣпостью, производя съ внутренними областями значительную торговлю, копорою почти совершенно завладѣли Кипайцы. Климатъ здѣсь весьма здоровъ.

Резиденція *Пекалонгангъ* дѣлится на два управленія: Пекалонгангское и Банангское. Резидентъ живетъ въ Кадангъ-Кобаръ. Вообще счишають здѣсь 1656 селеній, хорошо населенныхъ. Обиліе сарачинскаго пшена, табаку, кофе, индиго и скота. Глав-

ный городъ невеликъ и носитъ имя области; его населяютъ купцы Кипайскіе и пуземные, производящіе прибрежную торговлю по морю съ Батавіа.

Резиденція Самарангъ, разделяемая на три управленія: Самарангъ, Кендаль и Дамакъ, гораздо важнѣе. Въ ней считаютъ 1951 селеній. Главное мѣсто области, городъ Самарангъ, построено по Европейски, при рѣкѣ, устьѣ которой заваливается грязью, съ прекрасными отдѣленіями Азіатскими, или Кипайскими; считаютъ въ городѣ жителей до 38,000. Жаръ здѣсь сильнѣе, нежели въ Батавіа. Термометръ (Фаренгейта) почти никогда не упадаетъ, даже и ночью, ниже 80°. Климатъ вообще нездоровъ. Одинъ изъ новѣйшихъ географовъ предполагалъ, но впрочемъ недословно, что отсюда произошла спрашная холера.

Если отъ Самаранга, находящагося на сѣверномъ краю острова, обратиться къ югу, то всплывутъ въ земли, слѣдующія за Преанджеромъ—классическую область острова Ява, гдѣ хранился тайна первобытнаго состоянія Яванской страны. Тутъ находятся эти храмы, остатки которыхъ не успеваютъ въ великолѣпіи ни одному изъ существующихъ на Индійскомъ полуостровѣ зданій сего рода. Здѣсь создалъ свои зодчественныя чудеса Буддизмъ, прежде нежели изувѣріе Мугаммеданское явилось почти совершенно изгладить сіе исповѣданіе на землѣ, ему принадлежавшей. Тутъ находятся храмы Боро-Бодоскій, Брамбананскій, дворецъ Кулассанскій, тысячи нишъ съ статуями Будды, угрю-

мыми, согбенными — монументальныя преданія, о копорыхъ мы поговоримъ подробнѣе. Тутъ нѣкогда, въ шрехъ тамошнихъ округахъ, смѣлый Яванецъ *Дипо Негоро* продолжалъ споль долго партизанскую войну, ужаснувшую владычество Голландцовъ, и слѣды копорой оспающа еще видимы въ резиденціяхъ Каду, Суракарша и Джок-жокарша.

Резиденція *Каду* раздѣляется на два управленія: Магеланъ и Минорегъ, и въ ней счипающъ неменѣе 4205 селеній, плащящихъ ежегодной подащи около 600,000 флориновъ. Главное мѣсто обласпи *Магеланъ*, красивый городокъ, окруженный богатыми обработками земли. Сарачинское пшено, масло и табакъ обилующъ здѣсь, и на пучныхъ пажисяхъ бродящъ, рядомъ съ превосходною скопиною, лучшія изъ всего оспрова лошади. На границахъ сей резиденціи, но во владѣніяхъ султана Джоджокарпскаго находятся знаменишыя развалины храма Боро-Бодо.

Резиденціи *Джоджокарта* и *Суракарта* находящя подъ непосредственной власпью князей Яванскихъ, происходящихъ опъ Мапарамскихъ императоровъ, власпъ коихъ была споль велика въ концъ XV-го спольшія. Послѣ войны 1755 года, Голландская Компанія раздѣлила между сими двумя князьями богатое наслѣдство. По ловкому разсчису, кромѣ весьма значительныхъ владѣній, придали имъ пипулы панджерановъ. Наслѣдники власпителей, ушвержденныхъ Голландцами, неизмѣнили довѣренности Европейской власпи на Ява. Въ послѣд-

немъ возмущеніи Дипо Негоро, они сражались съ буншовщиками пуземными. По статистическимъ вычислениямъ Раффлеса, соединенное пространство обоихъ владѣній составляетъ неменѣе 11,300 Англ. квадр. миль, а народочисліе до 1,657,934 человекъ, изъ коихъ 972,727 принадлежатъ Суракаршскому государю, а 685,207 султану Джоджокаршскому. Видимъ, что въ соображеніи съ другими, это самая многолюдная область земель Яванскихъ. Прекрасныя, обильныя долины, обширныя, древніе города, археологическія сокровища, особенный характеръ жителей этой резиденціи сподобяетъ прилежныхъ и важныхъ изысканій. Городъ Суракарша, столица, довольно хорошо построена по законамъ Яванской архитектуры. Дворецъ, или *краттанъ* султанскій, обширенъ и состоитъ изъ множества зданій, каждое съ особеннымъ назначеніемъ. Въ Суракарша есть также Европейская часть, защищаемая крепостью, гдѣ всегда содержится гарнизонъ Голландскій. Вообще городъ, или лучше сказать, собраніе множества селеній на одной равнинѣ, содержитъ въ себѣ, какъ говорятъ, болѣе 100,000 жителей. Народочисліе въ Джоджокарша, по вычислениямъ Гамильтона, почти одинаково съ Суракарша. Этотъ городъ лежитъ въ 3-хъ льё отъ приморья, на Ю. З. отъ Суракарша.

Развалины древнихъ зданій видимы здѣсь повсюду. Развалившіеся храмы встрѣчаются въ Брамбананъ, Кобондаламъ; потомъ *чанди*, или храмы въ Джонгрангъ и Сиву, въ округахъ Маддіонъ, Карпазанъ, Кешире и Сгенганъ; далѣе еще раз-

валины древняго города Дара, о копоромъ шакъ часпо упоминается въ лѣтописяхъ Яванскихъ; храмъ Саншульскаго лѣса; залы, изсѣченныя въ утесахъ Клопока, оспашки Гидагскіе, древности Пенашаранскія, и наконецъ прекрасныя и занимательныя обломки Суку, при подошвѣ горы Лаву. Гора Гунонгъ-Діенгъ, находящаяся на С. З. отъ горы Синдору, на предѣлахъ резиденціи Пекалонгангской, шакже замѣчательное мѣсто по развалинамъ, копорыя лежатъ здѣсь въ окрестностяхъ, на равнинѣ, возвышенной на 1000 фушовъ отъ поверхности моря. Здѣсь открыли, какъ говорятъ, оспашки 400 храмовъ, расположенныхъ шакъ, что они образуютъ улицы подъ прямыми углами. *Четыре ста храмовъ!* Это шакое обиліе религіозныхъ зданій, копорому до сихъ поръ нѣтъ примѣра ни въ какой испоріи! Не должно-ли видѣть въ этомъ безмѣрномъ объемѣ развалинъ оспашковъ цѣлаго священнаго города? Слѣдуя древнимъ преданіямъ Яванскимъ, Гунонгъ - Діенгъ бывалъ всегдашнимъ мѣстомъ пребыванія боговъ Арджуна, Бима и Ганукача. Это Олимпъ Яванской міѳологіи.

Оспавляя резиденціи природныхъ власпишелей и входя снова въ Голландскія-собшвенно области, мы найдемъ резиденцію *Джапара* и *Джоанна*, главный городъ копорой носитъ первое изъ сихъ именъ. Находясь на краю полуострова, Джапара оспашется внѣ дороги, идущей по всему сѣверному берегу Ява, отъ Башавіа до Сурабаіа. Джапарская резиденція вмѣщаетъ въ себя 947 селеній и дѣлился на четыре управленія: Джапара, Кудусъ,

Паттше и Джоанна. Земля покрыта прекрасными тековыми лѣсами. Поспавленная на приморьи, почти проливъ острова Манделика, мѣсто сблища Форбановъ Малайскихъ, Джапара городъ довольно значительный. Здѣсь превосходныя лѣсопильни.

Сопредѣльная сюда резиденція Рембангъ состоитъ изъ четырехъ управленій: Рембанга, Тубана, Раджаквессіе и Блора. Здѣсь находящаяся самыя лучшіе тековые лѣса, и прежде учреждено здѣсь было главное управленіе лѣсами острова. Главное мѣсто резиденціи Рембангъ, съ одною изъ лучшихъ Яванскихъ гаваней. Прибрежное плаваніе довольно важно. Много верфей учреждено въ здѣшней области, въ Рембангъ, Тубанъ, Банпжаръ. На нихъ выпроено уже множество кораблей — бриговъ, шкунеровъ, военныхъ судовъ, колоніальныхъ судовъ, и между прочимъ фрегатъ *Ява*, находящійся нынѣ въ Королевскомъ Нидерландскомъ флотѣ.

Гриссе, съ 1318 селеніями, образовывало прежде особенную резиденцію, но теперь она составляетъ участокъ Сурабайской. Городъ Гриссе, красивый и здоровый, служилъ обыкновеннымъ мѣстомъ удаленія Европейцевъ, оставившихъ торговлю и нежелающихъ участвовать въ роскошной жизни столицы. Съѣстные припасы здѣсь дешевы и дома порядочные.

Мы уже говорили о Сурабаіа, главномъ городѣ резиденціи Сурабайской, гдѣ пять управленій: Сурабаіа, Джапанъ, Гриссе, Сидаіо и Ламонгангъ. — Сосѣдняя сюда резиденція Пассаруангъ дѣлилась на

при управленіи: Пассаруангъ, Бангиль и Малангъ, въ коихъ полагають до 1688 селеній. Въ одномъ изъ здѣшнихъ округовъ, именно Граппе, лежишь замѣчательное озеро *Рану-Клиндонганъ*. Если вѣришь рассказамъ жителей, крокодилы, обитающіе въ этомъ озерѣ, живутъ въ добромъ согласіи съ окрестными туземцами, но терпѣть немогутъ и ѣдятъ всякаго чужеземца. Кажется, все дѣло въ томъ, что здѣшніе Яванцы приучили къ себѣ чудовищныхъ сосѣдей, давая имъ кормъ по мѣрѣ ихъ потребностей. По словамъ Гогендорпа, Европейцовъ, посѣщающихъ озеро, увеселяють жители довольно страннымъ зрѣлищемъ. Покормку крокодиламъ кладутъ на плоть; двадцать, или тридцать Яванцовъ бросающихся въ озеро и полкающихъ передъ собою добычу, назначенную ужаснымъ хозяевамъ его. По сдѣланному призыву, крокодилы всплываютъ на поверхность воды, непрогають людей и довольствуются тѣмъ, что уносятъ живность, или дичь, на плоту находящуюся.

Двѣ послѣднія резиденціи этого восточнаго прибрежья суть *Безукіе* и *Баніу-Вангуи*, главныя мѣста копорыхъ мы уже описывали. Въ первой счисляють до 899 селеній. Впорая еще только разрабатывается и заселяется.

Два большіе острова, принадлежащіе къ Ява, суть: *Мадуре* и *Бали*. — На первомъ 1100 дессовъ, или селеній, и народонаселеніе изъ 200,000 чело-вѣкъ, раздѣленное на султанства Банкалангъ и Суманапъ. — На второмъ власть Голландцовъ болѣе условная по имени. Земля дѣлилась на восемь

маленькихъ, независимыхъ государствъ, образованіе которыхъ малоизвѣстно. Спамфордъ Раффлесь полагалъ здѣшнее народочисленіе въ 800,000, а Торнъ считалъ только до 100,000 человекъ. Островъ гористъ. Протяженіе его около 70-ми, ширина около 35 миль. Земля подымается поспешенно отъ побережья до внутреннихъ пиковъ. При подошвѣ самаго высокаго изъ нихъ находится мѣстечко Карангъ-Ассемъ, считаемое богатѣйшимъ изъ всѣхъ заселеній. За нѣмъ спавяшъ городъ Билингъ.

Оплечіе Бали отъ Ява, кажется, составляетъ то, что здѣсь неприяли жители реформаціи исламизма. На всемъ Бали едва-ли найдется соння Музульмановъ; всѣ другіе жители суть Буддійскаго, либо Браминскаго исповѣданія. Религія Индійская властвуетъ на Бали со всѣми своими кровавыми обрядами и сложными уставами. Тутъ находите дѣленіе на четыре касты: Браминовъ, Ксампріевъ, Вайскіевъ и Судровъ. Балійцы рослые, сильные, мускулистые народы Ява, и также гордые ихъ, дичье, необщительные. Многоженство здѣсь въ большой силѣ. Желаящій жениться на дѣвушкѣ платитъ отцу ея калымъ, и за то покупаетъ себѣ жену. Обыкновенная цѣна невѣсты до 30-ми піаспровъ. Если покупатель нечѣмъ заплашитъ, онъ идетъ въ работу къ будущему тестю, и рассчитывается съ нимъ за невѣсту платою труда. У Балійцевъ есть *дигама* или гражданское уложеніе, и *агама*, уголовное. По нимъ дѣлаютъ изъясненія судьи. Воровство наказывается смертию — виноватаго рѣжутъ посредствомъ кри. Убийству и измѣнѣ поло-

жено наказаніе въ родѣ колесованья; члены преспуника ломають ударами попора. Имѣніе наказанныхъ поспунаетъ начальникамъ и судьямъ. Приговоръ, произнесенный судьей, долженъ быть подтвержденъ раджею. — Дома Балійцовъ различны отъ жилищъ въ Яванскихъ дессахъ. Подобно Индійскимъ хижинамъ, ихъ спроятъ изъ земли и обкладываютъ сженымъ, или сырымъ кирпичемъ. Механическія искусства весьма несовершенны. Балійцы шкутъ бумажныя шкани и выдѣлываютъ оружіе. Ихъ кривляшя по всему архипелагу Малайскому.

ГЛАВА ХС.

ОСТРОВЪ ЯВА. ВСЕОБЩІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, НРАВЫ, РЕЛИГІЯ, ДРЕВНОСТИ, ИСТОРІЯ.

Если вѣришь эпимологамъ, названіе оспрова *Ява* происходитъ отъ *Ява-вумъ* (rapicum italicum), составлявшаго главную снѣдь первобытныхъ жищелей. Туземцы именуютъ еще свой оспровъ *Тана*.

Ява находится между 103° — 112° долгошы В. и $5^{\circ}52'$ — $8^{\circ}46'$ шир. Авспральной. Длина его, отъ мыса Ява до самой воспочной оконечности, 192 морскія льѣ; ширина между Ю. В. почкою залива Паджипана и мысомъ Япара 66 льѣ, а между успьемъ рѣки Сераіу и Сурабаіа измѣняется отъ 16-ти до 19 льѣ. Форма оспрова прямоугольникъ, и бока его довольно параллельны, такъ, что можно раздѣлить его на пять, или на шесть частей, которыя образуютъ столько-же параллелограмовъ. Западное и сѣверное побережья, сильно вырѣзанныя, представляютъ защищенные порты и надежныя гавани.

При малой ширинѣ, на всемъ своемъ пространствѣ представляеѣ Ява почти два шолько печенія водѣ, о копорыхъ можно упомянуѣ, *Соло* и *Кедири*; первое пробѣгаеѣ центральную часть земли и впадаеѣ въ Яванское море; второе сходиѣ съ *Священныхъ горъ* и вливаетѣся въ море при *Сурабаѣа*, въ заливѣ сего имени. О другихъ рѣкахъ едва стоѣиѣ говориѣ. Таковы: *Чи-Манокъ*, *Чи-Тандони* (самая большая изъ текущихъ на югѣ), *Чи-Канжонганъ*, *Чи-Тарунгъ*. Въ каждомъ округѣ еѣ своя главная рѣка, почти всегда судоходная для прибрежныхъ судовщиковъ (*saboteurs*). На Ява нѣтъ и озеръ значительныхъ. Обширные объемы воды образуютѣся въ дождливое время, но шакіе наливы, именуемые туземцами *рава*, изсыхаюѣ, когда муссонъ переѣняется, и дѣлаюѣся плодоносными полями. Самое обширное изъ шакихъ рава еѣ *Witten-Zee* (море Внутреннее). Въ области *Багаланъ*, на югѣ, находится небольшое, весьма рыбное озеро.

Поверхность Ява однообразно неровна. Весь сѣверный берегъ какъ будто заслоненъ маленькими островами, копорые образуетѣ наносъ земли печеніемъ рѣкъ. Онъ низокъ, пещанъ и грязенъ. Напротивъ, южная сторона утесиста и обставлена базальтовыми утесами. Островъ образуетѣ такимъ образомъ амфишепръ, идуѣй отъ юга къ сѣверу, кромѣ нѣсколькихъ округовъ, копорыя пересѣкаюѣся поперечными цѣпами горъ. Первоначальная основа острова огненного происхожденія. Огнедышаѣя горы, всѣ оканчиваясь острыми пиками, являютѣ бока, изрытые

впадинами, съ копорыхъ, въ дождливое время, льюш-ся попоки воды. Здѣсь маленькія цѣпи холмовъ воз-вышающъ къ небу свои спранные базальшовые вер-хи; шамъ цѣпи извеспняковыя являющся въ видѣ возвышенныхъ плоскостей; наконецъ, цѣпи шой и другой породы, полу-извеспковыя, полу-волканиче-скія, просягивающся вдоль береговъ подъ всѣми фор-мами и во всѣхъ направленіяхъ. Сѣрнистыя и мине-ральные испочники, колодцы нефши и каменного масла, огненныя и грязныя изверженія, словомъ—всѣ явленія, сопровождающія волканическое начало зе-мель, непрерывно видимы во всѣхъ мѣстахъ Ява.

Геологія эшого оспрова совершенно особеннаго характера, несоединяешся, по крайней мѣрѣ, явнымъ образомъ съ системою горъ полуоспрова Малакки и оспрова Сумапра. Горы на Явѣ необразуютъ послѣдовательныхъ цѣпей, но отдѣльныя купы, всю-ду высянушыя по линіи наибольшаго просяженія земли. Впрочемъ, не одна эша разница замѣчаешся между Сумапра и Ява. Дерево шековое расшепъ на послѣднемъ въ величайшемъ изобиліи, а на первомъ его нѣшъ. Сумапра богашъ драгоценными мешалла-ми; Ява ихъ непроизводитъ. Наконецъ, почва Явская плодоноснѣе, но неродится на ней камфары—глав-наго богашепва, которое находится въ такомъ оби-ліи на Сумапра.

Возвышеніе первоспепенныхъ Яванскихъ горъ вос-ходитъ ошъ 4,500 до 10,000 фушовъ надъ поверх-носшью моря. Первая цѣпь начинаешся въ Баншамъ; самый замѣчательный здѣшній пикъ естъ Гунонгъ-

Карангъ. Вторая цѣпь *Салакъ*, которую мореплаватели называютъ также *Синими* горами. Третья цѣпь *Джеде*, или *Пангоранго*, у которой многія вершины вулканическія. Далѣе на воспокъ великая вулканическая цѣпь, гдѣ находящіяся огнедышущія вершины *Унгарангъ*, *Мербабу*, *Мерапа*, а далѣе на В. *Япара*. Всѣ сѣи цѣпи образуютъ 38-мъ горъ, весьма различныхъ, покрытыхъ богатымъ произрастаніемъ и повсюду являющихъ слѣды попухшихъ краперовъ. Въ разныя времена сѣи краперы извергали на Ява потоки лавы и дождь пепла. Явленіе болѣе странное произошло въ 1772 году, при крашкѣ, но ужасномъ изверженіи. Къ западной сторонѣ *Шерибонской* области существовалъ тогда одинъ изъ огромнѣйшихъ *Яванскихъ* вулкановъ—*Пападаянъ*. Въ ночь съ 11-го на 12-е Августа, свѣтлое облако необыкновеннаго вида облекло всю гору, и черезъ нѣсколько часовъ потомъ, когда жители не собрались еще бѣжать отъ диковиннаго ужаса, послѣ страшнаго взрыва гора провалилась. Можно-бы уподобить ревъ погибавшаго вулкана залпу изъ тысячи пушекъ; его сопровождалъ разлетъ вулканическихъ камней, отброшенныхъ на множество миль кругомъ. Гора совершенно исчезла. Вся поверхность земли, на 15-ть *Англійскихъ* миль въ длину, на 6-ть въ ширину, была изверстана; 2957 человекъ погибло; всѣ насажденія были уничтожены. Страшная громада, высившаяся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ окрестностью, съ основаніемъ въ 15-ть миль поперечника, была поглощена столь совершенно, что теперь едва оплечаютъ на долину, гдѣ была она

прежде, возвышеніе земли не болѣе одного мепра оп-
вѣсной высоты.

Такимъ образомъ подземные огни превожатъ
этомъ огромный островъ, работающъ и подры-
ваютъ его. Поверхность Ява вообще покрыта ба-
зальшовыми утесами, на которыхъ высятся извесш-
ковыя громады; ихъ легко распознать по плоской
вершинѣ. Обломки базальта влекутся также водами
всѣхъ рѣкъ. Должно заключить, что архипелагъ
здѣшній не есть опломки отъ материка, но напро-
тивъ острова, составившіеся и спаявшіеся потомъ
одинъ къ другому поспешенно.

Несмотря на славу о вредоносномъ здѣшнемъ кли-
матѣ, Ява наслаждается климатомъ здоровымъ по-
чти по всему его пространству. Температура пере-
мѣняется здѣсь только съ муссонами, дѣлаясь болѣе
влажною при юго-западномъ, болѣе сухою при
сѣверо-восточномъ; первый продолжается съ Октя-
бря по Апрель, а второй съ Апрѣля по Сен-
тябрь. Дождливое время сопровождается бурями;
громъ гремитъ въ ужасныхъ раскатахъ по горамъ,
и воды выходятъ изъ береговъ на долины. Жаръ
измѣняется, смотря по возвышенію земель. Въ Дже-
де термометръ показываетъ 14° (100 град.) въ 6
часовъ утра, и рѣдко переходитъ за 22° въ самый
зной дневной. Въ долину Самарангской, на 1000
фузахъ возвышенія отъ поверхности моря, термо-
метръ выходитъ до 7° и выше. На одной изъ вер-
шинъ горы Сундоро замѣтили не болѣе -3° , и ледъ
былъ тамъ не тоньше пятифранковика.

Такое-же различіе замѣчаютъ въ произрастаніи. Шестъ разныхъ климатовъ можно положить, начиная съ морскаго уровня до вершины горъ, и шесть различныхъ порядковъ произрастанія слѣдующихъ имъ. Эту цѣпь прозябенія найдемъ здѣсь съ болошискихъ до горныхъ (alpines) растеній. Ни одно мѣсто на землѣ Яванской не лишено произрастанія, покрываясь злаками и папоротью, и вознося вершины деревъ и кустарниковъ на высоты удивительныя. Въ первомъ разрядѣ надобно поставитъ растенія и дерева полезныя: сарачинское пшено, коего считается здѣсь до 400 сорповъ; маисъ, бобы (или каоджангъ), сахарный тростникъ, кокосы, арекъ и множество деревьевъ изъ породы пальмовой; хлѣбное дерево, насаждаемое въ нѣкоторыхъ областяхъ; дерево путешественниковъ (Мадагаскарская *ravenala*), перевезенное сюда Дантркасто; *раракъ*, или мыльное дерево (*sapindus saronaria*), хлопчатую бумагу многихъ сорповъ; *бендудъ*, изъ котораго течетъ эластическая гумма; высокіе папороты, иногда вырастающіе до 80-ти футовъ въ вышину; тековое дерево (*tectona grandis*), по-Малайски *погонъ-джаттьеръ*, жатьеровое, весьма употребительное для стройки и распускающее на Ява цѣлыми лѣсами; бамбукъ, выбѣгающій иногда до 35 футовъ въ вышину, съ поперечникомъ отъ одной линіи до полуфута, драгоцѣнность, изъ которой дѣлаютъ столбы для поддержанія зданій, полы, перегородки, разные столярныя и плотничныя издѣлія. Должно упомянутьъ еще изъ произрастеній: тамариндъ (*tamarindus indica*), по-Малайски *погонъ-ассамъ*, плоды

кого доставляютъ превосходные конфекты; варингинъ (*ficus benjamina*), дерево уважаемое Яванцами; множество родовъ спроеваго лѣса, розамала (*liquidambar gasamala*), ки-бима (*pinus dammara*), изъ коего печенъ ароматическая, благоуханная гуммъ; гуру (*laurus geminiflora*), манглипъ (*laurus mangliet*), разные роды *palaglar micujak* (*dicterocarpus retusus*, *trinervis* Блюмовъ), достигающій высоты 150 футовъ; погонъ канари (*saparium commune*), съ плодами, изъ копорыхъ бьютъ масло; пинангъ (*areca catechu*), погонъ аренгъ (*arenga saccharifera*), изъ коего добываютъ сахаръ; лавръ различныхъ родовъ; погонъ миенганкъ (*styrax benzoë*), изъ коего идетъ врачебная гуммъ; погонъ-дассапъ (*erythrina indica*); джаракъ (*palma Christi*), невыраспающая болѣе 12-ти футовъ, съ плодомъ, похожимъ на преугольный орѣхъ, изъ коего достають масло, извѣстное въ аптекахъ подъ именемъ рициноваго; джаракъ-маира, или краснолиственный джаракъ, который служишь Яванцамъ лекарствомъ отъ глухоты. Но исчисленіе лекарственныхъ прозябеній было-бы слишкомъ продолжительно. Плодовая прозябенія заключають въ себѣ: мангуспанъ, манги, ашпы, померанцы, лимоны, жамбозы, гранапы, рамбупанъ, намнамъ, гойяверъ, билимбинги, папайеры, дуріонъ, ананасы, бананы, арбузы. Европейскіе плоды почти всѣ неродятся на Ява, кромѣ земляники. Цвѣпочныя расшенія рѣдки, за недоспашкомъ искусныхъ садовниковъ, но за то природа распочипельна здѣсь на цвѣшковые кустарники и деревья. Въ числѣ послѣднихъ упомянемъ: погонъ-шжампака (*michelia tjampaka*),

погонъ кананга (*uvaria odorata*), малаппи коспа (*gynorachis acuminata*), и проч. — Въ числѣ первыхъ: капжа пирингъ (*gardenia florida*), обыкновенное малаппи (*jasminum sambac*), кампангъ сапану (*hibiscus rosa sinensis*), кабангъ манпега (*tabernaemontana coronaria*), пипіесъ куліепъ (*myrtus longifolia*), гага мирпра (*rhododendron*). Наконецъ, изъ правъ замѣчательны: камбангъ маланъ (*polyanthes tuberosa*), пукель ампапъ (*mirabilis jalappa*), папжаръ пжина (*impatiens balsamina*), камбангъ сопс (*mirabilis dichotoma*), камбангъ сагаріе (*vinca rosea*). Что касается до овощей, монополія ихъ предоставлена Кишайцамъ. Огороды, ими обрабатываемые, доставляютъ всѣ роды, обыкновенные въ ихъ опшечствѣ: морковь, фасоль (*haricot*), капусту, горохъ, огурцы, рѣпу, спаржу, порпулакъ, шпинапъ, лукъ, лашукъ, и проч.

Въ числѣ прозябеній находящся на Ява одно, долгое время служившее поводомъ къ сказкамъ, самымъ страннымъ и нелѣпымъ. Это погонъ-упасъ, ядовитое дерево. Безконечны были рассказы путешественниковъ XVII-го и XVIII-го столѣтій о вредныхъ его качествахъ, и быстрой и необыкновенной силѣ яда. По рассказамъ эшимъ, дерево упасъ расло въ спрашной пустынѣ и губило окрестъ себя все живущее. Птица, пролетѣвшая надъ его вершиною, издыхала; человекъ, мимо его прошедшій, падалъ бездыханный. Добываніе яда изъ упаса предоставлялось преступникамъ, осужденнымъ на смерть, и сіи несчастные почти всегда гибли въ такомъ опчаянномъ предпріятіи.

Всѣ сіи басни нынѣ заспавляють еспесивоиспытателей смѣяться. Погонѣ-упасѣ, ядовитое дерево, кажепся, принадлежишь къ роду *strychnos*, или *antiaris*, ядовитыя свойства коихъ описаны и хорошо извѣстны. Двѣ породы деревьевъ особенно кажепся принадлежашь къ симъ смертоноснымъ прозябеніямъ. Одно изъ нихъ *arbor toxicaria* Румфуса, именуемое на Ява *антиаръ*, и распущее въ воспочныхъ обласпяхъ. На Борнео и Целебесѣ принадлежишь оно къ однодомнымъ растеніямъ (мопоэіе). У мужескаго цвѣпка чешуйчатая, череповидная чашечка, вѣнчика нѣтъ, множество коропкихъ волокъ вмѣсто пычинокъ, покрытыхъ чешуями пріемника, коническая продолговатая форма коего немного округлена на оконечности. У женскаго цвѣпка вѣнчика нѣтъ; зародышь одинъ, яцевидный, возвышенный; два длинные спилеша и одно дыхательное отверзтіе; листья попеременные и продолговаты. Этошь *arbor toxicaria* одно изъ самыхъ высокихъ растеній Яванскихъ. Голый пенъ его, въ видѣ опвѣснаго цилиндра, выбѣгаетъ до 80 фушовъ. Кора на немъ, къ низу, около полупора дюйма толщиною. Если прорѣзать ее, выпекаетъ желтоватый сокъ — эшо ядъ, опасный для прикасающагося къ нему, болѣе нежели *rhus radicans* Европейскій. Лубокъ растенія споль жилистый, что могъ-бы замѣнять *moris papyrifera*.

Другое ядовитое Яванское дерево, названое опъ Лешено *tieuté*, болѣе лианъ, нежели дерево. Спволь его вьется около окрестныхъ деревьевъ,

покрытый темно-красноватою корою, совершенно цилиндрической, дюйма полтора толщины. Изъ подъ коры течетъ кислый, вонючій сокъ — это ядъ. Верхушечные листья противоположны; другіе раздѣлены по двѣ, по три пары, овальны, нѣсколь-ко копьевидны, цѣльны, кончаются остриемъ, совершенно гладки сверху, а съ другой стороны испещрены параллельными жилками, съ короткими, иногда загнутыми корешками. Тѣмъ любитъ тѣнь, но антиаръ закрываетъ собою другія деревья. Ядовитый сокъ, извлекаемый изъ обоихъ деревьевъ, служишь къ оправленію кри, и особенно тонкихъ, бамбуковыхъ стрѣлокъ, которыми стрѣляютъ изъ сарбакановъ (самострѣловъ). Нѣсколько разъ принимались дѣлать опыты надъ дѣйствіемъ оправленнаго оружія. Собака, пораженная имъ, издохла черезъ часъ, мышь въ десять минутъ, обезьяна въ семь минутъ, курица въ десять минутъ и огромный буйволъ въ два часа и десять минутъ.

Зоологія Яванская представляетъ также обширный и разнообразный реестръ. Прежде всѣхъ полезныхъ животныхъ должно поставить буйвола (карбоу по-Малайски, мандингъ по нарѣчію горныхъ жителей). Буйволъ на Индійскомъ архипелагѣ тоже, что волъ въ Европѣ. Мясо его здоровая и любимая пища; онъ пашетъ поле и свозитъ жатву; его запрягаютъ по нуждѣ въ плугъ, и такимъ образомъ спановишся онъ вожовымъ животнымъ въ трудныхъ мѣстахъ. Яванскій буйволъ большой породы, съ гладкою шерстью, съ длинными, прямыми рогами; цвѣтомъ бываетъ бѣлый и черно-синеватый.

тый; послѣдніе уважаются болѣе, ибо они сильнѣе и мясо ихъ вкуснѣе. Мясо бѣлыхъ буйволовъ пища несполь здоровая. Буйволъ любитъ воду, и гошовъ цѣлый день пролежатъ въ рѣкѣ. Его купають нѣсколько разъ въ день, и едва ошпрягутъ его, онъ бѣжитъ къ ближнему болошу, съ наслажденіемъ въ него погружается, и часпо всплавляетъ изъ воды только рыло, для дыханія. Живошное это споль полезно на Ява, что споилобы поощряетъ жипелей къ умноженію его. Туземцы мало уважають нашихъ быковъ и коровъ, и сполько въ нѣкоторыхъ внушренныхъ округахъ сіи живошныя входятъ въ область сельскаго хозяйства. Успѣшнѣе разводять ихъ на Мадуре, и въ В. резиденціяхъ. Но въ Батавіа и Буишенцоргъ есть одинакожь спада по 600, по 800 шшукъ рогашаго скопа, снабжающія бойни въ споліцѣ оспрова. Яванскія коровы мѣлки и слабы, и напрасно спарались улучшить породу, перевоза быковъ изъ Бенгала, Капскихъ, Ново-Голландскихъ и даже Европейскихъ. Успѣхи улучшения медленны и почпи незамѣшны донынѣ.

Лошади Яванскія сильны и скоры на бѣгу, но также малорослы. Невзираа на посшоянные опыты улучшения породы, принуждены еще прибѣгають къ лошадямъ Целебесскимъ и Тиморскимъ, имѣющимъ превосходныя качества. Уважаются также въ Батавіа лошади Пегуанскія, Бирманскія, Макасарскія. Сспрасть къ лошадямъ въ Батавіа всеобщая; каждый содержитъ лошадей для упряжки и верховой ѣзды. У охошниковъ здѣшнихъ есть

свои Эпсомы и Нью-Маркешы. Правительство содержишь скачки въ Тжанжоръ и въ Преанджеръ, гдѣ основанъ конскій заводъ барономъ Фанъ-деръ-Капелленомъ. Съ большими издержками вывезены для этого завода лошади Англійскія, Персидскія и Арабскія.

Почпи всѣ будучи Мугаммеданы, Яванцы недержашъ свиней, употребленіе копорыхъ въ пищу имъ запрещено. За шо Кипайцы имѣюшъ ихъ величайшее множество. Свинина Яванская нѣжнѣе и вкуснѣе Европейской; говоряшъ, что ѣсть ее гораздо здоровѣе въ здѣшнемъ климатѣ, нежели говядину, либо баранину. *Камбингъ волланда* (Голландская коза) — шаково имя, которое даюшъ шужемцы барану, и оно доказываешъ, что это животное несамобытно на Ява. Вообще худые, щедушные, покрытые щепинистою волною, бараны и овцы необильны на островѣ. Напрошивъ, козъ множество. Яванцы водяшъ спада ихъ и питающся козлятиною, копорая гораздо лучше здѣсь, нежели въ Европѣ.

Пщицы на Ява обиліе, и ее много попребляюшъ какъ Яванцы, такъ и Европейцы. Курицъ и упокъ найдешъ на кухнѣ богачей и бѣдняковъ. Соленыя ушичьи лица соспавляюшъ предметъ вывоза изъ округа Давіе, гдѣ содержатъ для сего больше 10,000 упокъ. Лица ихъ, кажется, имѣюшъ особенную доброту и запахъ.

Дичина, малаго и большаго рода, водится на Ява въ обиліи чрезвычайномъ. Есть здѣсь кабаны, олени, *киданги*, маленькія, опмѣнно вкусныя козы, зай-

цы, павлины, глухари, перепелки, гораздо больше Европейскихъ, и наконецъ, въ нѣкопорыя времена года, находящъ бекасовъ.

Опасные и дикіе звѣри водятся во всѣхъ лѣсахъ здѣшнихъ. Прежде всѣхъ должно поставитъ Королевскаго пигра и песпраго пигра, или леопарда, опъ копорыхъ, кажется, породу составляющъ черный шигръ. Дѣйствительно, находили въ шигровыхъ гнѣздахъ вмѣстѣ обыкновенныхъ песпрыхъ и черныхъ пигренковъ съ рябою шерстью. Сіи живошныя производящъ въ поляхъ жестокія опустошенія. Обыкновенно пожирающъ они каждый годъ опъ двухъ до 300 человекъ жипелей. Яванцы имѣющъ къ шигру особенное какое-то суевѣрное благоговѣніе. По селеніямъ дѣлающъ складки, чшобы умилоспивлящъ кровожаднаго сосѣда ежедневною подащю мяса живошныхъ, падалиною и нарочно убиваемыми. Туземцы вѣрящъ, что при посредствѣ этой дани, *Царь лѣсовъ* помилуетъ ихъ самихъ и спада ихъ. Но подобное условіе, какъ легко догадащся, часто нарушается шигромъ. Пошому правленіе колоніальное установило награду за каждую представленную ему голову пигра. Съ шѣхъ поръ каждый годъ убивающъ на Ява опъ 350-ши до 400 шигровъ. Ловящъ ихъ обыкновенно шакъ, чшобы оставляющъ козу на днѣ глубокаго и широкаго рва, сверхъ копораго прилажена западня. Когда звѣрь попался, убивающъ его оспрыми кольями, или запирающъ въ крѣпкую деревянную клѣшку, чшобы потѣшищся попомъ бипвою его съ буйволомъ.

Эти битвы, до которыхъ спрасные охотники здѣшніе знашныя люди, представляющъ зрѣлище довольно любопытное. Благодаря тому, что у буйвола опшачивающъ рога, онъ почти всегда оспашся побѣдителемъ. Впрочемъ, тигръ боится непріателя, прямо на него нападающаго. Чтобы оспашся смѣлымъ и напашь самому, тигръ ищетъ случая захвапшъ непріателя сзади, либо въ распахъ; пошому, когда выпускающъ его пропшвъ буйвола, онъ нерѣдко невыходшъ изъ своей клѣшки и жмешся, шрепещущій, въ углу ея. Тутъ надобно выгоняшъ его, употребляя насильственные средства, иглы, зажженные головни, горячую воду. Иногда шуземные власшшпели дающъ зрѣлище, называемое *рампокъ-матжанъ*. При такомъ родѣ позорищъ, невыпуская шигра на буйвола, опширающъ клѣшку его посреди каре, составленнаго изъ 2-хъ, или 3,000 человекъ, вооруженныхъ пиками, что составляешъ вокругъ звѣря родъ стѣны изъ желѣзныхъ остреевъ. Тигръ бѣгаешъ посрединѣ каре, и пошомъ, подспрекаемый крикомъ толпы, спашаешся перепрыгнушъ черезъ ряды копьеносцовъ. Рѣдко при такомъ прыжкѣ непопадаешся онъ на подняшя копыя.

Яванскій носорогъ несполь опасенъ, какъ шигръ; если человекъ незагородшъ ему пущи, онъ ненападаетъ на него. Чакалъ, шигровая кошка, составляешъ опустошителя лѣсовъ. Обезьянъ и оленей находишся здѣсь множество родовъ. Слоновъ вовсе нѣшъ.

Изъ птицъ найдете здѣсь почти всѣ породы, живущія въ Европѣ въ домашнемъ быту. Изъ попугаевъ здѣсь множество такихъ, которые совсѣмъ неизвѣстны въ другихъ странахъ жаркаго пояса земли. Въ числѣ ихъ замѣчательнъ красный лори красною и пестрою, съ крыльями фиолетоваго отлива, и бѣлый капакуа съ желтоватымъ хохломъ. Голубой и чернѣй лори знамениты тѣмъ, что доставили содержаніе не для одной прелестной сказки въ Тысяча и Одной Ночи. Казуаръ, эмотъ пѣтухъ-великанъ, у котораго крыловыя перья безъ пуху, спорофокавилъ по росту, кабанъ по перьямъ, козелъ по черепу, водится на Ява. Но самая любопытная изъ здѣшнихъ птицъ, безъ сомнѣнія, салангановая ласпочка (*hirundo esculenta*), о которой говорилъ я уже много разъ. Это родъ небольшой голубоватаго цвѣта ласпочки, тысячами живущей въ глубокихъ и мрачныхъ пещерахъ южнаго берега. Китайскіе Лукуллы высоко цѣнятъ гнѣзда этой птички, по виду совершенно похожія на померанцевую корку. Размоченныя и размякнущія въ водѣ, они дѣлятся на слизистыя волокна, и въ этомъ видѣ служатъ приправою рагу, похлѣбкамъ, вкуснымъ пирожкамъ. Афродіапитическое свойство, по крайней мѣрѣ, предполагаемое въ нихъ, немало возвышаетъ такую приправу въ глазахъ Китайцевъ и дѣлаетъ ее дорогою по цѣнѣ. Бывающая сущность, изъ коей составлены салангановыя гнѣзда, донинѣ худо изслѣдована. Одни видѣли въ ней морскую пѣну, а другіе, что вѣроятнѣе, часть насѣкомыхъ, которыми питается птичка. Гогендорфъ

тщательно изслѣдовалъ одну изъ самыхъ богатыхъ гнѣздами пещеръ въ области Клаппа-Нунгаль, въ нѣсколькихъ льѣхъ отъ Буипенцорга. Ппички, по видимому, не удалялись далеко отъ входа въ пещеру, и тысячами влетали и вылетали онѣ, какъ будто пчелы изъ улья. Невозможно было предположить, чтобы ласпочки отправлялись на берегъ моря искать матеріаловъ, и потомъ возвращались спросить здѣсь свои гнѣзда въ пещерныхъ улесахъ, находящихся во внутренности острова. Хорошо платимыя и всегда раскупаемыя, салангановыя гнѣзда составляютъ для Явскихъ владѣтелей средства къ пріобрѣтенію богатствъ. Земля съ Клаппа-Нунгальскою пещерою, о которой мы упомянули, доставляетъ владѣльцу ея ежегодно отъ 70-ти до 80,000 піаспровъ (350-ти и 400,000 Франковъ). За сорокъ льѣхъ это сокровище было совершенно невѣдомо. Мѣлочной купецъ Португальскій случайно замѣтилъ входъ въ пещеру, около котораго росли безсчепныя спада ласпочекъ. Онъ тотчасъ понялъ цѣнность этого необдѣланнаго алмаза, и купилъ у правительсва нѣсколько дикой земли, простиравшейся до подошвы горы, включая въ свою покупку и драгоцѣнную пещеру. Теперь сынъ этого торгаша одинъ изъ самыхъ богатыхъ набабовъ острова, болѣе всѣхъ плавающихъ помѣщикъ изъ трехъ округовъ, и всѣмъ этимъ одолженъ онъ ласпочкамъ. Для сборки гнѣздъ, туземцы употребляютъ длинныя бамбуковыя лѣсѣнницы, посредствомъ которыхъ доспигающъ они самыхъ обрывистыхъ мѣстъ въ улесахъ, перелазя отъ одной

пещеры къ другой и опъ обрыва къ обрыву. Иногда въ утесахъ только одно подземелье, иногда много ихъ, находящихся одно надъ другимъ. Чшобы сборщики, добывая гнѣзды, непокусились дѣлаться ими съ хозяиномъ, ихъ допускають на сборку только нагихъ. При началѣ работы благословляють ихъ Мугаммеданскій священникъ, дающій благословеніе и по выходѣ изъ пещеры. Религіозный обрядъ эшопъ просто надзоръ. Музульманскимъ священникамъ дорого плащють, и за то они надзирають за сборкою. Получивъ благословеніе, Яванецъ идетъ въ подземелье. Въ рукъ держитъ онъ факель изъ гуммиласпика (*ficus elastica*), надъ которымъ находится гасильникъ. Едва ощупаетъ онъ въ шемношѣ гнѣздо, подымаетъ гасильникъ и факель загорается, ибо такъ сильна воспламеняемость гуммиласпика. Тутъ легко снятъ гнѣздо, не пугая безчисленныхъ пернатыхъ обитателей пещеры. Вся сноровка эшой сборки состоить въ томъ, чшобы наблюдать время несенія яичекъ ласпочками, и то, когда дѣшныши оспавяють свои гнѣздушки. Въ оба эти періода сборки не бываетъ. Часть гнѣздъ всегда собирается, пока пшичка не положила еще яичекъ. Эта сборка доставляетъ гнѣзда самыя чистыя и бѣлыя, которыя называютъ въ торговлѣ первымъ сортомъ. Гнѣзды второй и прешей доброты суть шѣ, которыя наскоро устраиваетъ пшичка въ другой разъ, и гдѣ выкармливаетъ она своихъ дѣшей. Несполь красивыя и несполь опрятныя, они бываютъ покрыты перушками, съ трудомъ ошспающими опъ нихъ, да-

же и при пособіи воды. Цѣна гнѣздъ салангановыхъ, обыкновенная, первой доброшы по 5000 піаспровъ за пикуль въ 125 фунтовъ. Каждый фунтъ (livre) въ 16 унцій (onces) можетъ содержать отъ 50-ти до 60 гнѣздъ. Вторую доброшу дають отъ 1400 до 1500 піаспровъ, а шредью отъ 700 до 800 піаспровъ за пикуль. Въ резиденціяхъ Джоджокарта и Суракарта, нѣкоторыя изъ салангановыхъ пещеръ принадлежатъ правительству.

Райская птичка развелась на Ява. Здѣсь считаютъ ее до 10-ти, или 12 различій.

Пресмыкающихся здѣсь изобиліе; въ рѣкахъ множество каймановъ, а въ лѣсахъ безчисленное количество змѣй. Ихъ считаютъ тысячи родовъ, начиная съ боа-великана до билудака, маленькой эхидны, не болѣе 8 — 10 дюймовъ въ длину, но ядовитое укушеніе которой причиняетъ мгновенную смерть. Лекарствомъ противъ нея считаютъ прижиганіе горячимъ желѣзомъ, или адскимъ камнемъ, а также приемъ спирту изъ оленьяго рога и аммоніака. Но достоверность послѣдняго, по крайней мѣрѣ, сомнительна. Между вредными насѣкомыми должно упомянуть о скорпіонахъ и тысяченожкахъ — язвъ жилищъ. Противъ нерѣдко случающихся укушеній ихъ, Яванцы употребляютъ луковые кашаплазмы, или извѣстку, служащую для приготоуленія бетеля.

Валеншинъ насчитывалъ на Ява 538 родовъ рыбъ. Новѣйшіе естественныиспытатели, Темминкъ, Рейнвардтъ, Блюмъ, еще болѣе увеличили длинный спи-

сокъ ихъ. Этимъ просвѣщеннымъ, трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ ученымъ естественное познание Ява одолжено частными трудами, гдѣ они изобразили его подъ всеми видами и во всѣхъ подробностяхъ.

Этнологія острова неменѣе любопытна для изученія. Племя, населяющее здѣшнюю землю, есть различіе отъ Малайскаго покровія, разсыпаннаго на длинной цѣпи острововъ, копорые идутъ отъ Ахемскаго угла Сумапра до южной конечности Тимора. Это родъ людей съ цвѣтною кожею, сильныхъ, складныхъ, съ широкимъ ртомъ, короткимъ и узкимъ носомъ, рѣдко выдавшимся, маленькими глазами, но живыми и черными, волосами черными, длинными и грубыми. Женщины двумя дюймами малорослѣе мужчинъ, съ цвѣтомъ кожи золотожелтымъ, и это отъ померанцевый цвѣтъ славится въ Яванской поэзіи, какъ снѣжная бѣлизна нашихъ красавицъ въ мадригалахъ и романахъ. Для Яванокъ придуманы даже припиранья, дающія желтизну, какъ для Европейскихъ дамъ бѣлилы и румяны.

Эти мѣдноцвѣтные народы дѣятельны, промышленны, ловки, лукавы и особенно надмѣнны. Ихъ почищаютъ, или авпохтонами, или происходящими съ Бирманскаго полуострова. Последнее мнѣніе принадлежитъ доктору Буханану, но Кравфордъ не раздѣляетъ его.

По тѣлесному сложенію, Яванцы крѣпки и здоровы. Продолженіе жизни почти то же, что въ Европѣ, и спользніе сшарики здѣсь не рѣдкость.

Воспалительныя болѣзни менѣе извѣстны и менѣе опасны, нежели въ Европѣ. За то лихорадки губительны для народонаселенія. До введенія коровьей оспы, оспа производила также на Ява сильныя опустошенія. Чума и водяная болѣзнь, кажется, здѣсь невѣдомы, но увѣряютъ, что одно изъ мѣспѣ на Ява, Самарангъ, было первоначальнымъ мѣспомъ происхожденія холеры-морбуса.

Въ климатѣ споль знойномъ, и когда законъ Мугаммеданскій предписываетъ омовенія, бани считаются необходимостью, дѣлаются привычкою, обязанностью. Безпрерывно моются Яванцы и бросаюся въ воды рѣкъ и ручьевъ. Солнце, въ нѣкоторыя времена года, свѣтитъ такъ ярко, что удары лучей его дѣлаются смертельны. Поэтому мужчины рѣдко ходятъ незакрывши головы плащомъ; женщинъ достапочно защищаютъ ихъ длинныя, заплетенныя волосы. По старому предразсудку, здѣсь думаютъ, что свѣтъ мѣсяца бываетъ также опасенъ. Даже Европейскіе мапрозы убѣждены, что мѣсячныя лучи оказываютъ вредное вліяніе на здоровье, и тщательнo предохраняютъ себя отъ нихъ.

Характеръ Яванцовъ тихій, беспечный и уживчивый. Начальникъ повелѣваетъ кротко и наказываетъ безъ жестокости, паяжкою и бесполезной; кроме того, Яванецъ презвъ, терпѣливъ, доволенъ немногимъ, покоренъ своему природному повелію, гостепріименъ ко всѣмъ путешественникамъ, къ какому-бы народу они ни принадлежали, привязанъ къ своимъ народнымъ преданіямъ и любитъ землю, гдѣ

родился. Въ противоположность такимъ добрымъ качествамъ надобно присовокупить, что Яванскіе туземцы зависпливы, ссорливы, иногда обманчивы и злы, всегда суевѣрны и легковѣрны. Последнему пороку подвержены они въ невѣроятной степени. Исключая немногихъ, которые поставлены выше ребяческихъ повѣрьевъ сообщеніемъ съ Европейцами, всѣ Яванцы вѣрятъ снамъ, предвѣщаніямъ, колдовству и очарованію. Они думаютъ, что духи обитаютъ въ горахъ и въ лѣсахъ. Если воры приходятъ на свой промыселъ, то бросаютъ на домъ немного земли, взятой изъ вновь вырытой ямы, полагая, что эшимъ наводятъ они лепаргическій сонъ на всѣхъ, живущихъ въ домѣ. Если можно бросить по немного земли на постели, воображаютъ, что такое околдованіе подѣйствуетъ еще сильнѣе. Такія повѣрья доходятъ нерѣдко до того, что поражаютъ нелѣпымъ заблужденіемъ цѣлое народонаселеніе какого нибудь округа или области. Однажды старой колдунѣ померещилось, что божественная какая-то сила низойдетъ съ горы Сумбингъ, одной изъ высочайшихъ горъ святой области Яванской. Тотчасъ пять, или шесть тысячъ человѣкъ принялись за работу, и два мѣсяца работали, чтобы долину окрестную сдѣлать болѣе удобною для спуска небеснаго гостя.

Вмѣстѣ съ Яванцами, на островѣ живутъ другія поколѣнія, уже описанныя и извѣстныя: Кипайцы—кочующіе торгаши Азіи; Мавры, перешедшіе сюда съ Декканскаго полуострова; Малайцы и Буги полуторгаши, полу-разбойники; Арабы, въ одно время

промышленники и священники; наконецъ, поколѣніе меписовъ, называемое Португальцами.

Яванцы почти всѣ Мугаммеданы. Будешъ около трехъ вѣковъ тому, когда Исламизмъ проникъ на здѣшній архипелагъ, и успѣхи его на Ява оказались таковы, что теперь считаютъ только два селенія, оставшіяся вѣрными древней религіи Буддизма. Изъ нихъ одно, принадлежащее поколѣнію *Бедуи*, находится въ отдаленномъ углу резиденціи Баншамской, а другое въ восточной части острова.

Яванцы довольно своевольные послѣдователи догматовъ исламизма, но строго наблюдающъ всѣ внѣшніе обряды. Обрѣзаніе, омываніе, постъ во время Рамадана, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ мясъ встрѣчаютъ мало противниковъ. За то Яванцы совершенные невѣжды въ нравственности и духовныхъ идеяхъ Мугаммеданства, и не всегда воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ, какъ слѣдовало-бы истиннымъ правовѣрнымъ. Такому невѣжеству подвержены и самые священники, не только міряне. Не многіе изъ имановъ умѣютъ читать Алкоранъ, и еще менѣе имѣющихъ титулъ *гаджи*, или свяпаго, получаемый спранствовавшими въ Мекку. Все знаніе духовныхъ ограничивается чтеніемъ и письмомъ кое-какъ, бормотаньемъ нѣсколькихъ *суратъ* изъ священной книги и разными шлодвиженіями, которыя введены при молитвахъ. Поэтому, какъ духовенство, такъ и правовѣрные, ими называемые, неопличаются строгостью нравовъ. Религія Мугаммеда на Ява снисходительна и уступчива, и посредствомъ имановъ смягчающъ всѣ ея строгія пред-

писанія, а нравственность спановилась весьма мало наставительною. Часто припомъ носилъ она на себѣ оппечашокъ первобытнаго Яванскаго вѣрованія и спановилась смѣсю Исламизма съ Буддизмомъ. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ великихъ праздниковъ, предписанныхъ Кораномъ, Яванцы опправляютъ претій большой праздникъ, въ честь своихъ предковъ. Это здѣшнее самобытное торжество, которое приставлено къ мугаммеданскому воспоминанію о днѣ рожденія Мугаммеда. При духовныхъ процессіяхъ носилъ здѣсь позолоченныя фигуры змѣи, или *нага* живошнаго, похожаго на гуся, и еще одного урода въ видѣ оленя. Всѣ сіи изображенія, явно Браминскіе символы, совершенное разнорѣчіе съ господствующею нынѣ религіею.

Какъ во всѣхъ спранахъ, гдѣ властвуетъ Мугаммеданство, многоженство позволено на Ява, но ограничивается почти только богатыми людьми, имѣющими средства покупать себѣ женъ за золото и содержащъ гаремы. Обыкновенно князья и начальники первыхъ степеней имѣютъ по чешыре жены законныхъ, кромѣ множества побочныхъ; начальники нисшихъ степеней по двѣ, и иногда по три жены; простолюдины принуждены ограничиваться въ своихъ *кампонгахъ*, или селеніяхъ одною популярною женою. Правда, законъ, весьма снисходительный въ этомъ отношеніи, позволяетъ легко развестись, но чаще всего случается, что жена, имѣя дѣшей, или завладѣвши первенствомъ въ домашнемъ быту, доспигаетъ до свободнаго уничтоженія такого успава, и обращаетъ его, напрошивъ, въ свою пользу.

У князей и правителей бываетъ первая почетная жена, съ которою почти никогда не разводящяся, потому что вообще берутъ ее изъ семейства, равнаго значностью семейству мужа. Въ семъ случаѣ супружескія условія такъ утверждаются, что только важнѣйшія причины могутъ довести до развода. Женѣ при такихъ преимуществахъ даются большія права. Она идетъ наравнѣ съ своимъ мужемъ, принимаетъ почести *далама*, и повелительно властвуетъ другими женами, устанавливая всѣ ихъ отношенія и права.

По всему этому, женщины на Малайскомъ архипелагѣ не находящяся въ томъ состояніи униженности, какому подвержены онѣ въ другихъ Мугамеданскихъ земляхъ. Мужъ покупаетъ жену, платитъ за нее калымъ, но черезъ то не почитаетъ себя въ правѣ обходиться съ нею презрительно. Жена обѣдаетъ съ нимъ и дѣлается участницею его счастья и бѣдствія. Она можетъ являться въ публику безъ препятствія и безъ соблазна, участвуетъ въ совѣтахъ и пиршествахъ, и не исключается изъ званій общественныхъ. Нѣсколько женщинъ повелѣвали Малайскими спранами.

На Ява женщины работающыя, отправляютъ разные ремесла и ходятъ по улицамъ занимаясь ими. Только Яванки высшихъ званій сидятъ въ заперши, но Европейцы часто допускаются во внутренность самыхъ знатныхъ гаремовъ.

Женщинъ отдають за-мужъ весьма молодыхъ. Въ двадцать лѣтъ дѣвушка уже спаруха. Если

опецъ молодого Яванца полагаетъ, что сынъ его нашелъ себѣ приличную невѣсту, онъ относитъ съ предложеніемъ о бракѣ къ родителю молодой дѣвушки, а потомъ переговоры отдаются на руки женщинъ и кончается сговоромъ. Тогда женихъ посылаетъ опъ себя подарки, состоящіе въ кольцѣ, или кускѣ ткани, съ прибавленіемъ арековаго орѣха, называемаго *пѣнангъ*, опъ чего происходитъ и самый глаголъ *тапріепангъ* (обручаться). Послѣ такого перваго обряда семейство и друзья жениха являющіяся въ свой чередъ, и представляютъ *ламарамъ*, подарки, которыми дается общее извѣстіе о начатомъ союзѣ. За тѣмъ устанавливается между родителями: какая будетъ цѣна невѣстѣ и чѣмъ платитъ за нее, деньгами, украшеніями, тканями, сарачинскимъ пшеномъ, буйволами, и проч.

Когда всѣ сіи предварительные обряды учинены, женихъ идетъ въ мечеть, гдѣ *пангулу* спрашиваетъ у него: заплашилъ ли договорную цѣну за невѣсту? Послѣ утвердительнаго отвѣта произноситъ онъ слѣдующую священную формулу: «Соединяю васъ, такого-то, союзомъ супружества, съ такою-то, и да будетъ она тебѣ жена опнынъ. Исполни свои обязательства, или останешься должникомъ. Ты отвѣчаешь за поступки жены своей. Если ты будешь отсутствующимъ изъ дома своего болѣе семи мѣсяцовъ на землѣ, болѣе года на морѣ, неоставивъ ей средствъ существованія, бракъ вашъ будетъ распоргнутъ по прѣбованію жены, безъ всякихъ обрядовъ, и подвергнешься ты взысканію по закону Мугаммеда.» Послѣ такого религіознаго бла-

гословенія по правиламъ Исламизма, слѣдуетъ обрядъ чисто Малайскій. Онъ состоитъ въ томъ, что возящъ обвѣнчанныхъ, въ украшеніяхъ и дорогихъ плащяхъ, на лошади, или въ паланкинѣ, и показывающъ въ самыхъ многочисленныхъ мѣстахъ города, или селенія, гдѣ живутъ они. Если супружество совершается между людьми почетными, процессія предшествуемъ челоуѣкъ въ шутовской одеждѣ, кривляясь и коверкаясь. Такимъ образомъ достигаютъ до жилища отца молодой, гдѣ соединяющъ супруговъ, заспавляя ихъ ѣсъ сарачинское пшено съ одного блюда и жевая бешель изъ одной коробочки. Это почти *конфарреация* Римская. Иногда молодую заспавляютъ мышь ноги своего мужа. Въ иныхъ обласпяхъ несутъ передъ новобрачною зажженную головню, и потомъ пушаютъ ее въ водѣ. На другой день послѣ обряда, молодой ведетъ жену въ свое жилище, гдѣ разные праздники дополняютъ бракосочетаніе.

Многоженство, по видимому, неуменьшаетъ народонаселенія на Ява. Статистика доказываетъ, что островъ безпрестанно выигрываетъ въ семь отношеніи. У нѣкоторыхъ изъ власпителей число дѣтей весьма большое. Правитель Тубанскій, на примѣръ, имѣетъ ихъ до 68-ми челоуѣкъ. Умноженіе семейства празднуется съ великою пышностью. Если женщина беременна первымъ ребенкомъ, то даютъ большой праздникъ; послѣ седьмого мѣсяца беременности праздникъ еще; при рожденіи дѣтяти третій праздникъ, и тогда-же дается младенцу имя. Оно всегда бываетъ произвольное,

и фамильных именъ никакихъ нѣтъ. Благочестивые люди избираютъ имена Арабскія; другіе берутъ Малайскія прилагательныя — добрый, любезный, великодушный, и проч. — Подобно Аравишанамъ, отецъ прибавляетъ къ собственному своему имени имя первороднаго сына. Мальчикамъ совершаютъ обрѣзаніе между 8-ю и 12-ю годами.

Похороны отправляются благочинно, безъ крику, безъ шума; если кто умеръ ночью, хоронятъ его на другой день; если кто умретъ днемъ, погребеніе совершаютъ до захода солнца. Деревянная загородка, земляная насыпь означаютъ мѣсто каждой могилы; рѣдко присоединяютъ къ этому надгробный камень, или надпись. Кладбища окружаются *самбаджами* (*plumieria obtusa*), зелень которыхъ внушаетъ почтеніе. Но при кончинѣ человека богатаго и знашнаго, наблюдается однакожь обрядъ великолѣпнѣе. Всѣ родственники покойнаго и родственницы собираются въ жилище его и получаютъ тамъ по нѣскольку серебряныхъ монетъ. Каждому священнику даютъ по піаспру, по шпукъ пкани и по маленькой рогожкѣ. Тѣло моютъ, завертываютъ въ бѣлую пикань и кладутъ въ гробъ, покрытый расписаннымъ полошномъ и цвѣточными гирляндами. Чѣмъ богаче и великолѣпнѣе погребеніе, тѣмъ болѣе видно дорогихъ копей и красивыхъ зонтиковъ. Толпа друзей и родныхъ провожаетъ умершаго до послѣдняго жилища и удаляется не прежде, какъ по произнесеніи священникомъ прощальной молитвы. Молитвы эти продолжаются еще недѣлю въ домѣ умершаго. Каждый день има-

ны приходятъ туда просить Бога за упокой души. Въ шрешій, седьмой, четырнадцатый, сотый и тысячный дни послѣ смерти отправляются праздники, именуемые *сидика*, и состоящіе въ родѣ похоронной службы и поминовенія. Разумѣется, что все это дѣлаютъ только послѣ оставившихъ богатое состояніе покойниковъ. — Слѣдуя своему народному обычаю, Китайцы здѣшніе отправляютъ обряды погребенія столь-же пышные и шумные Малайскихъ. — У Каланговъ есть обычай разбивать кокосъ, молоко копорого выливаютъ на покойника, а скорлупу кладутъ ему въ головы и въ ноги.

При ѣдѣ, Яванцы не соблюдаютъ большой чинности. Скорчасъ надъ рогожкой, руками берутъ они рыбу, сарачинское пшено, говядину. Передъ ѣдомъ и попомъ они умываются. Вода составляетъ ихъ главное питье, но ее кипятятъ прежде, и иногда сдабриваютъ разными приношениями. Чай пьютъ по два и по три раза въ день. Но роскошь умножается въ церемоніальныхъ ѣздахъ, гдѣ является множество блюдъ. Обыкновенно ѣдятъ дважды въ день, немного прежде полудня, и въ семь, либо восемь часовъ вечера. Выходя изъ дома упрямъ, Яванецъ пьетъ чашку кофе, съ пирожкомъ изъ сарачинскаго пшена.

Употребленіе *сири*, или *бепеля* съ другими принадлежностями, всеобщее на Ява, какъ и въ другихъ Индійскихъ и Малайскихъ земляхъ. Ложечкою на лиспочикъ *сири* кладутъ немного Японской земли

(terra japonica), вещества, имѣющаго пріятную горечь, примѣшивая пуда немного извѣстки. Прибавляють еще арековый орѣхъ, имѣющій наркотическое свойство, дѣлають изъ всего этого колобокъ и жуютъ его. Это смѣшеніе, какъ я говорилъ уже, гадитъ ротъ, портитъ зубы, окрашиваетъ губы кроваваго цвѣта слюною. Несмотря на такія опврапительныя неудобства, нельзя убѣдить туземцовъ отказаться отъ употребленія бѣселя. Всѣ, мужчины и женщины, носятъ съ собою коробочку съ сири. Нюхальный табакъ также здѣсь извѣстенъ. Его знали здѣсь уже съ 1600 года, подъ именемъ *табако* (tabaco). Сигары здѣшнія превосходны.

Крѣпкіе напитки здѣшніе суть двухъ родовъ, *бадекъ* и *бромъ*. Первый дѣлають варкою особеннаго сарачинскаго пшена, называемаго *кетангъ*, съ смѣшеніемъ, именуемыхъ *ражи*, изъ луку, чернаго перцу и *sarsiput*. Вся эта смѣсь, скапанная въ колобки, даетъ опваръ, весьма крѣпкій; гуща также имѣетъ спиртный вкусъ и ее продають какъ лакомство. Для выдѣлки брома поже кипящая кетангъ съ ража и опдѣлають опваръ, но его зарывають попомъ въ землю на нѣсколько мѣсяцовъ, чтобы придать ему болѣе вкуса. Иногда даже переваривають его. Цвѣтъ брома темный, желтый, красный, смотря по качеству пшена. Простоявъ нѣсколько лѣтъ, этотъ напитокъ можетъ опьянять. Въ Суракарта дѣлають еще родъ пива, изъ лисьевъ пари, смѣшанныхъ съ сахаромъ и

пряносшями, но его нельзя сохранятьъ болѣе пяти или шести дней.

Спрасшь къ эшимъ спиршнымъ напиткамъ сущесшвуешъ только между немногими Яванцами. Религіозное запрещеніе не даетъ ей возможности распространиться. Но непакова наклонность къ употребленію опиума, которая спановится со временемъ бѣшенствомъ и неистовствомъ. Хотя по Малайски называютъ пивунали опиума (*pinang wadat*) шѣхъ, кто предаешся его употребленію, но опиумъ на Ява не пьютъ однакожь, а курятъ. Для сего употребляютъ деревянныя, или кореневыя трубки, *падунданъ*, толщины и длины съ флейшправерсъ (*flûte traversière*). Одинъ конецъ открытый, и его берутъ въ ротъ; другой закрытъ, но на верху его сдѣланъ родъ вороночки, мѣдной, и сюда кладутъ мѣлкій табакъ, перемѣшанный съ опиумомъ и нарочно приготовляемый. Курильщикъ вдыхаетъ въ себя дымъ и выпускаетъ носомъ — нѣсколькихъ запыжекъ довольно, чтобы опьянить и произвестъ всѣ упоющія чувства. Говоря о Кишайскихъ курильщикахъ, я сказывалъ, какого рода изсшупленіе слѣдуетъ изъ употребленія этого наркотическаго снадобья. Однажды привыкнувши къ его неизобразимымъ наслажденіямъ, безъ нихъ немогутъ уже обойтись и скорѣе откажутся отъ ѣды и питья. Надобно тогда всякій день употреблять опиумъ и каждый день прибавлять приемы его. Но уже черезъ нѣсколько мѣсяцовъ открываются бѣдсшвенныя послѣдствія этого несчастнаго излишества. Пропадаетъ аппетитъ, глаза спановаятся

красны и мушны, умспвенныя способности слабѣ-
юшѣ, шѣло морщинишся, худѣешѣ, и человѣкъ впа-
даешѣ въ родѣ сухошкы и чахошкы.

Много говаривали во всѣхъ описаніяхъ Индіи о
шѣхъ куришеляхъ опіума, кошорые въ своемъ бо-
лѣзненномъ испупленіи бѣгаюшѣ по улицамъ съ
кры въ рукахъ, поражая всякаго, кшо вспрѣшишся,
бѣшенныхъ сумасбродахъ, кошорыхъ надлежало-бы
исключишѣ изъ закона, дозволивъ каждому убивашѣ
ихъ, какъ звѣрей, подверженныхъ бѣшенству. Гнѣ
Гогендорпѣ, долго управлявшій Голландскою коло-
ніею, привелъ всѣ сїи рассказы въ предѣлы испи-
ны; онѣ поставилъ насущіе факты вмѣсто вся-
кихъ сказокъ объ *Амокъ*, *Амокъ* (бей, бей)! вы-
мышленныхъ пушешеспвенниками, болѣе романи-
спами, нежели повѣспвовашелями испины.

«Пушешеспвенники,» говоришѣ сей благоразум-
ный наблюдашелѣ, «слишкомъ преувеличенно гово-
рили о преспупленіяхъ, въ какія бываюшѣ увле-
каемы куришели опіума въ своемъ упоеніи. Много-
лѣшнее пребываніе на Ява и ежедневныя сношенія
съ полиціею во все эшо время, убѣдили меня, чшо
шакыхъ примѣровъ вовсе небываешѣ, или бываешѣ
весьма мало. Спокойспвіе, соблюдаемое въ *амфеоен-
киттенъ* (мѣспяхъ продажи пригошовленного опі-
ума, гдѣ собираюшся куришели подѣ наблюденіемъ
полиціи) рѣдко нарушаешся. Напрошивъ, сїи мѣспы
служашѣ даже особеннымъ средспвомъ, ибо не одно
важное опкрытіе было здѣсь произведено, и до-
вело до опкрытія слѣдовъ преспупленія, долгое
время шаимаго. Прешнія повѣспвованія говоряшѣ

много объ *амокспуверахъ*, въ слѣпомъ бышенствѣ бѣгавшихъ по улицамъ, убивавшихъ, ранившихъ всякаго, кто ни попадался, пока ихъ самихъ неубивали. Такія сумасшествія сдѣлались безконечно рѣдки со времени прекращенія торга невольниками. Наибольше происходили они отъ Бугійцовъ и Балійцовъ, проданныхъ въ неволю и привезенныхъ на Ява. Между ними находились несчастные, немогшіе переносить разлуки съ опечесивомъ, родными, женою, любовницею; другіе немогли исполнять приказаній, худо понимая ихъ, и спрашась припомъ наказанія. Все это производило опвращеніе отъ жизни, иногда переходившее въ безуміе, и тогда несчастные невольники хватали первое, что имъ попадалось подъ руки, и безъ разбора поражали все, напередъ зная, что ихъ поражаютъ въ свой чередъ и прекращаютъ ихъ мученія. Между Яванцами и во внутренности острова иногда слышно объ *амоксахъ*, но ни однажды незамѣнилъ я, чтобы это безуміе можно было приписать излишнему употребленію опиума, и всегда виною его бывали ревность, мщеніе, часшо опчаяніе преступника, захваченнаго на мѣстѣ вины, или неизбѣжно долженствующаго впасть въ руки правосудія. Тогда-шо является шо, что Малайцы называютъ *слъпотою* (*matta-glab*) — сумасшедшее желаніе смерти, съ мыслію нанести ее всѣмъ, кто попадется.

«Это выраженіе: *матта-глабъ*, буквально значащее: «пошеченные глаза,» весьма обыкновенно между туземцами Индійскихъ острововъ. Дословърно, что вообще имѣя умственные способности до-

вольно ограниченные, они легко подвергаются опасности лишаться ихъ, если находясь въ обстоятельствахъ необыкновенныхъ, либо опасныхъ, по съ другой стороны они часто злоупотребляютъ упомянутое выраженіе, почитая его законнымъ извиненіемъ для всѣхъ дурныхъ дѣлъ. Если воры, зажигатели, убійцы будутъ приведены передъ судъ, и судья спроситъ, что могло довести ихъ до преступленія, можно навѣрное ожидать, что девять изъ десяти отвѣтятъ: «Машта-глабъ,» желая сказать: «Я былъ ослѣпленъ — я поперялъ голову.»

Игры и увеселенія Яванцовъ многочисленны и разнообразны. Они стараются убить время забавами на тысячу манеровъ. Самыя ребяческія утѣхи нравятся ихъ лѣтоси. Женщины ходятъ въ гости, и тамъ жуютъ сирі, рассказываютъ исторіи, поютъ, аккомпанируя себѣ на тамбуринѣ. Мужчинъ занимаетъ пѣшій бой, до котораго они спрасны, какъ всѣ Малайцы. Сраженія перепелокъ, или *буру-гука*, составляютъ также увеселеніе народное, а въ подражаніе ему дѣти заставляютъ биться кузнечиковъ. Даже и взрослые презираютъ битвы двухъ сверчковъ. Они держатъ большіе заклады за эшихъ насѣкомыхъ, и возбуждаютъ ярость ихъ, щекоча ихъ головы былинкою.

Но иногда битвы бываютъ гораздо важнѣе. Несорливые по природѣ, Яванцы бьются въ условленное время, установивши правила особенной битвы, которую называютъ *актонъ*. Игра эта состоитъ въ томъ, что въ мѣру надобно бить палочкою, пока одинъ изъ бойцовъ не признаетъ себя побѣжденнымъ.

Битиъ позволяется почемъ попало, но для избѣжанія ранъ на головѣ, ее закрываютъ лоскутомъ ткани, такъ, что только глаза остаются открытые. Ударить позволяется только одинъ разъ, и нанеся ударъ надобно опуститъ и ждать ошбоя. Такой родъ поединка, при звукахъ музыки, иногда продолжается цѣлый часъ, и бойцы выходятъ изъ него съ кровавыми, жестокими ранами. Зрители, принимая званіе судей поля, разлучаютъ драчуновъ, если бой оказывається не по установленнымъ правиламъ.

Всѣ сіи игры просонародныя; у знашнихъ онѣ возвышеннѣе. Травля буйволовъ шиграми, убіеніе шигра въ каре копейщиковъ, шо и другое зрѣлище, уже описанныя мною, принадлежатъ къ унѣхамъ знашнихъ званій. Прежде присовокупляли къ эшому битву шигра съ пресшупникомъ. Эшомъ обычай, кажется, вышедшій изъ употребленія, былъ однакъ возобновленъ для двухъ осужденныхъ, въ 1812 году, по извѣстіямъ Кравфорда. Каждому изъ нихъ дали пришупленный кри, и пошомъ открыли клѣтку, изъ кошорой выпрыгнулъ шигръ и мгновенно смялъ одного изъ бойцовъ; но другой, послѣ двухъ часовой битвы, успѣлъ умершвить шигра, много разъ нанося ему удары по головѣ, подъ глазами и подъ ушами. Побѣдитель нешолько былъ прощенъ, но даже получилъ званіе *монтри*. Сраженія съ быками обыкновенны на Ява; здѣсь умѣли даже устроить битвы барановъ съ свиньями. Охотишья на Явѣ нѣтъ ни сполько удовольствія, ни сполько пользы, какъ на Целебесѣ. Дичи здѣсь свободный пролетъ по безконечнымъ долинамъ внут-

ренней обласпи, а если ее слишком живо преслѣдуютъ, она ищетъ убѣжища въ горахъ, гдѣ невозможно доспичь ее.

Между другими увеселеніями на Ява должно упомянуть о театральныхъ представленіяхъ. Театръ состоитъ въ открытомъ сараѣ, около кошораго спановаяся зрители. Въ срединѣ его стоитъ чтецъ или суффлеръ (далангъ), вооруженный палкою. Онъ открываетъ пьесу родомъ пролога, и объявляетъ попомъ имена лицъ, долженствующихъ явиться на сцену; онъ подаетъ имъ и знакъ къ появленію, ударяя палкою. Недумаете-ли вы, что послѣ появленія своего, они примутся читать роли? Совсѣмъ нѣтъ—роли читаетъ далангъ; актеры ограничиваются тѣмъ, что соединяютъ съ его словами движенія, и дѣло идетъ такимъ образомъ до конца—онъ читаетъ, а актеры выражаютъ слова его пантомимою. Всѣ актеры богато одѣваются по модѣ нумезной. Роли женщинъ исполняются молодыми людьми, покрывающими лица свои бѣлыми масками, довольно хорошо сдѣланными. Маски эти, однѣ правильны и естественны, другія уродливы и обременены раскраскою. Первыя служатъ для актеровъ обыкновенныхъ, другія для шутовъ. Спранно находить на Яванской сценѣ такія-же хари, какія служили нѣкогда въ сценическихъ играхъ Грековъ и Римлянъ. Впрочемъ искусство младенчествуетъ въ Яванской драмѣ. Вотъ одна изъ libretti, списанныхъ путешественниками: дочь Явскаго Царя выходитъ за Князя Балійскаго, кошорый разводитъ съ нею, чтобы свободнѣе жить съ одной изъ своихъ любимыхъ.

Отецъ царевны хочеть мспити такую обиду дочери оружіемъ. Онъ приходишь къ оскорбителю, и заспаетъ его спящимъ въ объятіяхъ невольницы. Спрашная свалка между Яванцами и Балійцами! Мужъ и жена предводять войсками и вспрѣчающся въ битвѣ. Царевну хранишь отъ пораженій какой-то богъ; она щадитъ невѣрнаго супруга. Но многочисленство одолеваетъ ее и беретъ въ плѣнъ. Напрасно старающся попомъ побѣдитъ ее многочисленствомъ предложеній, которыя могли бы подѣйствовать на сердце, несполь упорное въ любви. Мужъ уступаетъ ей все, кромѣ своей любимицы — половину сокровищъ, половину царства. Гордая Яванка все отвергаетъ, такъ рѣшительно, что ее сажаютъ въ лодку, чтобы отдѣлаться какъ нибудь отъ спраши, надѣвшею мужу. Снова спасенная чудеснымъ образомъ, царевна приходишь во владѣнія супруга съ свѣжимъ войскомъ, побѣждаетъ его, овладѣваетъ его столицею и снова предлагаетъ ему руку и сердце. Но непостоянный предпочитаетъ милой супругѣ смерть, закалывается, и по обычаю Яванской піишики, чортъ беретъ его, чтобы развязать пьесу.

Такія представленія называются *топангъ*, и сюжеты ихъ всегда берутся изъ Яванскихъ лѣтописей. Завязку составляютъ война и любовь. Если драму даютъ передъ государемъ, актеры ненадѣваютъ масокъ и сами читаютъ свои роли. Въ другихъ случаяхъ, чпещъ, или *далангъ*, замѣняютъ ихъ. Музыка *гамелана* сопровождаетъ игру актеровъ и устанавливаетъ ея переходы. *Топангъ* обыкновенно играется десятию людьми, не считая *даланга*.

Но если топангъ есть забава знапныхъ, то *вай-ангъ*, родъ Кипайскихъ пѣней, составляетъ утѣху народа. Эти Кипайскія пѣни, или маріонетки, въ 16 и 18 дюймовъ вышиною, дѣлаются изъ буйволовоѣ кожи, рисуются и украшаются весьма пщательно. Фигура ихъ обыкновенно каррикатурная, съ длиннымъ носомъ. Руки, черпы лица, длинныя ходули съ заостренными концами, спранныя прическа, все фантастическое въ этихъ вайангахъ, копорымъ, безъ сомнѣнїя, Яванцы придають смыслъ аллегорическій. Часпи пѣла этихъ куколъ соединены роговыми гвоздиками, и шевелятся на нипочкахъ, копорыя привязаны къ ихъ рукамъ. Бѣлая шкань, въ родъ занавѣса, растягивается передъ зрѣтелями. Мѣсто за нею освѣщается лампою. Три рода бываетъ сихъ представлений: *Вайангъ-Пура*, самое древнѣйшее изъ всѣхъ, почерпаемое въ Яванской миѳологїи, прежде царствованїя Паракизиши, гдѣ шүземные боги и полубоги выводятся на сцену, слѣдуя поэмамъ Рама и Маншараги; дѣйствїе *Вайангъ-гедода* движется между Паракизиши и царствованїемъ несчастнаго Панджи; наконецъ, *Вайангъ-клитикъ* болѣе кукольная комедїя, нежели Кипайскія пѣни; она состоитъ изъ деревянныхъ маріонетокъ, дюймовъ по 10-ти вышиною, пщательно раскрашенныхъ и расписанныхъ. При нихъ неупотребляется прозрачной занавѣски. Сюжеты берутся изъ исторїи императоровъ Панджажарамскихъ до конца царства Маджипагипскаго. Далангъ предводителствуетъ всѣми этими зрѣлищами. Должность его, весьма почтенная въ здѣшней сторонѣ, соотвѣтствуетъ званїю древнихъ Бар-

довъ. Даланги благословляютъ каждого новорожденного у Яванцовъ, чипая надъ нимъ опрыски изъ старинныхъ легендъ.

Кромъ Вайанговъ есть еще для простолюдства родъ шушовскихъ зрѣлищъ, нѣчто похожее на *scepario*, шушочные разговоры между обезьяною, собакою и дуракомъ, и наконецъ паншомина, при которой актеры одѣваются дикими звѣрями. Это *барунганъ*. Имя *тендака* дается забавѣ, состоящей въ пляскѣ ночью. Заслышавъ звукъ музыки, народъ оспавляетъ дома и идетъ на площадь, гдѣ плясуньи должны давать свои хореографическія представленія. Наскоро раскинутый шатеръ, нѣсколькими лампами освѣщенный, укрываетъ зритель. Когда публика соберется, являющіяся плясуньи, полунагія, съ собранными на верхушкѣ головы волосами, съ обнаженными руками, плечами и грудью, и въ такомъ плащѣ, что опъ взоровъ зритель нескрыта ни одна часть тѣла ихъ. Онѣ пляшутъ подъ музыку, припѣвая. Передникъ съ красивыми цвѣтами, шарфъ, концы котораго держатъ въ рукахъ, вертя и окружая его вокругъ тѣла съ пріятнымъ волнованьемъ, спройныя и ловкія движенія, пріятные голоса, роскошныя движенія — вошъ средства, какими эти плясуньи, именуемая *ронгенъ*, спараются плѣнить Яванцовъ; когда зрѣлище такого танца сильно возбудишь спраши зритель, мужчины начинаютъ сами плясать, и ихъ неловкость производитъ общій хохотъ.

Ронгены суть женщины презрительныя и презираемыя. Но у сулпановъ есть другія плясуньи, име-

нуемая бедойо, или срампи, и онѣ могутъ посоперничать съ Индійскими баядерками. Онѣ образуютъ правильные балеты, которые могутъ заслужить вниманіе Европейцовъ, болѣе нелѣпыхъ ломаній ронгенъ. Но досихъ поръ такія зрѣлища оспаются принадлежностью султанскихъ даламовъ. Пажи Яванскихъ государей, когда власпители сіи являюся передъ народомъ, совершаютъ особенный маршъ, который также можно назвать пляскою. Но за исключеніемъ такого марша, у мужчинъ нѣтъ воинскихъ плясокъ, какія находятся у сосѣдей Яванскихъ, жителей Целебеса, Молуковъ, Тимора.

Обыкновенныя жилища Яванскихъ поселянъ немногочѣнны. За 4 рупіи (менѣе 12 франковъ) куплена будешь хижина, съ перегородками изъ бамбука, съ крышею изъ копьевидныхъ лиспьевъ *нипа*, или рода бамбука, сирапа. Мѣсто, служащее въ хижинѣ кроватью, немного возвышено надъ землею. Спаршіе въ семействѣ находятся съ одной стороны, дѣти съ другой. Свѣтъ проникаетъ въ двери; вдоль фасада дѣлаютъ варангъ. Жилища знатныхъ обширнѣе. Въ нихъ находится по 5-ти, по 6 комнатъ, и подпорки ихъ изъ брусьевъ. Немного раздѣленіемъ опличаюся такіе дома опъ простыхъ жилищъ Малайскихъ, но и окошками.

Сельскія хижины почти всегда соединяются въ селенія. Ихъ прикрываютъ пѣнисныя рощи, и въ каждомъ селеніи есть свои чиновники и жрецы. Эпо паптріархальное правленіе во всей его простотѣ. Города Яванскіе суть собранія нѣсколькихъ селеній воедино. Въ главныхъ мѣстахъ округовъ находятся

кадатоны, или обипалища Князей, внупреннюю часть которыхъ составляетъ даламъ. Кадапоны почти всегда укрѣпляются; у нихъ есть валы, рвы, пушки.

Прежде управленіе землями Яванскими не было сложно. Во главѣ всего былъ сузунамъ, или Султанъ, получая шипуль свой наслѣдствомъ, по праву первородства. Сузунамъ имѣлъ власнѣ деспотическую.

Подъ нимъ находился Визирь, или Раденъ-Адипати, которому предоставлялись заботы правленія, ибо султаны наиболѣе думали о наслажденіи жизни.

За Раденъ-Адипати слѣдовали Бапати, или правители областей, начальствовавшіе надъ панджеранами, тумугонгами, анджибаи, монтри, правителями уѣздовъ и округовъ. У каждого Адипати, или Пати былъ намѣстникъ, замѣнявшій его при случаѣ.

Каждый изъ сихъ чиновниковъ, совершенно подвластный Сузунаму и его миниспрамъ, получалъ на свой пай участокъ полной и безопечной власпи надъ низшими, основою которой была особа султанская. Каждый въ свою долю былъ полнымъ деспотомъ. Петинджи, или начальники общинъ, избирались ежегодно между жипелями. У нихъ былъ совѣтъ старшихъ, и кромѣ того, они должныствовали спрашиваться съ Мудиномъ, или жрецомъ.

Эпихъ изъяснителей закона было два рода: *Пу-гулу*, великіе жрецы, и *Джасаки*, судьи. Первымъ принадлежалъ судъ преступленій прошивъ духовнаго закона, другимъ наказанія по дѣламъ гражданскимъ. Всѣ сіи достоинства предоспалялись избранію Сулпана, назначавшаго также и воинскихъ чиновниковъ. Сіи послѣдніе, если принадлежали къ высшему чиноначалію, имѣли названія *Синапати*, или военныхъ господъ. — Войско почти все состояло изъ пѣхоты. Пока Голландцы невели новаго устройства, главное оружіе воиновъ состояло въ *кри*, *ведунгъ* (длинномъ охотничьемъ ножѣ), копѣѣ, *сшрѣлахъ*, пращѣ, продолговатомъ щипѣ.

Опличіе званій показывается въ манерѣ носить *кри* и въ цвѣтѣ зонтика. Только власпитель имѣетъ право на *пайонгъ*, или позолоченый зонтикъ; у жены и любовницъ его зонтики желтые; у семейства Сулпанши и дѣшей Сулпана бѣлые. Зонтики *бапаши*, или *шумугонговъ*, зеленые, съ краями и верхушкою позолочеными; у *анджибаевъ*, *монпри*, *ругговъ* и у нисшихъ чиновниковъ голубые.

Мебель простолудинскихъ жилищъ составляютъ тонкія рогожки, и подушки, покрытыя цвѣтными рогожками. Домашняя утварь ограничивается нѣсколькими небольшими горшками, глиняными и фарфоровыми. Ложки употребляютъ только для жидкаго кушанья. Въ богатыхъ домахъ болѣе мебелировки; вездѣ видите ковры, рогожки, кучи подушекъ и постелей. Гдѣ Европейцы находясь въ прямыхъ сношеніяхъ съ владѣльцами, преимуще-

ствуетъ Западная роскошь — зеркала, креслы, столы, канапе, бронза, часы.

Мы уже говорили объ одеждѣ Яванской. Многія изъ нашихъ Европейскихъ тканей употребляются теперь Яванцами; они любятъ носить бархатъ, сукна, гвиней, Индійскія ткани, и въ одѣяніи вообще показываютъ упорочность и изысканіе невѣроятныя. Въ главныя части ихъ костюма: *саронгъ*, родъ понявы, или мѣшка сквознаго; *коламби*, плащъ съ короткими рукавами; *жаритъ*, юбка, обширнѣе саронга; *сабукъ*, жилетъ, изъ бумажной, или шелковой ткани; *сикапангъ*, то же шелковое, или бархатное, съ опорочкою кружевами; наконецъ, *самбонгъ*, родъ шелковаго, желтаго пояса, съ красными концами.

Издrevле, какъ кажется, Яванцы обоихъ половъ тщательнѣе заботились о своей головной уборкѣ. Въ описаніе Яванскаго туалета, взятое изъ поэмы, писанной прежде Исламизма. Оно можетъ служить въ одно время характеристикою образованія той эпохи и дать понятіе о поэзіи Яванской, у которой есть своя пѣснь и свои образцы. Здѣсь говоримъ о поэмѣ, описывая свою возлюбленную:

«Лицо ея свѣтлѣе, какъ мѣсяцъ. Блескъ солнца меркнетъ въ ея присутствіи; она похищаетъ лучи его. Такъ хороша она, что нельзя описать ея красоты. Нѣтъ несовершенствъ въ ея ростѣ, а ея волосы, когда они распущены, падаютъ до ея ногъ черными, волнистыми кудрями. Ресницы ея подобны двумъ листамъ дерева, называемаго *илбо*; блестятъ глаза ея; орлиный у нея носъ; зубы ея черные, блестящіе и стройные; губы ея подобны цвѣтомъ свѣжей коры мангустана; щеки ея похожи на дуранъ.

Руки ея, какъ лукъ гибкій; пальцы, длинные и нѣжные, уподобляются шипамъ дерева; ногти у ней перловыя, а кожа желтая и блестящая. Ножка ея приплюснута къ землѣ, и походка величественна, какъ поступь слонихи.»

«Одѣта моя красавица въ шиндипатолу зеленого цвѣта; спянула туго золотымъ поясомъ. На палецъ ея кольцо, произведеніе моря. Серьги у нея изумрудныя, окруженныя алмазами. Золотою булавкою приколоты ея волосы, и на концѣ булавки рубинъ съ золотомъ и изумрудами. Изъ семи драгоценныхъ камней ожерелье ея. Надушена она такъ, что въ ароматахъ нельзя различить никакого отдѣльнаго благовонія.»

Вы слышите голосъ любовника, и припомъ поэта, со всѣмъ Воспочнымъ преувеличеніемъ. Неудовольно-ли еще послушать изъ поэмы *Джаіа-Ланг-кара*, что составляетъ опличительныя качества насмѣящаго Яванскаго щеголя?

«Юноша благороднаго происхожденія познается по семи необходимымъ принадлежностямъ. Ему должно быть хорошаго семейства; онъ долженъ быть уменъ; онъ въ состояніи самъ наблюдать за своимъ поведеніемъ; онъ помнитъ наставленія саспоровъ; велики должны быть его намѣренія; онъ блюдетъ религію; безъ остановки употребляетъ онъ качества, какими обладаетъ, на дѣло.»

«Сердце и умъ его должны быть тихи и спокойны. Онъ умѣетъ укрощать спрашки свои и молчать, когда надобно. Никогда не скажетъ онъ лжи. Не долженъ онъ бояться смерти, и безъ гордости онъ благочестивъ и благодѣтеленъ къ несчастнымъ. Безъ недоспапковъ должны быть ростъ его и видъ его. Кропockъ долженъ быть онъ, и похожъ на Батара-Асмара, бога любви, когда онъ нисходитъ на землю. Если кто взглянетъ на него, то должна пробудиться въ зрящемъ мысль: «Какъ великъ этотъ юноша среди битвы!» Формы тѣла его складны; кожа его подобна самородному золоту, когда оно небыло еще въ огнѣ. Голова у него большая, волосы длинные и прямые, глаза легко наполняются слезами, брови подобныя лиспу имбо,

ность великъ, маленькіе усы на верхней губѣ, а губы похожи на свѣжую кору мангустана, зубы черные, грудь широкая.

«Все, что говоритъ онъ, поражаетъ слушателей; звуки голоса его пріятны. Онъ одѣтъ въ шелана-шинди съ темнозеленымъ *бодотомъ*. Золопой у него поясъ. Кри его въ ножнахъ сапріановыхъ, а рукоять его изъ *тунгъ-гаксли*. Дорогой сумпингъ у него (искусственный цѣпокъ, носимый вмѣсто серегъ) весь золопой, на манеръ *суренгъ-пети* (храбрый до смерти). Золотое кольцо у него на палецъ правой руки.»

Такая поэзія можетъ показаться спранныю, но ея нравственная цѣль, ея важный и цѣпистый слогъ неоспоримо доказываютъ высокую степень образованности у древнихъ обитателей Ява.

Неменѣе подтверждаетъ это великолѣпіе развалинъ, какими устлана земля Яванская. Можетъ быть, ни одна земля столь необильна археологическими сокровищами. Древняя религія Ява, почти изглаженная Исламизмомъ, какъ будто для того хранила еще нѣкоторыя слѣды старинныхъ капищъ своихъ, чтобы счастливая соперница ея спыдилась при сравненіи сихъ ошпашковъ съ своими храмами. Ошпашки развалинъ находясь во всей восточной части острова, въ округъ Брамбананской, въ Боро-Бодо, Кулассанъ, Синга-Сари, Брамбананъ и Малангъ. Тамъ вездѣ видите купы каменныхъ храмовъ, съ спашуею въ срединѣ, обломки кирпичныхъ капищъ, и наконецъ храмы менѣе совершенные, постройки новѣйшей.

Чанди, или храмы Брамбананскіе совершенно покрыты кустарникомъ, сквозь который трудно пробираться во внутренность зданій. Передъ ними находясь огромные *реша*, спашуи хранили хра-

мовъ, копорыхъ шуземные зодчіе изобразили сидящихъ, съ кри, или ведунгомъ въ рукъ. Реши малаго Брамбананскаго храма сушь величины колоссальной. Они похожи на Индійскихъ факировъ, съ широкими подвѣсками въ ушахъ, похожими на женскія Яванскія серьги, съ браслетами и съ ожерельями; поясъ, нисходящій до колѣнъ, поддерживаешъ съ правой стороны маленькую саблю; въ лѣвой рукъ змѣя, кольцомъ, обратившая голову на грудь реша. Каждая спашуя поставлена впереди громады изваянныхъ камней, надъ копорыми распростирающа густые пуки папоротей. Эпощъ памятникъ къ низу чешыреугольный, а къ верху кончипся чешыреспороннею пирамидою. Внупри камень бѣловашый, въ изломъ похожій на кремнистый. Внѣшняя архитектура чрезвычайно проста, а внутренняя гладкая. Два капища въ Брамбананъ, и оба, малый и большой, одного характера, одного спила. — Подлѣ Брамбанана находишся *Чанди-Сиву*, или *тысяча храмовъ* — одно изъ прекраснѣйшихъ, какія только можно видѣть, соединеній древностей, покрывающее пространство на 600 футовъ въ длину, на 530 въ ширину. Всѣ сии храмы разспавлены по чешыре, въ крестообразномъ порядкѣ, всѣ пирамидальной формы, всѣ покрыты изваяніями и имѣють по чешыре большіе входа съ чешырехъ споронъ свѣта.

Вся эша линія исполнена одинакихъ развалинъ. Ихъ находяшъ въ Рандонъ-Гоншингъ, по дорогѣ къ Джокжокарта; далѣе попомъ въ Калибенингъ; наконецъ въ Кулассанъ, селеніи неподалеку опъ Брам-

банана. Развалины Кулассанскія громада каменнаго строенія, у которой фасадъ пробитъ дверьми и множествомъ окошекъ. Изваянныя ниши, красивыя крыльцы, какое-то согласіе въ очеркахъ — вошъ опличія сего зданія.

Но всъ красоты его ничто въ сравненіи съ чудесами храма Боро-Бодоскаго. Построеніе этого зданія относятъ къ VI и VIII вѣкамъ нашего лѣточисленія. Это громада, поставленная на вершинѣ коническаго холма, обширная, квадратная, съ семью ярусами стѣнъ, каждый ярусъ изящнѣе нисшаго. Кажется, что верхъ холма былъ срытъ для постройки капища. Оно оканчивается къ верху куполомъ, около 50-ти фузовъ въ поперечникъ, и окружается стройнымъ рядомъ башенъ, числомъ 72, и каждая занята статуями, лица коихъ обращены къ внѣшности. Всъ сіи памятники покрыты богатую и искусною рѣзбою. Четыреста нишей сдѣлано во внѣшней оградѣ, и въ каждой помѣщена статуя Будды, сидящаго, съ опущенными глазами, поднятою головою, съ огромными ушами и въ шапкѣ, похожей на Фригійскій калпакъ, словомъ, Будды въ томъ видѣ, въ какомъ представленъ онъ во многихъ храмахъ Индійскихъ. Внутренній помостъ храма простирается до 600 фузовъ квадратныхъ. Хотя линіи ярусовъ кажутся прямыми, но если смотрѣшь издали, то они срезаны, ибо, по видимому, ихъ старались согласить съ неправильными формами вершины холма. Такое-же направленіе дано каждой террасѣ. Полная высота зданія около 100 фузовъ. Боро-Бодо находится подлѣ Гу-

нонгъ-Діенга, мѣстопребыванія боговъ.—Послѣ сихъ величественныхъ развалинъ не стоишь уже упоминать о менѣе замѣчательныхъ памятникахъ въ Кедири, Синга-Сари, Малангъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ находясь ряды изваяній, напоминающихъ религіозные предметы, изображенные на стѣнахъ пагодовъ Бенареса, святаго города Индійскаго. Будда и всѣ его эмблеммы, Ганеза съ слоновымъ хоботомъ, фантастическіе образы, половина человѣкъ, половина звѣрь, чудовища — фигуры, столь-же непонятныя, какъ и гіероглифы Египетскіе — шакоры суть любопытные предметы, собранные въ священной Яванской области неупоминимыми археологами. Но рисунокъ можетъ дать объ нихъ только самое недослащное понятіе.

Всѣ сіи памятники, всѣ сіи религіозныя зданія свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда совершались въ древности дивныя перевороты. Туземцы Яванскіе сохраняютъ при Испоріи, и въ каждой очевидно есть своя баснословная часть. Раффлесь, подробно соображавшій ихъ, думаетъ, что первые обитатели Ява были выходцы изъ Египта. Съ большею достоверностью, Миддлекопъ почитаетъ ихъ Индійцами. Первое лѣточисліе лѣтописей Яванскихъ не восходитъ почти далѣе 72-го года до Р. Х. — Все, что говорится о времени, сему предшествовавшемъ — догадки и предположенія. Самая полная изъ всѣхъ таблица хронологическая представляетъ порядокъ 38-ми владетелей, отъ 1-го Яванскаго года до 1200-го, то есть, до 1100-го нашей эры. Тутъ упоминается баснословный вла-

спипель Панджи, славный въ Яванской поэзіи своими похождениями съ царевною, на копорой женился онъ въ Индіи. За тѣмъ слѣдуютъ Кунда, Лаліанъ, Мундингъ, Ванги и Баніакъ. Веди основалъ столицу великой Имперіи на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила святая война Брапа-Юдга. «Положимъ здѣсь начало столицы моего царства,» говорилъ онъ своимъ воителямъ, «и назовемъ ее *Маджапагитъ* (по еспъ, горечь). «Такъ учредилась имперія Маджапагитская на Ява, около 1221 года. Царство это незамедлило распространиться по всему оспрову. Оно пережило введеніе Мугаммеданства на Ява, совершившееся около 1300 годовъ Яванской эры (почти 1400-хъ нашего счисленія). Въ 1355 году царство Маджапагитское находилось на верху своего величія. Всѣ окрестные архипелаги — Бали, Флоресъ, Сумбава, Тиморъ были его данниками; но черезъ пятьдесятъ лѣтъ попомъ наступила религіозная война, и древняя династія Маджапагитскихъ государей пала подъ ударами Исламитскихъ пришлецовъ. Храмы Будды уступили мѣсто мечешамъ Мугаммеда, а обширная имперія Маджапагитская царству Мапарамскому.

Такое положеніе дѣлъ оспалось до прибытія Европейскихъ мореплавателей. Албукеркъ завоевалъ Малакка въ 1511 и 1521 годахъ. Антонио де-Бришпо, плывя къ оспровамъ Молукскимъ, опкрылъ оспровъ Мадуре. Первый Голландецъ, появившійся въ здѣшнихъ моряхъ, былъ нѣкто *Гутманъ*. Заключенный въ пюрму Лиссабонскую, онъ получилъ опъ одного изъ товарищей своего плѣна драгоцѣнные

свѣдѣнія о торговлѣ Португальцовъ на островахъ Зондскихъ. Въ послѣдствіи положилъ онъ начало первой Голландской факторіи въ Баншамъ, въ 1596 году, но только уже въ 1610 году, первый Голландскій Генераль-Губернапоръ, *Петръ Ботъ*, основалъ контору Яванскую, на берегахъ небольшой рѣки Джаккапра—это былъ нынѣшній городъ *Батавіа*. Съ того времени Голландцамъ надлежало поочередно бороться съ Португальцами, Англичанами и туземцами, пока утвердилось владычество ихъ въ Индіи. Адмиралъ Спельманъ покорилъ Макаassarъ; Девильдъ разбилъ разныхъ небольшихъ раджей Яванскихъ и подчинилъ ихъ своей власти; мятежный начальникъ Яванцовъ, Монгъ-Кураль-Масъ принужденъ былъ принести почепный окупъ къ спопамъ Генераль-Губернапора фанъ-Гова; баронъ фанъ-Имгофъ воспоржеспвовалъ надъ возмущеніемъ Кипайцовъ, угрожавшимъ всему острову, такъ, что и послѣдователи Имгофа принуждены еще были шруднымъ и продолжительнымъ упорспвомъ оканчивашъ это пагубное предпріятіе колонистовъ Кипайскихъ. Наконецъ въ 1749 году, Имперапоръ, или Сузунамъ Яванскій, на смершномъ одрѣ, отказался, въ пользу Голландской Воспочно-Индійской компаніи, ошъ правъ своихъ за себя и своихъ насльдниковъ, предоспавляя Голландцамъ свободу распорядишся его владѣніями. Нѣсколько войнъ надлежало вынеспи для исполненія сего политическаго завѣщанія, но наспойчивость Батавская превозмогла мало по малу всѣ препяшствія, и островъ Ява сдѣлался то, что онъ есть шеперь — покорный вассалъ Голландіи. Въ

1811 году, когда генерала Дендельса смѣнилъ генераль Янсенъ, Англичане овладѣли Бапавіа и всѣми Голландскими колоніями, возвративъ ихъ потомъ въ 1815 году.

Надобно отдать справедливость Голландцамъ, что хотя они строго управляютъ здѣшними землями, но они лучше другихъ поняли, какъ надобно вести дѣло, чтобы колонія давала прибыли своему отдаленному владѣльцу, и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣземные обитатели ея терпѣли сколько можно меньше. Въ семъ случаѣ Голландія поступала умнѣе и разсчепливѣе Англіи. Она нерубила дерева, чтобы собрать съ него плоды, неистощала земли, чтобы имѣть жажду богатства, не поступала такъ, какъ распотѣшитель, поропливый насладиться жизнью, потому что предвидѣть скорый конецъ ея, и хотѣть прожить ее какъ можно роскошнѣе. Голландія, сколько позволили это ея собственныя выгоды, уважала нравы, обычаи, законы нѣземные; оставила Яванцамъ ихъ повелѣній и судей, предоставляя только себѣ судъ надъ этими повелѣніями и судьями; она уважала прежнее раздѣленіе собственности, и когда рѣшилась замѣнить монополією прежнее промѣны, то исполнила это споль оспорожно, что перемѣна была почти незамѣтною.

Должно однакожъ и то прибавить, что Голландіи, лучше нежели въ Индіи Англичанамъ, помогать характеръ народа, надъ копорымъ она властвовала. У Яванцовъ не было фанатизма, не было непереносимости, доведенныхъ въ Индіи до того, что нѣтъ уже никакихъ средствъ сближенія побѣжденнымъ съ

побѣдишелями. Это былъ народъ добрый и сговорчивый; нравы его походили на его языкъ, пріятный, звучный, поэпическій. Составленный изъ 20-ти согласныхъ и 6-ти гласныхъ, языкъ эпощъ, кажешся, происходилъ опъ Санскрипскаго. Въ липпшературъ и поэзіи Яванцовъ естъ правила и основанія положишельныя. Народная пѣсня здышняя благородна, величеспвенна, въ широкомъ и смѣломъ объемѣ. Знанія также нечужды народамъ Яванскимъ. Они знаютъ науку численія и первыя начала Машемапики. Календарь Арабскій замѣнилъ у нихъ Браминскій календарь. Прежде *Саливана*, или гражданскій годъ, служилъ для вычета Яванской эры. Такое численіе продолжалось до 150-го года по введеніи Мугаммеданспва. Въ правленіе великаго Султана Агунга (въ 1633 году) геджра, или эгира, замѣнила эру Яванскую. Нѣсколькими циклами считали кромѣ того на Ява, и между прочимъ семилѣтіями, копорыя находимъ у Сіамцовъ и Тибешцовъ. Имена годовъ, составляющихъ семилѣшіе, явно Санскрипскаго происхожденія: *мангкара*, рыба лангуспанъ; *менда*, коза; *калабангъ*, пысяченожка; *вишипре*, червякъ; *минтонна*, рыба; *васъ*, скорпіонъ; *ваиша*, буйволъ.

Мореплаваніе и Географія не были чужды Яванцамъ. Небосклонъ дѣлили они на восемь часшей. Земледѣльцы знали только чешыре главныя спороны свѣта. Медицина была предоспавлена спарымъ людямъ обоего пола; нѣкопорые изъ рецептовъ доспались имъ опъ Аравишянъ.

ГЛАВА ХСІ.

**АВСТРАЛІЯ (НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ). ГАВАНЬ КОРОЛЯ
ГЕОРГА.**

За проливомъ Бали, нашъ Кангуру встрѣпилъ С. В. муссонъ, уже начавшійся въ моряхъ Авспральныхъ. Мы распустили было наши паруса, надѣясь что найдемъ погоду споль-же правильною и благопріятною, какою бываешъ она въ моряхъ Индійскихъ. Но надежда наша была обманута. Пошому ли, что не настало еще время, или что близость огромнаго Авспральнаго материка дѣлала измѣнчивымъ и переменчивымъ муссонъ, но мы поперяли, по крайней мѣрѣ, двадцать дней, борясь съ волненіемъ ошъ юга и прошивными перелешами вѣтра. Только 28-го Ноября показались передъ нами берега Авспраліи, близъ мыса *Ліувина* (Leeuwin); на слѣдующій день обогнули мы уголъ *Балдъ-Гидскій* (Bald-Head) и бросили якорь при входѣ въ заливъ *Королевской Принцессы*, въ портъ *Короля Георгія*, запишномъ и безопасномъ ошъ вѣтровъ и волнъ.

Первый взглядъ на землю поразилъ меня. Ничего подобнаго произрастанію Новой Голландіи не находилъ я въ моихъ воспоминаніяхъ, ничего не могъ съ нимъ сравнить изъ видѣннаго мною въ Малезіи и Океаніи. Въмѣсто удивительныхъ прозябеній, споль зеленыхъ, споль величественныхъ, обремененныхъ плодами споль полезными, я видѣлъ только на голыхъ берегахъ шощія деревцы блѣднаго, печальнаго цвѣта и между ними спелющіеся кустарники, или травы до половины почернѣвшія.

Въ предшествовавшее плаваніе, съ Кангуру оспалось здѣсь семь мапрозовъ для ловли шюленей. Едва появился нашъ корабль при входѣ въ гавань, шестеро изъ нихъ приплыли къ намъ въ киполовкѣ; седьмой оспался спорожемъ при складкѣ добычи, учрежденной на оспровѣ *Михаэль-Масъ* (Michael-Mas), неподалеку опъ мѣста нашей споянки. Занятіе промышленниковъ было весьма удачно, и нашъ капишанъ, по видимому, былъ имъ очень доволенъ. Для меня ловъ ихъ былъ вовсе неваженъ, но съ радостью услышалъ я опъ нихъ, что одно племя шуземцовъ, человекъ пятнадцать всего, кочуетъ неподалеку. По разсказу мапрозовъ, дикари эпи были люди самые смирные, и опъ времени до времени дружески посѣщали ихъ. Я изъявлялъ желаніе скорѣе увидѣть Авспралійцовъ, споль замѣчательныхъ въ этнологическомъ опношеніи. «Да за чѣмъ-же спало?» опвѣчалъ мнѣ смѣючись капишанъ. «Начинайте ваше знакомство въ эшими обезьянами сей часъ; вошъ одинъ изъ красавцовъ—видите, тамъ, на носу киполовки! «Я спалъ глядѣть на указанное мѣсто

и разглядѣлъ что-то, чего никогда не почелъ-бы человекомъ. Но это былъ человекъ, лежавшій спиною въ верхъ, и въ этомъ положеніи можно было подумать, что шутъ распянулъ кто нибудь кожу сушиться на солнцѣ. По крику одного изъ мапрозовъ, уродъ оборотился ко мнѣ. Ничего невозможно представить себѣ безобразнѣе! Вообразите голову со включенными волосами, съ плоскимъ лицомъ, преширокою, съ выдавшимся надъ глазами костякомъ, съ глазами углубленными, блѣдно-желтоватыми, ноздрями далеко отдѣленными одна отъ другой и распянутыми, съ губами довольно толстыми, деснами синеватыми и ртомъ до ушей. Присоедините кожу цвѣта сажи, съ желтизною, шло худощавое, щедушное, и ноги сухопарыя, слабыя. Несообразность рукъ и ногъ такова, что это чудовище можно было уподобить нѣкошорымъ породамъ птицъ изъ рода ястребовъ. И на такое уродство, вмѣсто всякой одежды, брошенъ былъ лоскутъ изношенной кожи кангуру, едва прикрывавшій съ одной стороны половину груди, а съ другой висѣвшій ниже пояса. Представьте себѣ все это, и—вы будете имѣть вѣрное изображеніе Австральскихъ австралиановъ. И еще шутъ, на кошораго глядѣлъ я шеперь, былъ не самый уродливый изъ числа его земляковъ. Monsieur Ялеуоль (имя его) получилъ даже нѣкошорую образованность, ибо ему было лѣтъ 18-иъ не болѣе; онъ приспалъ къ Европейцамъ и охотно оказывалъ имъ множество разныхъ услугъ, счастливый шѣмъ, что въ награду за то его кормили лучше и сытнѣе, нежели могъ онъ

надѣялся между своими соопчичами. Живши съ Англичанами уже нѣсколько мѣсяцовъ, Ялепуоль выучилъ нѣсколько Англійскихъ словъ, могъ бытъ переводителемъ и даже полмачомъ. Ему сказали, что я хочу посѣтитъ его земляковъ. Онъ охотно согласился сдѣлаться моимъ чичероне. Мы переехали вмѣстѣ на берегъ, взявши ружья, чтобы поохотиться за птицами и кангурами; того и другого тутъ множество. На побережьи собралъ я довольно *фазіанеллей*, прелестныхъ раковинъ, которыя долгое время были рѣдки въ нашихъ коллекціяхъ, но сдѣлались весьма обыкновенны съ тѣхъ поръ, когда Европейцы спали посѣщая портъ Георгіевскій.

Не много вѣѣво отъ того мѣста, гдѣ мы приспали, была основана маленькая колонія въ 1826 году; ее оставили незадолго до нашего прибытія. Дюжина небольшихъ домиковъ составляла ее, и только два, или три были кирпичные, а остальные изъ глины и земли, и всѣ съ проспниковыми крышами. Сначала называли эту колонію *городъ Фридерика* (Frederick-Town), но правительство неутвердило сего названія. Свободные люди съ Лебяжьей рѣки должны были поселиться здѣсь. Прежде портъ Георгіевскій видалъ только солдатъ и ссыльныхъ, привозимыхъ изъ Портъ-Джаксона.

При входѣ въ проливъ, мой чичероне указалъ мнѣ площадку, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ останавливались Европейцы не-Англичане. Сколько могъ я понять изъ его движеній и ломаныхъ словъ, эти не-Англичане должныствовали бытъ моряки съ Аспролябіи, дѣйствительно, би-

ваковавшие въ здѣшнемъ мѣстѣ. Я спарался располковать моему красавцу, что принадлежалъ къ бывшимъ здѣсь госпямъ. Онъ понялъ меня, и казался очень доволенъ, давая мнѣ разумѣнь, что его земляки, и онъ лично, могли только хвалишься Французами, съ которыми были у нихъ самыя дружескія сношенія, и что часть экипажа Аспролябіи ночевала даже однажды въ хижинахъ дикарей.

Подлѣ мѣста, гдѣ мы приспали, вился между правою и кустарниками ручеекъ воды, къ прибрежью образовывавшій довольно удобную агваду. Слѣдуя по немъ, мы достигли вершины полуострова, гдѣ рисовалось множество кустовъ *ксанторреи* и *кингии*, съ длинными, узкими листьями, соединенными въ густыя пуки и падающими по бокамъ въ видѣ древней вазы. Первое изъ этихъ растений даетъ крѣпкую гумму, которую дикари употребляютъ для приклейки оспрыхъ камней къ рукояткамъ, послѣ чего это орудіе замѣняетъ имъ ножикъ, пилу и молотокъ.

Хотя вершина полуострова была не болѣе 50 фузовъ возвышена отъ воды, но видъ съ нея открывался превосходный. Къ С. спокойныя запышья, которыми ограничивается берегъ; попомъ заливъ гавани Усприцъ, съ его зеленѣющимъ островомъ Сада, опороченнымъ купами огромнѣйшихъ *экалиптовъ*. Къ Ю. В. красивый заливъ Королевской Принцессы, гдѣ съ двухъ сторонъ проспиряющія блестящія прибрежья изъ песку мѣлкаго и ослѣпительнаго. Къ Ю. дикое пригорье полуостро-

ва Балдъ-Гидскаго, о которое пѣнисто разбиваются волны большого прилива. Къ В. два утесистые острова Михаэль-Масъ и Брикъ-Си (Break Sea), находящіеся при входѣ въ заливъ Георгіевскій; далѣе наконецъ правильный конусъ горы Гарднера. Подъ ногами нашими, подлѣ пролива, былъ холмикъ, увѣнчанный громадными обломками развалившейся граничной скалы, окруженный при подножіи разными прозябеніями, но совершенно голый на всемъ его объемѣ. Кругомъ насъ лежало множество морскихъ птицъ, какъ-то: чегравокъ (sternes), чаекъ-рыболововъ (mouettes) и гоеландовъ, почти касавшихся насъ въ своихъ разлетахъ.

При сходѣ на другую сторону полуострова начали мы встрѣчать эвкалипты, весьма огромные, съ банксіями и другими сродными имъ прозябеніями; но ихъ темныя сволы, ихъ бѣдная шѣнь, ихъ неправильныя и безлиственные вершины придавали всему этому видъ безплодія и исшощалости. Здѣсь мой поварникъ началъ произительно кричать: ку-ги! и ему отвѣчали крикомъ: ку-ги! почти на шопъ-же шопъ. Вопли эти издавались изъ нѣсколькихъ лачужекъ, копорыя вскорѣ замѣтили мы при подомѣ холма, въ небольшой рощицѣ, заграждавшей ихъ отъ З. вѣтра. Лачужекъ было съ полдюжины, все спспроены на шупземный манеръ, и подлѣ нихъ сидѣло два дикаря, какъ будто ожидая насъ. Одинъ изъ нихъ, лѣтъ пятидесяти, подошелъ ко мнѣ и предложилъ ножикъ, съ чешырьмя зубами въ родѣ пилы, приклеенными къ рукояткѣ смолою ксаншоррен. Я отдарилъ также ножикомъ и обрадовалъ

его. Другой дикарь, сильнѣе и моложе, но неменѣе безобразный, оставался скорчась надъ своею кухнею и мало заботясь обо мнѣ. Припасы состояли у него рыбки, ракушки, ящерицы, маленькія змѣи и коренья, луковицы респіаційныхъ нравъ. Нѣсколько минутъ наблюдалъ я любезнаго гаспронома, и увидѣлъ, что печенье снадобьевъ состоявало болѣе его забаву; сырыя и печенныя ѣства онъ пожиралъ съ равною жадностью. Одна ящерица особенно ему понравилась; онъ взялъ ее, поднесъ было къ огню, но потомъ нерѣшился жарить и началъ чавкать съ такою охотою, какъ Европейскій какой нибудь объѣдало кушаль-бы превосходно исжареннаго дубельшнепа.

Самыя лучшія изъ видѣнныхъ здѣсь мною жилищъ можно было уподобить полукруглому улыю, перерѣзанному вдоль на двое, фупа по шри, или по чешыре вышиною. Основаніе ихъ состояли мѣлкія вѣшки, а лисья ксанноррей образовывали крышу. Единственную мебель во внутренности этихъ жилищъ составлялъ широкій камень, положенный впереди. Тупъ дикари шрутъ красную охру, коюрою расписываютъ себѣ щеки при большомъ шупалепѣ. Старшій изъ дикарей показалъ мнѣ кусочикъ этихъ румянъ, называя ихъ бойель; онъ перетеръ его ногтемъ въ порошокъ, собралъ въ ладонь и провелъ нѣсколько полосъ по своему лицу, въ какой-то симметріи; потомъ выпянувшись онъ, и по виду его можно было заключить, что онъ считалъ себя гораздо величавѣе послѣ этой размалевки. По мнѣ сдѣлался онъ еще немножко гаже. Что дѣ-

ласть! Я былъ вовсе незнапокъ въ нарядъ прелестнаго щеголя Австраліи.

За эшимъ бѣднымъ кочевьемъ, мы перешли небольшой лужокъ, по которому пропекалъ спруиспый ручей. Потомъ открылся передъ нами значительный лѣсъ, соспавленный изъ эвкалиптовъ, банксіи, казуаринъ, и проч. — Нѣкоторыя изъ деревьевъ были значительной вышины. Пустынныя и лишенныя всякой обработки, эти мѣста были однакожь довольно доступны; мы ходили безъ труда и опасности, благодаря множеству пропинокъ, которыя образовались опъ обычая Австралійцовъ зажигають праву, едва только она высохнетъ, чшобы очистишь землю и сдѣлашь удобнѣе для ловли кенгуровъ и другихъ животныхъ, служащихъ дикарямъ пищею. Они зажигають правы головнями банксіи, которыя всегданосятъ съ собою, сколько для согрѣванья, сполько и для того, чшобы всегда имѣть на-гошовъ огонь, неприбѣгая къ упомянутой вытеркѣ его изъ сухаго дерева. Головні эти горятъ долго несгарая. Спарикъ, ознакомившійся со мною близъ хижинъ, кромѣ своего дрошика и палки, имѣлъ при себѣ и головню, забавляясь опъ времени до времени зажиганьемъ сухой правы, пока шелъ подлѣ меня.

Идя вдоль заспойныхъ озеръ прѣсной воды, въ одномъ мѣстѣ, закрытомъ проспникомъ и болопными распеніями, я слышалъ довольно сильный шумъ, сопровождаемый глухими и мѣрными ударами, какъ будто опъ какого нибудь тяжелаго шѣла,

падающаго на землю. Это привлекло мое вниманіе. Нѣсколько минутъ смотрѣвъ я во всѣ стороны и ничего не видалъ. Пономъ выпавилась небольшая голова звѣря, какъ будто прыгавшаго въ проспникъ—то былъ кангуру. Я прицѣлился и выпстрѣлилъ, но ловкое живошное было уже далеко. Ялепуоль далъ мнѣ замѣшить, что такъ убить кангуру трудно. «Мы окружаемъ ихъ,» говорилъ мнѣ дикарь своими выразишельными движеніями, «сбиваемъ съ обѣихъ споронъ и подгоняемъ подъ удары дропиковъ.» Англичанамъ помогающъ при охотѣ собаки, гоняющія кангуру. Не въ силахъ добыть ни одного изъ этихъ звѣрей, я расплачивался съ упками, населяющими озеро. Наблюдая положеніе и стрѣляя въ упокъ, мы дошли до берега залива Усприцъ, гдѣ островокъ, именуемый Садомъ, окружлся среди волнъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто корзина зелени. Множество птицъ занимали одинъ изъ его выдавшихся мысовъ, собравшись спаями.

Отсюда снова пустились мы во внутренность земли и вошли въ лѣсъ, гдѣ кангуры прыгали опять вокругъ меня, и ни одного изъ нихъ не удалось мнѣ убить. Ничего неможеть бытъ страннее прыжковъ этого звѣря, перескакивающаго черезъ большія пространства, упираясь на свои заднія лапы и на хвостъ, между тѣмъ, какъ обѣ переднія лапы его, будучи гораздо короче заднихъ, немогутъ служить ему на бѣгу и кажутся какими-то бесполезными присавками къ шлѣ живошнаго. Подошедши къ мѣсту, гдѣ на землѣ лежеть множество обломковъ гранита, мои спутники начали свои пронзи-

пельные ку-ги, и на нихъ были опвѣтомъ такіе-же ку-ги. Черезъ нѣсколько минутъ окружила насъ толпа дикарей всѣхъ возрастовъ; они были одѣшны въ кангуровыя шкуры и нѣкопорые держали въ рукахъ дропки. Ялепуоль сказалъ имъ нѣсколько словъ, и шутъ всѣ наперерывъ начали ласкать меня. Только въ то время, когда заслышавъ голоса женщинъ и дѣтей, обратился я въ эту сторону, можно было замѣнить спараніе шугемцовъ оборонитъ меня по направленію противному. Вышло, что гостепріимство было неполное и уступало ревности къ красавицамъ Австралійскимъ. Впрочемъ, это вообще черта характера Меланезійцевъ, что они не любяшъ показывать женъ своихъ посѣпшелямъ. Замѣпивъ неудовольствіе моихъ знакомцовъ, я не упорствовалъ и пошелъ, куда имъ было угодно. Мы отправились къ кораблю, а спутники мои оспинавали одинъ послѣ другаго, такъ, что на приморье пришелъ я съ однимъ Ялепуолемъ.

На другой день сопровождалъ я моего капитана. Онъ поплылъ въ своей киншловкѣ, желая оспотрѣпъ протяженіе побережья рѣки Французовъ. Плыва мимо острова Сада, мы хотѣли заспѣрлить нѣсколькихъ бабъ - пшицъ, засѣвшихъ въ кустарникъ острова, но прежде нежели успѣли мы приблизиться на достаточное разстояніе, онъ побѣжали по землѣ и длинною цѣпью полетѣли по воздуху. Но потомъ мы доспали ихъ въ высокихъ шравахъ, покрывавшихъ побережье. Одинъ изъ нашихъ матрозовъ добылъ даже шрехъ, или чепырехъ молодыхъ дѣпенешей, у которыхъ, вмѣсто перьевъ,

былъ только пушокъ. Мясо ихъ, приготовленное въ рагу, было вкуснымъ кушаньемъ.

Въ углубленіи залива охотились мы также за стадами черныхъ лебедей, упокъ и *цереонсовъ*. Чѣмъ далѣе плыли мы, тѣмъ неровнѣе и мѣльче вспрѣчала насъ глубина залива. Мы вошли наконецъ въ рѣку Французовъ, копорая въ милѣ отъ устья своего спановишся весьма мѣлкою. Ширина ея у моря около 50—60 фузовъ, а глубина отъ 8-ми до 10-ти фузовъ. Оба берега красуются прелестными ландшафтами, гдѣ надъ красивымъ кустарникомъ высятся огромные экалипсы. Милѣ почти на пять можно плавать по рѣкѣ въ лодкѣ весьма свободно. Но далѣе цѣпь огромныхъ ушесовъ совершенно загораживаетъ теченіе и мѣшаетъ плаванью. Подлѣ этой гряды каменьевъ при островка, у копорыхъ дикари устроили рыбные заколы весьма просто и остроумно. Это суть стѣнки изъ каменьевъ, образующія при кружка, съ опверснїемъ къ споронѣ моря. Волны, впекая сюда, влекутъ рыбу, и она остаеиша запутавишся въ лабиринтѣ закола, у копорого внутренній выходъ гораздо уже вѣшняго. Подлѣ устья рѣки и даже по берегу залива находяиша рыболовки, устроены на этойже манерѣ, но только въ размѣрѣ гораздо бѣльшемъ. Тутъ выходы замыкаюиша маленькими шестиками, споль сближенными одинъ къ другому, что рыба поболье неможеитъ сквозъ нихъ пробраиша.

Мы вышли на берегъ рѣки и шли нѣсколько часовъ, шо подѣ тѣною огромныхъ экалипсовъ, шо

по прекрасному гладкому лугу, по пробираясь съ прудомъ черезъ переплешенныя папороти. Такимъ образомъ держались мы печенія рѣки на двѣ, или на три мили за грядою утесовъ, и тамъ, откуда мы поворопили, ширина ея проспирается едва на 4 или на 5 пугазовъ. Рѣка составляетъ здѣсь по утесамъ водопадъ, льющійся съ высоты фуговъ пуги, а за нимъ это просто быспрый ручей, мчащійся по руслу, устланному опрывками утесовъ. Все, кажется, доказываетъ, что печеніе рѣки почти невосходитъ далѣе, и истоки ея находящся у подошвы горъ, возвышающихся къ С. З.—Все это пространство наполнено кангурами, а при возвращеніи нашемъ по рѣкѣ, черныя лебеди, цереопсы и ушки взлещали во всѣ стороны. Мы выпстрѣлили въ одного лебедя, но только ранили его, а потому намъ было весьма трудно его поймать. Онъ нырять въ воду и выплывалъ на дальнихъ разстояніяхъ, такъ, что надобно было три, или четыре раза стрѣлять въ него снова. Птица была красива и благороднаго вида, но все ее нельзя было сравнить ни красопою, ни величїемъ съ бѣлыми Европейскими лебедями.

Вблизи острова Сада насъ поразилъ ужасный шумъ. Это были спада морскихъ ласпочекъ и усприцеѣдовъ, поднявшихся съ острова при нашемъ приближеніи. Бабы - птицы, пробужденныя изъ усыпленія своего общимъ волненіемъ, также полещали и пропали изъ виду. Говорятъ, что эти птицы, подобно многимъ родамъ обезьянъ, прежде нежели сядутъ на опдыхъ, спавянтъ спорожей, наблюдающихъ за безопасностью спада. Поэтому

ихъ весьма прудно подсперечь и бить. Тоже должно сказать объ усприцеѣдахъ—превосходной дичинѣ.

Такъ, не сморя на испытанные мною доселѣ пруды пушешествія, я неупомимо продолжалъ свои наблюденія на берегахъ Авспралійскихъ.—Въ одну изъ прогулокъ моихъ съ Ялепуолемъ, подошли мы къ могилѣ, гдѣ, по словамъ моего проводника, недавно похоронили дикаря. Могила эша была чешыре фуша въ длину и при въ ширину. Съ каждой стороны обрѣзь ея былъ въ видѣ полумѣсяца. Пуки зеленыхъ въшвей были посажены по всему холмику, а надъ шѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился шрупъ, положены оружіе, ушваръ и украшенія покойнаго. Наконецъ, на корѣ ближнихъ деревьевъ, въ вышину шеспи и семи фушовъ, начерчены были круги различной величины. Мершваго, по разсказу моего спутника, кладушъ сложа руки на груди и подогнувши колѣна къ груди. Пошомъ набрасываютъ на него множество зеленыхъ въшвей и засыпаютъ яму землею. Присутствующіе на похоронахъ мажушъ себѣ лица чернымъ и бѣлымъ, что продолжается нѣсколько времени, какъ признакъ печали. Эшо-же доказываютъ разрѣзывая кончикъ носа. Пока слѣдуетъ время шраура, запрещается носить какія-бы то ни было украшения. И такъ, и у эшихъ получеловѣковъ, по наружности спольскошоподобныхъ, споль чуждыхъ всякаго образованія, естъ ушановленные обряды въ честь покойниковъ.

Замѣчательно въ этомъ отношеніи повѣрье, по которому, въ теченіе нѣкотораго времени, запрещается произносить имя умершаго, изъ опасенія, что нарушеніемъ такого запрета можно призвать мертвеца, или духъ его (*гноитъ*). Если изъ оставшихся въ живыхъ кто нибудь имѣетъ одинакое съ умершимъ имя, онъ долженъ перемѣнить его на все то время, пока продолжается запрещеніе. Такое опасеніе духовъ и предосторожность противъ нихъ заставляющъ подозрѣвать, что дикари имѣютъ какія-то идеи о жизни за гробомъ, и это весьма вѣроятно, но для опредѣленнаго рѣшенія подобнаго вопроса, слѣдуетъ лучше ознакомиться съ ихъ языкомъ. Когда я спрашивалъ по сему отношенію у моего спутника, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Въ мѣсяцъ.» Но что это значило? Вѣрованіе дикарей, или частное замѣчаніе? Другой спрошенный мною дикарь, на слова мои: куда дѣвались его предки? отвѣчалъ указаніемъ къ западу.

Докторъ Скоптъ Ниндъ, имѣвшій время на досугъ наблюдать дѣяніяхъ дикарей, говоритъ, что у нихъ есть родъ жрецовъ — лекарей, именуемыхъ *мулгарадокъ*. Эти шарлатаны раздѣлены на нѣсколько классовъ, власъ и преимуществъ которыхъ измѣняющся, смотря по относительному достоинству ихъ. Мулгарадокъ пользуется между дикарями власною прогоняющъ бурю и дождь. Онъ можетъ по волѣ накликавъ на нелюбимаго имъ челоуѣка молнію, либо болѣзнь. Если дѣло идетъ о прогнаніи бури, колдунъ спавишся на открытомъ воздухѣ, машетъ руками, потрясаетъ свою одежду и кашается на-

конецъ по землѣ въ жестокихъ судорогахъ. Если ворожбы неслушается долго упрямая буря, то, съ перемѣшкой опдыха, комедія продолжается, пока буря не рѣшилась перестать и не послушаетъ заклинаній. Для прогнанія болѣзни употребляется такое же средство, но только шуму бываетъ меньше, и къ судорогамъ прибавляетъ колдунъ преніе больного мѣсна, употребляя для того зеленыя выпки, нагрѣныя на огнѣ; онъ дуетъ кромѣ того на больного, изгоняя болѣзнь. Дикари вѣрятъ также, что мулгарадокъ можетъ прибавить силы и храбрости, и прибѣгаютъ къ пособию колдовства для приобретенія такихъ драгоценныхъ свойствъ. Мулгарадокъ водитъ руками по рукъ желающаго сдѣлаться богатыремъ, отъ плеча до кистей, упираясь сильно и встряхивая пальцы, такъ, что они шрецаютъ. Трениемъ неограничается лекарственная ворожба. Въ поносахъ, копорымъ часто подвержены здѣшніе дикари, колдунъ даетъ больному ксанпорейную гумму, а иногда молодые листочки туберознаго расшенія, называемаго здѣсь *мирнесъ*. Главныя болѣзни, свирѣпствующія между дикарями, суть простудныя, какъ-то: боль въ горлѣ и желудкѣ. Послѣднія нерѣдко становящіяся смертельными, особливо для дѣтей. Мулгарадоки весьма искусно залечиваютъ раны, нанесенныя сагаями. Ловко извлекаютъ они обломокъ оружія, если онъ оспался въ шлѣ, и потомъ прикладываютъ къ язвѣ порошокъ изъ бойели, служащей имъ вмѣсто румянъ, крѣпко завязываютъ рану покроями изъ нѣжной коры, и потомъ тщательно предписываютъ діету, назначая

для каждого періода болѣзни извѣстные роды кушанья, сперва расшенія, потомъ ящерицъ, и наконецъ рыбу.

Ниндѣ незамѣшилъ между дикарями никакого особеннаго уродства. Глухоша и слѣпоша весьма рѣдки. Увидѣвши однажды пьяныхъ Англичанъ, особливо одного, которъй немогъ держаться на ногахъ, она испуганные побѣжали къ доктору, изъясняя опасеніе, что эши люди умрутъ непременно. У насъ, говорили они, бывають иногда такіе больные, и всегда умирають. Ниндѣ спрашивалъ ихъ подробно, и сколько могъ понять, дикари говорили о солнечномъ ударѣ.

Опѣ укушенія змѣй, дикари имѣють особеннаго рода леченіе. Выше раны перевязываютъ они шло покроемъ изъ коры, увеличиваютъ рану когшемъ кангуру, или оспреемъ дропика, и потомъ высасываютъ изъ раны ядъ, безпрестанно полоща между шѣмъ ротъ водою. Если нельзя при высасываніи полоскать рта, операція почищается весьма опасною. Одинъ дикарь, укушенный въ палецъ, по рассказамъ Нинда, чувствовалъ себя весьма дурно дня съ два, и долго потомъ былъ худъ и боленъ.

Мы одолжены доктору Нинду множествомъ любопытныхъ подробностей, касательно нравовъ и обычаевъ Австралійскихъ дикарей. Такъ, на примѣръ, онъ успѣлъ открыть, что въ здѣшней споронѣ Австраліи дикари дѣлясь на два какіе-то класса: *Эрніунговъ* и *Темовъ*, или *Таамановъ*. Два эши класса обязаны брашь женъ взаимно одинъ у другаго; Эрніунгъ непременно женился на Тааманкѣ, et vice-

verga. Названіемъ: *Юредангеръ* опличаютъ преступниковъ этого закона, наказывая ихъ кромѣ того весьма строго. Дѣти считаются принадлежащими къ племени ихъ мапери, такъ что у Эрніунга всѣ дѣти Тааманы, между тѣмъ какъ дѣти родной сестры его Эрніунги. Только поколѣніе *Мурранъ*, обитающее около залива Георгіевскаго, кажется, исключено изъ сего рода общественныхъ условій.

Дѣвушекъ обручаютъ съ дѣтспва, и часно даже даютъ слово за неродившихся. Все зависить тутъ отъ уговора между опцами, такъ, что иногда молодыя дѣвочки напередъ назначаются для спариковъ, уже имѣющихъ многихъ женъ. Для дѣтей мужскаго пола существуетъ особый родъ усыновленія, похожій на крестничество между Европейцами. Обычай этотъ именуется *котертай*, и цѣлью его бываетъ доставленіе ребенку помощи и покровительства челоуѣка, добровольно принимающаго на себя обязанности отца.

Кажется, что у дикарей нѣтъ никакихъ собственно-вѣнчальныхъ обрядовъ. Невѣсту представляютъ жениху, но подарки его принадлежатъ не столько ей, сколько отцу ея. Ихъ составляютъ обыкновенно дичина и съѣстное; иногда присовокупляются еще для отца невѣсты плащъ, дропки, или какая нибудь утварь. Одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ дикарка поступаетъ въ полную волю мужа, котораго называютъ въ такомъ случаѣ *парнъ-оккеръ*. Похищающіе себѣ женъ, что бываетъ весьма нерѣдко, принуждены употреблять болѣе заботы для склоненія красавицы. Но иногда

употребляется просто насиліе, и дикарку тащашъ къ мужу силою, либо назначенная спарику, она самовольно отдается дикарю болѣе молодому и красивому. Все поколѣніе дикарки знаетъ о побѣгѣ невѣсты, но не преслѣдуетъ ее. Однакожь, въ печеніе нѣкотораго времени, спраспные супруги должны перемѣнять мѣсто жилища и прятаться, ибо раздраженный спарый женихъ можетъ жестоко мстить имъ. Опасность продолжается, пока прелеспная бѣглянка не окажется беременною. Тутъ всмущаются въ посредничество общіе друзья; спараго рогоносца успокаиваютъ какими нибудь подарками, и онъ соглашается уничтожить свои права на жену счастливаго соперника. Бѣжатъ и скрываясь такимъ образомъ по лѣсамъ съ невѣстою другаго, называется у Авспралійцовъ *марръ инъ колата*. Если невѣрную невѣсту поймаютъ, то ей бываетъ плохо. Обманутый женихъ колошитъ ее, и въ заключеніе пропыхаетъ ей лядвен копьемъ. Впрочемъ, невѣрность нерѣдко разрушаетъ здѣсь спокойствіе супружескѣ. Мужья Авспраліекъ знаютъ слабость своихъ милыхъ половинокъ, сперегутъ ихъ, и при малѣйшемъ подозрѣніи исправляютъ ихъ кулаками. Почти всѣ мужчины остаются холостяками до 30-ти лѣтъ, а иногда еще долѣе. Только спарикамъ позволяется имѣть много женъ всякаго возраста.

Всѣ эти спранные обычаи дополняются еще болѣе спраннымъ, называемымъ *тарра манаккаракъ*, и похожимъ на Ипальянское *чиизбейство*. Позволяется ласкать жену другаго при жизни мужа, съ не-

премѣннымъ условіемъ женишься на ней, когда свалился ся старый мужъ. Тогда связь починають позволенною, хотя припомъ должно наблюдать скромность и приличія, такъ, чтобы неоскорбиль мужа и неподашь примѣра соблазнительнаго другимъ счастливымъ чепамъ.

Когда мужъ умираетъ, всѣ жены его, на время траура, переселяются къ своимъ опцамъ, и должны строго убогать отъ всякаго сообщенія съ мужчинами, даже и съ тѣми, копорымъ дали права на сердце и руку. Нарушить въ семъ случаѣ уваженіе къ памяти покойника значило-бы подвергнуть себя жестокому наказанію. Но если потомъ вдовы убогаютъ съ своими возлюбленными, объ этомъ никто уже не заболитъся.

Дикарки родятъ легко и безъ большихъ спрадацій. На другой день идутъ уже онѣ на добычу пищи, какъ будто ни въ чемъ не бывали. Дѣтство раздѣляется на нѣсколько періодовъ, и для каждого есть извѣстныя условія. Сначала ребенка носятъ на лѣвой рукѣ, прикрѣпляя одеждою, а потомъ мать таскаетъ его за плечами. Дѣти бываютъ совершенно нагія, пока не спанутъ ходитъ. Если родятся двойни, одного младенца убиваютъ, и если одинъ изъ близнецовъ мальчикъ, то ему опредѣляется смерть. Въ оправданіе обычая столь варварскаго, дикари говорятъ, что у матери недоспаетъ молока для двухъ дѣтей и силы таскать ихъ обоихъ, когда она пойдетъ за добычею пищи. Дикарки кормятъ грудью до 4-хъ и 5-ти лѣтъ, но задолго до отнятія отъ груди приучаютъ уже

дѣшей добывать самимъ себѣ пищу. Дикарки девяти и десяти лѣтъ обыкновенныя няньки дѣшей меньшаго возраста. Онѣ ведутъ стада ихъ въ окрестности того мѣста, гдѣ кочуютъ отцы и матери, и заставляютъ рыть корни оспрыми палочками. Если спая дикаренковъ и дикарокъ замѣтитъ приближеніе чужаго, тотчасъ прячется въ траву, какъ дичина, и лежитъ, прикинувшись къ землѣ.

Дикари пляшутъ нагѣ, но если тутъ присутствуютъ Европейцы, то они одѣваются, покрывая себѣ среднюю часть плеча. Рожи у нихъ обыкновенно вымазаны красною охрою, съ разными каракулями бѣлыми на рукахъ и по плечу. Бѣлый цвѣтъ почитается признакомъ печали, но при пляскѣ его употребляютъ потому, что его легче различить въ темнотѣ. Мулгарадоки никогда не пляшутъ.

Въ торжественные дни зажигаютъ большой огонь на ровномъ мѣстѣ, и за нимъ садятся спарикъ, копораго можно назвать царемъ пирѣ. Всѣ плясуны производятъ однообразныя движенія, движутъ руками и ногами въ одинъ разъ, измѣняя позиціи и жесты. Иногда вдругъ всѣ останавливаются, ворчатъ что-то сквозь зубы, оборачиваютъ головы въ ту и другую сторону и принимаютъ самыя смѣшныя положенія. Всѣ пляски здѣшнія имѣютъ какъ будто какое-то аллегорическое или символическое значеніе. Часто изображаютъ ими охоту, что можно заключать по крику при той, или другой пляскѣ: «*сарркъ, уайтъ, тоуртъ,*»

(ему, кангуру, собака). Плясуны держашъ въ рукахъ зеленыя въпви, машутъ ими, подходяшъ поочередно къ спарику, что подлѣ коспра, и кладутъ ихъ передъ нимъ, въ знакъ почеша. Иногда, вооруженные копьями, плясуны дѣлаютъ видъ, будто хотѣя сражаться одинъ съ другимъ, и копья и въпви опдаютъ почешному спарику. Во все время пляски, спарикъ оспается на своемъ мѣстѣ, соблюдая важный и угрюмый видъ, и только оборачивая голову, то туда, то сюда, какъ будто направляя и наблюдая движенія пляшущихъ. Кроме того, онъ долженъ обдергивать и поправлять свою бороду, то правой, то лѣвой рукой. Докторъ Ниндъ ни разу не видалъ дикарокъ, пляшущихъ съ дикарями, и думаетъ, что этого никогда и не бывало. Во время пляски дикари ревутъ, и доказываютъ своимъ крикомъ, что у нихъ нѣтъ нислѣшаго понятія о гармоніи музыкальной. При каждомъ прыжкѣ плясунъ произноситъ слова: *вую, вую!* Значеніе этихъ словъ неизвѣстно. Знаютъ только, что когда дикари выгоняютъ палками дичь изъ травы и кустарника, то это называется у нихъ *вую э ня тоуръ*—что-то смѣшанное, гдѣ слышны однакожъ звуки *вую*. Вдругъ оспанавливаясь, плясуны начинаютъ визжать пронзительно. Всѣ пляски производятся только тогда, когда дикарей соберется много, и въ мирное время. Во время войны не пляшутъ, боясь, чтобы непріятель неподсперегъ во время разгуля, узнавши по крику и воплю, что неждутъ его и предаются веселью.

Въ первое время колонизаціи, Англичане считали

нѣкоторыхъ изъ дикарей начальниками остальныхъ. По два, по три человека въ полкъ замѣчали такихъ, которые отличались ростомъ, складностью плеча, дѣятельностью и особливо раскраскою кожи. Имена трехъ такихъ дикарей были: «Найкеннонъ, Гневипъ, Варши.» Но въ послѣдствіи свѣдали, что все преимущество мнимыхъ начальниковъ ограничивалось нѣкоторымъ вліяніемъ, происходившимъ отъ ихъ племснаго и умственнаго превосходства, и что собственно гражданскаго, неоспоримаго и условленнаго владычества у Авспралійцовъ вовсе нѣтъ. Найкеннонъ расхвастался однакожь, будто онъ капитанъ и царь надъ черными. Долго боялся онъ обнаружить мнимость своей власпи при посѣщеніи Европейцовъ, и вѣроятно, опважился тогда только, когда уговорилъ поварицей изъяснить къ нему родъ почеша. Они говорили Англичанамъ объ немъ продолжительно, съ уваженіемъ, и отзывались какъ о старшемъ между ними.

Эпопъ Найкеннонъ былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ дикарей. Волосы были у него собраны назадъ въ видъ пучка, крѣпко перевязаннаго снуркомъ, а сверху украшены бѣлыми перьями. На лѣвой рукѣ его былъ такой-же пучъ перьевъ. Грудь и плеча были испещрены рубцовымъ татуажемъ (умбинъ). Онъ отличался благоприличіемъ въ манерахъ своихъ, говорилъ мало и рѣдко пребывалъ чего нибудь. Долго отпказывался онъ провожать колонистовъ на охоту и прислуживать имъ, какъ дѣлали это обыкновенно другіе земляки его. Но кончилось тѣмъ, что онъ смирился, какъ равно и

братъ его Маукоррай, сдѣлавшись въ послѣдствіи такимъ пріятелемъ Англичанъ, что почти всегда былъ съ ними. Тогда-то легко могли увидѣть прежнее плутовство ихъ, и то, что они неимѣли никакой власти надъ дикарями.

Въ супружествахъ ненаблюдается никакого различія племенъ, но дикари охотнѣе женятся однаковъ на дикаркахъ далѣе живущихъ. Въ такомъ случаѣ дѣши имѣютъ право на охоту въ отчизнѣ ихъ маперіи. Австралійцы чрезвычайно завистливы къ праву собственности, и земли раздѣлены между ними на участки; каждымъ владѣетъ одно семейство. Въ извѣстное время года, молодые дикари, идя на промыселъ, посѣщаютъ своихъ соседей и родню, иногда заходя для такого визита за 40, 50 миль отъ дому. Посѣщеніе продолжается немного, но празднуется всегда плясками и увеселеніями. Оно можетъ быть только между дружными племенами, и при томъ наблюдаются нѣкоторыя условія, свидѣтельствующія о дружескомъ расположеніи посѣпителей. Гости всегда являются въ полдень.

«Бывши однажды на охотѣ,» говоритъ Ниндъ, «съ пѣшью, или шестью дикарями, я услышалъ крикъ: *кугй, кугй, какъ!*» Едва крикъ этотъ огласилъ лѣсъ, мои товарищи остановились, заговорили, что это долженъ быть непріятель, и просили меня пособить имъ драться. Но вскорѣ увидѣли они, что это были друзья, и мы пошли къ незнакомцамъ. То были пѣшь, шесть человекъ изъ поколѣнія Мурранъ; они шли въ гости и плясали дорогою.

Ихъ дропки и *мира* (*tearas*), или палки, копорыми бросающъ они свои дропки, несъ одинъ, а всѣ прочіе шли безъ орудія. Дикари были всѣ раскрашены и размазаны по всему тѣлу; на головѣ у каждаго была повязка съ лисьями ксанпорреи, висѣвшими кругомъ въ видѣ вѣнца; каждый дикарь держалъ кромѣ того въ рукѣ зеленую вѣшвь. Едва завидѣли посѣпители моихъ поварищей, какъ начали ходить кругами, и тоже дѣлали съ нашей стороны; попомъ всѣ обнимались нѣсколько разъ. Каждый обхватывалъ своего пріятеля кругомъ тѣла, немного приподнималъ его отъ земли и цѣловалъ ему попомъ руки; точно тоже было сдѣлано съ другой стороны. Тупъ началась пляска, и я оставилъ гостей тѣшиться съ хозяевами.»

Зеленая вѣшви, видимыя при всякихъ обрядахъ, кажется, соспавляющъ у Австралійцовъ символъ мира, но онѣ играющъ важную ролю въ пляскахъ. Если между двумя дикарями начинается ссора, родные съ обѣихъ споронъ спарающся помирить ссорящихся, и вступаютъ въ посредничество. Если убьютъ дикаря, тошчасъ все его поколѣніе начинаетъ думать о мщеніи за кровь кровью, при чемъ мало заботы о томъ, будетъ-ли убитъ виновный—требуется только жертва изъ его поколѣнія. Чувство такого мщенія вкоренено въ понятія Австралійцовъ, такъ, что если кто нибудь умираетъ нечаянно, упавши съ дерева, упонувши въ морѣ, или погибнувши какимъ-бы то ни было образомъ, несчастье приписываютъ друзья умершаго какому нибудь злоумышленію мулгарадока изъ враждебнаго племени, и обязан-

ность, честь соспавляетъ непремѣнное убійство кого нибудь изъ племени злаго колдуна. Когда дикарь чувствуетъ себя весьма больнымъ, теряя всякую надежду на выздоровленіе, онъ спарается убить кого попало, увѣренный, что смерть другого спасетъ его собственную жизнь.

Въ частныхъ ссорахъ бьются дикари своими палками и дубинами, но рѣдко такой бой оканчивается смертельнымъ ударомъ. Неимѣя щиповъ, ловко умѣютъ бойцы избѣгать опъ удара дрошиковъ. Самымъ обыкновеннымъ предметомъ ссоры бывающъ отвратительныя зѣшнія красавицы. Въ случаяхъ менѣе важныхъ, каковы нарушенія права поземельнаго владѣнія, на смерть небьются, спараясь только ранивъ другъ друга, въ ноги наиболѣе. Едва кровь пошекла, битва прекращается. Нельзя ли передъ каждымъ поединкомъ между Европейцами сказывать соперникамъ, что они слѣдуютъ обычаямъ получеловѣковъ Ново-Голландскихъ?

Въ другихъ мѣстахъ Австраліи дикари выходятъ на открытый, правильный бой, но живущіе около Георгіевскаго залива не знаютъ способа вести такимъ образомъ войну, спараяются напасъ въ распахъ, часно ночью, и почти всегда ограничиваются вѣроломною засадою. Съ видимымъ приближеніемъ непріятеля раздается пронзительный вой; всѣ, кто можетъ биться, схватываютъ дрошки и бѣгутъ на поле битвы, съ спрашными крикляньями, такъ, что герои Австралійскихъ сочтете за сумасшедшихъ или бѣснующихся. Но рѣдко

бьются болѣе двухъ, прехъ человекъ за-разъ съ каждой стороны. Въ это время, другіе не только что небуются, но спараются разнять драчуновъ, опъ чего происходитъ чершовская сумятица. Спановясь въ нѣсколькихъ шагахъ другъ опъ друга, дикари кидаются дропиками, но, какъ я уже говорилъ, ловкость ихъ избѣгаетъ ударовъ бывающаго удивительная, такъ, что самого едва примѣтнаго движенія бывающаго имъ для сего довольно. Поэтому перебросаясь съ обѣихъ споронъ много дропиковъ, пока раятъ какого нибудь великаго Сарпедона, или Діомиды Авспралійскаго.

Во время военное туземцы Георгіевскаго порта оставляющъ свои обыкновенныя мѣста пребыванія и уходящъ въ удаленныя лѣса, для обезопасенія своихъ женъ и дѣтей, а не то собираются въ большомъ числѣ, чтобы составить сильный защитный лагерь. Рѣдко зажигаютъ тогда другіе огни, кромѣ самыхъ необходимыхъ для пригото-вленія пищи, и стараются обмануть непріятеля, часто переносящъ свои спановья съ одного мѣста на другое. Войска составляютъ обыкновенно изъ холосняковъ. Они бродящъ маленькими отрядами, по три, по четыре человекъ, стараются оставить на проходѣ сколько можно менѣ слѣдовъ, и пошому удаляясь опъ дорожекъ и тропинокъ извѣстныхъ. Чуть замѣщая гдѣ слѣдъ, то легко угадываютъ уже дорогу и направленіе отряда. Открывши непріятеля, подходятъ къ нему толпами, но только ночью, ползя на рукахъ и на ногахъ, пока приближаясь на разстояніе, въ какомъ можно достать

дрошикомъ. Увидѣвъ, что есть уже возможность приняться за оружіе, съ крикомъ начинаютъ бросать дропки. Внезапно захваченный таборъ дикарей бѣжитъ безъ обороны, не думая защищаться, пользуясь ночью, чтобы оставить мѣсто своего пребыванія и сыскать другое убѣжище. Если-бы спали защищаться отъ нападки, то, по мнѣнію дикарей, можетъ произойти страшное смятеніе, ибо въ просонкахъ осажденные не могли-бы ночью оплечить своихъ отъ чужихъ, когда враги хорошо могутъ все разглядывать, бодрые, при свѣтѣ огней таборныхъ. Иногда при нападеніи бьютъ женщинъ и дѣтей, хотя часто побѣдивши довольствуются одною жертвою. Война для этихъ дикарей, продолжаясь почти непрерывно, должна быть причиною малаго ихъ умноженія. У каждаго убитаго остаются родные и друзья, которые обязаны мстить за него, и отъ такой плапы головою за голову вражда тянется безконечно.

Языкъ дикарей окрестъ Георгіевскаго порта не представляетъ ничего непріятнаго, и напрошивъ, въ немъ есть какая-то гармонія. Обыкновенно дикари говорятъ весьма скоро, и если соберутся большою толпою, то иногда поютъ импровизаціею пѣсни, въ память замѣчательныхъ для нихъ событій. Особливо пѣніе занимаетъ женщинъ, если онѣ остаются одни. Тутъ даютъ онѣ свободный разгулъ своей досадѣ, и поютъ пѣсни нерѣдко весьма оскорбительныя для мужчинъ. Спановище дикарей вообще всегда шумно; молчаніе наступаетъ только съ приходомъ чужихъ людей, и продолжается не-

болѣ того времени, сколько нужно узнатьъ, кто такой явился.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, мнѣ все еще невыходило счастья поохотиться за кангурами. Небыло ни случая, ни благопріятнаго времени. Наконецъ подулъ сильный Ю. З. вѣтеръ, и другъ мой Ялепуоль увѣдомилъ меня, что это самая лучшая пора для охоты, кошорою надобно пользоваться. Несмотря на бурную погоду, отправился я съ четырьмя дикарями и достигъ болоша, заросшаго проросникомъ, гдѣ нѣсколько разъ прежде замѣчалъ этихъ млекопитающихъ. Дикари развѣдали, что у одного изъ нихъ было шупъ гнѣздо. Съ приближеніемъ сюда прямо прошивъ вѣтра, что соблюдали самымъ спарательнымъ образомъ, охотники дали мнѣ знакъ остановиться въ нѣкошоромъ разстояніи. Они сбросили съ себя свои лоскутья и поползли по волчьи, двигаясь на рукахъ и на ногахъ, и останавливаясь, если вѣтеръ перескавалъ душь. Чуть только кангуру, беспокойный и испуганный, оборачивался къ нимъ и замѣчалъ ихъ, они прикидывались неподвижными, будпо мертвые. Продолжая всѣ сіи хитрости минушь десять, охотники приблизились къ звѣрю на разстояніе немногихъ шаговъ, и вдругъ бросили въ него свои сагаи. Однимъ ранили его въ заднюю лапу, другимъ попали въ голову. Бѣднякъ упалъ, прыгнулъ еще нѣсколько разъ, но дикари кинулись на него и пошчасъ добили его сильными ударами по головѣ. Едва я успѣлъ подойти, добыча была уже почти расперзана, ибо каждый старался поскорѣе захватить что было самаго

лучшаго и болѣе полезнаго. Одинъ опорвалъ нижнюю челюсть съ двумя ея передними зубами, служащими для насадки на дропки. Другой зубами опгрызъ хвостъ и выпягивалъ изъ него фибры нервовъ; ихъ сушатъ попомъ, навивая на палку, и онѣ драгоцѣнны дикарямъ для шипья ихъ мѣховыхъ одеждъ и для привязки оспреевъ къ дропикамъ. Съ поржеспвомъ опправились мы наконецъ въ дикарскій таборъ, и все поколѣнiе вспрѣпило насъ радостными криками. На мою долю достался кусокъ опъ задней часпи кангуру. Изрубленное и сваренное съ кускомъ свинины, мясо кангуровое счищается довольно лакомымъ въ кушаньѣ, кошорое Англичане называютъ steamer (душенымъ мясомъ).

Если дикарей соберется много, то охота за кангурами производится иначе. Они составляютъ около звѣря плоскій кругъ, мало помалу уменьшая его объемъ, пока удары могутъ доспичь до встревоженнаго живошнаго. Для кангуровъ малаго рода употребляется такое-же средство ловли. Когда опкроютъ гнѣздо звѣря, то рубятъ около него, на значительную ширину, куспарики и праву, непрогая самой середины; попомъ изъ срѣзанныхъ и вырванныхъ правъ и въшвей образуютъ родъ кругообразной огорожи, могущей удержатъ кангуровъ въ ихъ бѣгѣ. Когда все это приготовлено, одинъ, либо два дикаря, съ собаками, пускаются на оставленное въ серединѣ мѣсто и поднимаютъ изъ него звѣрей. Кангуры прыгаютъ черезъ очищенную полосу но добѣжавъ до огорожи, легко могутъ быть убиваемы охотниками. Потому добыча, при большемъ числѣ ловцовъ, всегда быва-

ещь обильная и легкая. Дикари дѣлають также ловушки въ болопистыхъ мѣстахъ, куда приходятъ кангуры пить. Для этого роютъ глубокий ровъ, покрываютъ его вѣтвями и засыпають слегка землею. Такой манеръ ловли особливо употребляется во внутреннихъ земляхъ Австралійскихъ.

Охота за емѹ, или казуарами, производится жителями около Георгіевскаго залива большею частію зимою, когда эти птицы кладутъ свои яйца. Опкрывши гнѣздо, дикари прячутся за кустарникомъ и спараются сперва убить самца, ибо послѣ того почти навѣрное можно убить самку. Впрочемъ, эта добыча дается имъ рѣдко, хотя они чрезвычайно дорожатъ ею.

ГЛАВА ХСII.

АВСТРАЛІЯ. — ОСТРОВЪ КАНГУРОВЪ И ЗАПАДНЫЙ ПОРТЪ.

Декабря 6-го нашъ капитанъ кончилъ всѣ свои дѣла, и мы вступили подъ паруса, направляясь попомъ къ В., при довольно неблагопріятной погодѣ, хотя тогда было лѣпшее время въ Австралійскихъ моряхъ. Черезъ десять дней скучнаго плаванія бросили мы якорь въ *Напинскомъ* заливѣ (Naracan-Bay), на островѣ *Кангуровъ* (Kangaroo Island). Имя острову дано было при его открытіи. Когда Флиндерсъ приспалъ здѣсь въ 1802 году, кангуровъ было здѣсь такое множество, и они были такъ ручны, что въ одинъ вечеръ маэпрозы убили ихъ прицѣпъ одну шпуку, изъ которыхъ самыя малые вѣсили по 60 фунтовъ, а большіе по 120 фунтовъ. Они сподами паслись по лугу, около лѣса. Неменьше многочисленны были спай шюленей, которые ползали по берегу до мѣста пребыванія кангуровъ и, казалось, жили съ ними въ большой

дружбѣ. Флиндерсъ замѣтилъ, что тюлени, при приближеніи людей, показали болѣе ловкости, нежели сотоварищи ихъ кангуры. Эпи вовсе не заботились о приходѣ Англичанъ, и какъ будто почли ихъ за тюленей, неразспроивая своей безопасности для шѣхъ и для другихъ. Но тюлени оказались не столь глупы и несочли Англичанъ родичами кангуровъ. Флиндерсъ могъ-бы дополнить къ своему разсказу, что можетъ быть, тюлени ознакомились уже съ людьми на другихъ берегахъ Австраліи, между шѣмъ какъ кангуры, отдѣленные отъ всего міра на своемъ оспровѣ, не могли имѣть подобныхъ этнографическихъ познаній. Какъ-бы то ни было, но теперь кангуры пріобрѣли новыя свѣдѣнія объ людяхъ и совершенно измѣнили свои доврчивые нравы. Едва только пошли мы на мысъ Кангуровъ (Kangaroo-Head), который Флиндерсъ называлъ любимымъ ихъ мѣстопребываніемъ, изъ 12-ти живошныхъ, шамъ находившихся, девять бросились бѣжать во всю мочь, только что замѣтили насъ, и едва могли мы убить двухъ, пригнанныхъ собаками къ мѣсту нашей засады. Напрасно также спрѣляли мы нѣсколько разъ по казуарамъ. Ихъ трудно убить съ одного раза, и какъ ни будишь они ранены, если только могутъ бѣжать, то бѣгутъ и скрываются.

Оспровъ Кангуровъ садъ цвѣщій подлѣ безплодныхъ и голыхъ береговъ Австралійскихъ. Свѣжій дернъ заспилаетъ его аспидные ушесы, расположенные слоями, совершенно горизонтальными. Произраспаніе на прекрасномъ коврѣ зелени, безъ сомнѣнія, дол-

женствовало привлекать сюда множество кангуровъ и способствовать ихъ размноженію. Лѣсъ, довольно густой, покрываетъ многія части острова.

Когда Флиндерсъ открылъ здѣшнее мѣсто, онъ замѣтилъ, что деревья, здѣсь росшія, были гораздо хуже множества другихъ, стволы и пни которыхъ стояли и валялись по лѣсамъ, изсохшіе и загорѣлые. Всѣ эти исполинскія прозябенія казались погибшими въ одно время, и какъ будто отъ общаго пожара. Ничто не показывало, чтобы люди когда нибудь сходили на этотъ островъ, и пошому заключили такъ, что молнія, или случайное шреніе одного сухаго дерева о другое, зажгли здѣшніе лѣса. По вычислу Флиндерса, это могло случиться лѣтъ за 20-ть до его прибытія.

Островъ Кангуровъ около 30 лѣ въ длину и лѣ 12-ть въ ширину, при высотѣ весьма посредственной. Внутренность его неизвѣстна; жителей здѣсь еще не открыли; извѣстно только, что земли около Джервисова мыса (Jervis-Head), отдѣленные отъ острова Кангуровъ проливомъ въ двѣ, или три лѣ, населены такимъ-же бѣднымъ и дикимъ народомъ, какой обитаетъ около залива Короля Георга. За нѣсколько мѣсяцовъ до нашего прибытія въ Напинскій заливъ, дикость этихъ варваровъ погубила опличнаго Англійскаго офицера, пожертвовавшего жизнью своего любви къ наукамъ. Съ мѣста стоянки нашей, мы могли видѣть вершины Высокой (Lofty) горы, гдѣ совершилось бѣдствіе. Вотъ разсказъ, какъ передали его намъ потомъ въ Портъ-

Джаксонъ. Благородное самопожертвованіе на безвѣспныхъ, опдаленныхъ земляхъ спойтъ того, чшобы опзывы объ немъ были вѣдомы свѣшу, и имена спрадальцовъ науки и познанія были чпимы наравнѣ съ именами другихъ спрадальцовъ для блага человѣчеспва.

Лейпенантъ Спуртъ, о кошоромъ будемъ мы говоритъ въ послѣдсвіи, узналъ печеніе рѣки Муррая (Murray), и опкрылъ обширное озеро *Александринское*, сообщающееся съ заливомъ *Встрѣчи* (Encounter) подлѣ мыса Джервиса, посредспвомъ пролива, неспособнаго для плаванія даже малыхъ судовъ, хошя онъ и довольно широкъ. Въ слѣдствіе сихъ опкрышій Спуртъ подозрѣвалъ, чшо озеро можетъ также сообщаться съ заливомъ Сень-Винцентскимъ, особымъ, болѣе глубокимъ печеніемъ. Дѣло было важно для почнаго изслѣдованія. Съ эшимъ могла соединиться вся система колонизаціи по южной Авспралиі, а шакже и средства сообщенія съ внутренними землями.

Капитанъ Баркеръ, возвращаясь изъ посылки въ заливъ Георгіевскій, предпринялъ разрѣшеніе сего важнаго географическаго вопроса. Апрѣля 10-го 1831 года прибылъ онъ къ мысу Джервису, вблизи обплылъ воспочнымъ берегомъ Сень-Винцентскаго залива, и увѣрился, чшо нѣтъ никакой видимости полагать проѣздъ на распояніи земель весьма значительномъ.

Но чшобы удостовѣриться гораздо лучше, 17-го Апрѣля Баркеръ сошелъ на берегъ, въ сопровожденіи комиссаріатскаго чиновника Кента, двухъ

солдатъ и служителя своего. Они вышли подлѣ небольшого залива, устье котораго заграждалось мѣлью, а просяженіе, мили на чепыре, доходило до подошвы горной цѣпи, параллельной съ берегомъ. Окрестность казалась довольно плодородною. Прибрежье залива состояло изъ натуральныхъ луговъ, слегка покрытыхъ лѣсомъ и заросшихъ шрамами всякихъ родовъ. Почву составляла пучная земля, цвѣща шоколаднаго, которую полагали происшедшею отъ разложенія известковаго, синевашаго камня, составлявшаго берега залива. Въ концѣ долина, огороженная утесами, вела въ горы. Тутъ нашли довольно прѣсной воды въ болошисныхъ мѣстахъ, куда спекла она во время послѣднихъ дождей. Небольшой отрядъ Баркера остановился здѣсь.

На другой день, Баркеръ, съ Кенпомъ и служителемъ своимъ, пустился на Высокую гору, слѣдуя направлению гребня ея. Нисшія части казались здѣсь составленными изъ глинистаго шиста, а ребра и вершины были покрыты деревьями, достигавшими необыкновенныхъ размѣровъ. На В. зрѣніе ограничивалось другими горными цѣпами, параллельными той, по которой шли. Но на З. видны были прелесныя прибрежья залива.

Въ теченіе дня шли по краямъ глубокой рышвины, уклоны которой покрыты были шрамами, красивыми на видъ. Въ 600 фузахъ глубины шумѣлъ въ этой пропасти небольшой потокъ, разбиваясь по каменистому дну. Тамъ и здѣсь ужасные камни полагали какъ будто преграды теченію, и при такихъ мѣстахъ вода до того испирала и вымачивала ка-

меня, что жилы красного и синяго кварца, между ними лежавшія, казались искусственной мозаичною работою. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ рытвины, спранники остановились на второй ночлегъ.

На слѣдующій день достигли они вершинъ Высокой горы, 2250 футовъ надъ поверхностью моря и на одиннадцать миль отъ берега. Всего болѣе изумила ихъ здѣсь громадность распущихъ деревьевъ. Въ одномъ изъ пней древесныхъ оказалось до 40 футовъ въ окружности, и эти дивныя прозябенія, по видимому, не спрадали ни отъ царствующихъ здѣсь вѣтровъ, ни отъ возвышенія, на которомъ они находились. Большая часть ихъ принадлежала къ роду эвкалиптовъ, и одно было замѣчательно по особенному благовонію своей коры.

Путешественники сошли по сѣверному покапу горы и достигли мѣста, гдѣ цѣпь горная оканчивается на С. С. В.—Тутъ насладились они видомъ обширнѣйшимъ, нежели съ самой горной вершины. Они видѣли большую часть залива, могли различить горы, ограничивающія его на С. С. З., а прямо на В. другую гору, совершенно похожую на Высокую, весьма возвышенную и, казалось, составляющую предѣлъ въ этомъ мѣстѣ, закрывая собою Александринское озеро. Баркеръ заключилъ, что этотъ пикъ упоминаемъ былъ Сшурпомъ, какъ стоящій на самомъ озерномъ побережьи, и, вѣроятно, смѣшанный имъ съ Высокою горою, болѣе удаленною къ З.—По всей справедливости, пикъ этотъ былъ наименованъ горою Баркера.

Ниже почки, на которой остановились путешественники, продолжалось къ С., столь далеко, сколько могло обнять зрѣніе, протяженіе земли плоской, слегка волнистой, но открытой, но опчаспи льсистой, но всюду усланной правою. Такое-же протяженіе шло къ В., и казалось, окружало бока Барнеровой горы. — Путешественники провели ночь на вершинѣ горной цѣпи, подлѣ огромной впадины, уподоблявшейся жерлу волкана; ужасные обломки грубаго, сѣроваатаго гранита сгромождены были въ ней, въ величайшемъ безпорядкѣ. Вершины всего протяженія горной цѣпи опѣ Высокой горы состоятъ изъ подобнаго основанія, находящагося такимъ образомъ между шисповымъ, окружающимъ проходъ, лежащій на шемѣ горной цѣпи.

Эта первая экспедиція кончилась весьма счастливо. Путешественники ворошились на морское побережье 21-го Апрѣля. Они снова опправились, черезъ нѣсколько дней попомъ, къ небольшому заливу, довольно надежному, находящемуся непосредственно на С. опѣ мыса Джервиса, и во внутренности его нашли долину, 9-ть или 10 миль въ длину, и 3 или 4 мили въ ширину. Сія долина, закрытая двумя вѣтвями главной цѣпи горъ, изобиловала пасбищами, по копорымъ бродили многочисленныя стада кангуровъ. Хошя каменистая въ нѣкопрыхъ мѣснахъ, земля казалась вообще плодородною и пріятною на видъ. Направляясь прямо къ В., Баркеръ и его товарищи перешли первую цѣпь холмовъ, и попомъ вспунили въ долину, безплодную, каменистую, покрытую кустарникомъ. Они перешли че-

резъ нея и другую цѣпь холмистую, откуда былъ видъ на заливъ Encounter. Проспираясь внизу, долина оканчивалась здѣсь песчаными горами, или холмами, покрытыми кустарникомъ. Баркеръ возшелъ на самое возвышенное мѣсто, и отсюда открылъ онъ наконецъ озеро Александринское и прошокъ, которымъ сообщается оно съ заливомъ Encounter. Переходя къ этому пункту, Баркеръ достигъ береговъ прошока, и слѣдовалъ ими къ песчаному обвалу, пока незамѣтилъ Ю. В. точки мыса Джервиса. Здѣсь прошокъ былъ около четверти мили въ ширину. Баркеръ рѣшился переплыть его, что-бы достигнуть песчанаго пропояженія на другомъ берегу, гдѣ надѣялся онъ обширнѣйшаго объема для зрѣнія на пространство земель къ востоку.

По несчастію, изъ всего маленькаго отряда только онъ одинъ умѣлъ плавать, и слѣдственно никто не могъ его сопровождать. Напрасно старались отговорить его отъ такого смѣлаго предпріятія; хотя онъ былъ тогда нездоровъ, но упорствовалъ. Кентъ привязалъ ему компасъ на голову; онъ раздѣлся и поплылъ. Черезъ десять минутъ былъ уже онъ на другомъ берегу. Входя на возвышенность, взялъ онъ нѣсколько измѣреній своими инструментами, а потомъ сошелъ на другую сторону ихъ, и—его не видали уже послѣ того.

Здѣсь прекращается записка Кента, и жребій несчастнаго капитана Баркера оставался-бы еще загадкою, еслибы одна дикарка, долго жившая у Англійскихъ рыболововъ, не разсказала подробностей его гибели.

По ея словамъ, Баркеръ, перешедши одну песчаную возвышенность, направился къ другой, находившейся въ далекомъ разстояніи. Тутъ при дикаря, шедшіе тогда опть приморья въ свое спановье, замѣтили издали бѣлаго человѣка. Они слѣдовали за нимъ, но не смѣли напасшъ на него, боясь дѣйствія инструмента, который держалъ онъ въ рукѣ. Увидя дикарей и предчувствуя ихъ непріязненные намѣренія, Баркеръ спарался сначала обласкашъ ихъ, а потомъ, находя болѣе выгоды предупредишъ нападеніе, бросился на непріятелей. Но опвага его оказалась неудачна; дикарь опть него увернулся, а товарищъ его бросилъ въ Баркера дрошикомъ и ранилъ его. Онъ кинулся тогда къ морю, видя невозможность спояшъ прошивъ проихъ, и побѣжалъ по каменьямъ. Еще дрошикомъ попали ему въ плечо, а другимъ въ грудь. Несчастный упалъ въ воду и дикари докололи его дрошиками. Онъ былъ совсѣмъ изуродованъ ранами; послѣ чего убійцы пошацили шрупъ за ноги по каменьямъ и бросили въ волны, опкуда съ приливомъ увлекло его въ опкрытое море.

Дикарка, передавая всѣ сіи подробности, увѣряла, что шрое земляковъ ея, при нападеніи на Баркера хопѣли шолько увѣришъ въ шомъ, можно-ли убить бѣлаго человѣка? Но Сшуршъ полагалъ, что дикари выполнили эшимъ возмездіе за обиды, которыя часшо причиняли имъ промышленники шюленей. Племена, окрестъ обитающія, незадолго передъ шѣмъ оказали самыя непріязненные намѣренія прошивъ Сшурша и его товарищей, и шрое

убійць Баркера, вѣроятно, обрадовались случаю, удовольствовавшись безъ большой опасности народную ненависть къ Европейцамъ.

Декабря 18-го, нашъ Кангуру оставилъ пристань Напинскую и пошелъ проливомъ Бакспера, между мысомъ Джервисъ и островомъ Кангуру, а потомъ направился къ проливу Басса (Bass's strait). При этомъ переходѣ неоднократно приближались мы къ берегамъ, вообще низкимъ, песчанымъ, печальнаго, мрачнаго вида. Опъ времени до времени густые туманы скрывали ихъ опъ насъ. Мы обогнули 21-го мысъ Опвай, составленный изъ горъ и высокихъ утесовъ, лѣсистыхъ, зеленѣющихъ и пріятныхъ на взглядъ болѣе всѣхъ другихъ здѣшнихъ мѣстъ. Въ шопъ-же вечеръ остановились мы въ Западномъ заливѣ (Western port), въ сѣверной части острова Филлипа.

Немедленно хотѣлъ я пускаться на прогулку по берегамъ глубокаго залива, прорѣзывающаго земли сего острова. Пока держался я на самомъ прибрежьи, то могъ еще ходить шупъ по мѣлкому и зыбкому песку, но едва захохотъ проникнуть далѣе, то произрастаніе изъ деревцовъ и кустовыхъ травъ представило мнѣ преграду, до того колючую и плотную, что изорвавши нѣсколько разъ мое плашье, принужденъ я былъ ворошиться къ морю. При маломъ приливѣ, берегъ окружается слоемъ мягкаго ила, препятствующаго подходить къ нему лодкамъ. Далѣе покрытъ онъ округленными, черноватыми камешками, съ перваго взгляда какъ будто волканическаго происхожденія, но собственно это земля-

ники (géodes), получившіе тяжесть и гвѣсть свой опъ значительной примѣси желѣза.

Удобнѣе ходить по песку, образующему западную окраину залива. Здѣсь прекрасное побережье, ограниченное увалами, покрытыми деревьями разныхъ родовъ. Во внутренности ландшафтъ великолѣпенъ и прогулка прелестная. Можете идти по прекраснымъ лугамъ, усыпаннымъ разными цвѣтами, пересѣкаемымъ пропоянанными пропинками, или подъ величественными кучами деревьевъ, гдѣ ничто васъ не останавливаетъ. Смотри на это чистое, доступное повсюду мѣстоположеніе, подумаешь что его обрабатывали руки человѣческія. Но то дословно, что человекъ ничего здѣсь не прибавилъ, не очистилъ. Бѣдные поколѣнія здѣшнихъ туземцовъ вовсе немысливаютъ объ украшеніи своей стороны. Забота о пищѣ уже достаточное ихъ занятіе. Сомнительно даже, чтобы пропинки здѣсь были произведены ими, и ихъ скорѣе можно приписать животнымъ, которыя всегда ходятъ по одному направленію и пролагаютъ такимъ образомъ дорожки. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ рыбаки, привычные жители здѣшней стороны.

Въ довольно отдаленномъ мѣстѣ побережья, мы замѣтили нѣсколько тюленей, весьма огромныхъ, растянувшихся на песчаномъ отвалѣ. Едва побѣжали мы къ нимъ, какъ боясь насъ и предвидя опасность, эти водоземныя животныя бросились и исчезли въ морѣ, съ быстротою и ловкостью, невѣроятными для подобныхъ тяжелыхъ тушъ. Тюлени эти принадлежатъ къ роду, называемому естественныма-

лями *otarie cendré*. Если они въ совершенномъ возрастѣ, по величиною опъ 7-ми до 10 фушовъ въ длину. Голова у нихъ преогромная, лобъ высокій, рыло коропкое и квадрапное, верхняя губа длиннѣ нижней. Опъ головы до середины пуловища полщина пюленя постепенно увеличиваетса, а далѣе уменьшается по немногу, такъ, что на первый взглядъ живоппное кажется составленнымъ изъ двухъ конусовъ, сложенныхъ вмѣстѣ широкими концами. Кожа сверху сплошь сѣропепельная. Подбородокъ, подмышки и бока рыжіе, заднія части почти черныя, а переднія темнаго цвѣта, рыжеватые. Волосы на головѣ и шеѣ длинны, грубы и жестки, на другихъ частяхъ пѣла короче и гуще. Пепельный цвѣтъ живоппнаго происходитъ опъ смѣшенія его волосовъ, изъ коихъ одни бѣлые, желтоватые, а другіе темно-ватые. Раздѣлая ихъ, находите, кромѣ того, при основаніи довольно мягкій, рыжій пухъ, смятый войлокомъ. У молодыхъ пюленей волосы черны и весьма шелковисты. Голова у нихъ кругла, и видъ вообще несполь безобразенъ, какъ у старыхъ живоппныхъ. Въ нѣсколько дней пріучаются они, и дѣлаются такими ручными и ласковыми, будпо маленькія собаченки. Крикъ ихъ походитъ на блѣяніе козленка, и они подходятъ брать пищу изъ рукъ того, кто зоветъ ихъ. Въ юности пюлень движется гораздо легче, нежели выросши, поппому, что члены его не бываютъ еще споль уродливы, какъ при полномъ возрастѣ. Кожа пюленя довольно дорого цѣнится во многихъ спранахъ сѣверной Европы. Открывши множество эппхъ водоземныхъ

на южныхъ берегахъ Авспраліи, особливо около пролива Басса, Англійскіе, Американскіе, Русскіе (?), Французскіе промышленники, лѣтъ придцать занимались ловомъ ихъ здѣсь съ большими выгодами. Но непрерывные и дѣятельные промыслы почти совершенно уничтожили во многихъ мѣстахъ и значительно уменьшили во всѣхъ стада шюленей. Теперь промышленники принуждены подвергаться большимъ трудамъ и опасностямъ для добычи весьма посредственной. Часто, для бивня звѣря, они пускаются на голые, бесплодные утесы, на низкія, но неприспупныя побережья. Ремесло Авспралійскихъ шюленыхъ промышленниковъ сдѣлалось самымъ неблагоприятнымъ, какое только можно себѣ представить, и между шѣмъ множество Англійскихъ и Американскихъ шкиперовъ охотно предаются ему, и отдающъ за него жизнь свою и имѣніе.

Мы довольно погуляли по здѣшнему берегу, и особенно въ восточной части залива, гдѣ подлѣ прохода къ В. можно пристать къ прекрасному песчаному побережью. Прибытіе наше сюда привѣщивало щепетанье безчисленнаго множества Филедоновъ, привычныхъ жильцовъ по деревьямъ окрестнымъ. Большая часть этихъ деревьевъ, разбросанныхъ по прелестнымъ лугамъ съ красивою зеленью, принадлежала къ родамъ банксіи, эвкалиптовъ, казуаринъ, подокарповъ, лептоспермовъ, и проч.—Поверхность здѣсь вся въ легкихъ опвалахъ, и всюду можно идти безъ труда и препятствій, исключая шѣ мѣста, гдѣ ноги пушаются въ длин-

ныхъ и переплешенныхъ въпвяхъ папорошей и одного рода *дамперіи* съ желтыми цвѣтами.

Тутъ видѣли мы бездну птицъ изъ рода кукушекъ, зимородковъ, филедоновъ, попугаевъ, и проч.— Два, или три часа охоты дали намъ большую добычу. Множество кангуровъ побѣжало повсюду при нашемъ приходѣ, и нѣкоторые изъ нихъ проскочили даже у насъ между ногами, но они такъ скоры на бѣгу, что ни одинъ выстрѣлъ нашъ не попалъ въ нихъ. Подлѣ берега нашли мы съ полсотни хижинъ, болѣе или менѣе разрушенныхъ, окруженныхъ признаками очаговъ и обломками ракушекъ—очевиднымъ доказательствомъ недавняго здѣсь пребыванія дикарей. Я сожалѣлъ, что мнѣ не удалось видѣть ихъ, ибо, по разсказу Туккея, знавшаго здѣшнихъ туземцовъ при самомъ основаніи Порть-Джаксонской колоніи, они многочисленнѣе, благообразнѣе, образованнѣе жилищей всѣхъ другихъ частей Австраліи. Между ними есть, говоритъ Туккей, начальники, которые украшаютъ голову перьями черныхъ лебедей, раскрашиваются краснымъ, бѣлымъ и желтымъ, и заставляють подчиненныхъ носить ихъ на плечахъ. Впрочемъ, здѣшніе дикари, гордые своимъ превосходствомъ, оказывали характеръ свирѣпый и негосепріимный, а неопрятность ихъ превосходила все, что только можно вообразить себѣ неопрятнаго.

Нѣсколько лѣтъ тому начались жестокія и кровавыя сшибки между ними и промышленниками шюленей, и кажется, что съ того времени дикари удалились во внутренность земель, показываясь на

прибрежьяхъ тогда только, когда бѣлые удаляются изъ Западнаго порта. Если сообразить съ одной стороны дикій характеръ туземцовъ, а съ другой беспутные и развратные нравы промышленниковъ, то легко разсудить, что вина была обоюдная, и дикари благоразумно поступаютъ, удаляясь отъ гостей своихъ.

Фазіанелль много по здѣшнему прибрежью, но всѣ раковины ихъ попадающіяся пустыя. Наши устричные черпаки давали намъ много перепрапулъ, но весьма мало находили мы въ нихъ моллюсковъ. Родъ этотъ сходствуетъ съ теми, какіе находятъ въ ископаемыхъ Франціи, особливо окрестъ Парижа.

Англійскіе путешественники, сухимъ путемъ перешедшіе къ Западному заливу отъ Двойнаго (Twofold), въ началѣ 1826 года, говорили, что на восточной сторонѣ его открыли они великолѣпную рѣку, безконечныя, весьма плодоносныя степи, и множество чудесъ такого рода. Убѣжденные этими разсказами, правители Порта-Джаксона отправили сюда отряды солдатъ и ссыльныхъ, долженствовавшихъ основать колонію. Посланные явились здѣсь въ концѣ 1826 года, черезъ нѣсколько дней послѣ отбытія капитана Дюрвиля, но вмѣсто прекрасной, громко расхваленной рѣки, едва нашли они широкій пропокъ, совершенно изсохшій въ его руслѣ. Послѣ краткаго пребыванія, недоспапокъ прѣсной воды принудилъ правительство призвать посланныхъ обратно въ Портъ-Джаксонъ, и отказаться, по крайней мѣрѣ, на время отъ колонизаціи Западнаго залива. Вообще трудно предположить, что здѣсь

воды нѣтъ вовсе, и впрочемъ легко-бы вырыть колодцы. Западный портъ представляетъ превосходное пристанище для кораблей всякаго рода, а положеніе его посреди пролива Басса неможесть не придасть ему со временемъ особенной важности.

ГЛАВА ХСІІІ.

АВСТРАЛІЯ. — НОВЫЙ ЮЖНЫЙ ВАЛЛИСЪ.

Вечеромъ 23-го, Кангуру нашъ оставилъ Западный портъ, и на слѣдующій день прошли мы между полуостровомъ Вильсона (Wilson's Promontory) и островомъ Редондо — первый спрашная гряда граничная, оканчивающая Авспралию къ югу; вшорой, величественный конусъ своимъ видомъ, высокою и опдѣленіемъ опъ маперика, ушесисный при подошвѣ, покрытъ прекраснымъ произраспаніемъ. Въ слѣдующіе дни плыли мы мимо, на 12, или 15 льѣ разспояніемъ, около песчаного побережья, которое проспирается опъ Бараньей головы (Ram-Head) до полуострова Вильсона. Уже въ 20 льѣ можно видѣть цѣпь горъ Варрагонскихъ, главныхъ на здѣшнемъ берегу и называемыхъ опъ Англичанъ Авспралійскими Альпами и Бѣлыми горами (Warra-gong Mountains or Australian Alps). Близко прошли мы около мыса Гове (Howe), побережья песчаного, безъ воды и зелени, а попомъ далѣе мимо горы

Дромадера, болѣе замѣчательной по своей формѣ, нежели по высотѣ, ибо она составляетъ едва 500 футовъ отъ поверхности моря. Прибрежье шире песчаные холмы, но за ними открываются пріятные для взора луга, опѣшенные прекрасными деревьями. Впрочемъ, мы рѣдко могли видѣть яснымъ образомъ землю. Наиболѣе, густые туманы, или облака дыму, производимые зажигаемою обыкновенно дикарями траву, для очищенія земли отъ папоротей, совершенно скрывали отъ насъ берегъ и его очерки.

Утромъ 30-го, выйдя на шканцы, я удивился, видя, что нашъ корабль плыветъ въ устьѣ пролива, довольно узкаго, съ обѣихъ сторонъ обсаженного утесами и скалами, черноватыми, печальнаго вида. Налѣво видѣлся высокій, красивый маякъ, который могъ-бы уже явиться намъ предѣлы Англійскихъ владѣній, еслибы и не видалъ я на корабль нашемъ лоцмана, управлявшаго имъ и показывавшаго собою образованіе Европейское, перенесенное на берега Австраліи. Едва прошли мы проливомъ, передъ нами раскрылся обширнѣйшій бассейнъ моря, могущій вмѣстить вдругъ всю флоту цѣлаго свѣта — великолѣпное озеро соленой воды, берега котораго красиво разнообразятъ заливы, бухты, мысы. Направо земля большею частью безъ обработки, и представляетъ купы деревъ и оболочку папоротей высокаго роста. Но налѣво развивается земледѣльческая колонизація—селенія, увеселительные дома, мызы, все съ такимъ видомъ довольства и богатства. Среди сей подвижной панорамы городъ и портъ, или гавань Сиднейская (Sydney-Cove). Вы

видите городъ совершенно Европейскій, болѣе Европейскій, нежели всѣ тѣ, какіе видѣлъ я до сихъ поръ въ Индійскихъ моряхъ. Корабли, магазины, укрѣпленія, улицы, дома, все напоминаетъ здѣсь Англію. Забываешь, думая, не въ маленькій-ли какой нибудь портъ Ламанскаго пролива вы приспали? Въ сорокъ лѣтъ было придумано и исполнено построеніе этого города въ землѣ аниподовъ. За сорокъ лѣтъ небыло здѣсь положено ни одного камня—была пустыня съ варварскими жишелями.

Едва спали мы на якорь, я отправился на берегъ съ моими пожилками. Капитанъ рекомендовалъ мнѣ гостинницу, гдѣ меня хорошо угостили и взяли за все цѣну почти противъ второспешенныхъ гостинницъ Лондонскихъ. Служилели, коммисіонеры мои, всѣ были ссыльные изъ Англіи за воровство и другія преступленія. И между тѣмъ могу смѣло увѣрить, что во все время моего здѣсь пребыванія, преступленія случались здѣсь нечаще противъ самыхъ образованныхъ странъ Европы. Разлука съ опечесствомъ, продолжительный переѣздъ, новая жизнь на землѣ неизвѣстной и полудикой, все доводитъ несчастныхъ къ лучшему понятію о собственнхъ своихъ выгодахъ, доказывая имъ, что добрымъ только поведеніемъ они все приобретутъ себѣ.

Нѣсколько часовъ прогулки по Сиднею скоро ознакомили меня съ этимъ городомъ, въ которомъ самое главное чудо онъ самъ и его существованіе. Большая часть домовъ здѣсь разбросана, раздѣлена дворами и огородами, и потому Сидней занимаетъ обшир-

ное пространство. Спроеция почти всё въ одинъ и два эшажа. Улицы большею частію прямыя, съ приличною шириною и довольно хорошо содержащіяся. Онѣ невымощены, и потому иногда надобдается здѣсь пыль. Грязи рѣдки, благодаря почти постоянной сухости климата. Главная городская Георгіевская улица (George-Street) почти на милю длинны; она дѣлится на кварталы подѣ прямыми углами, поперечными улицами, между тѣмъ какъ другія улицы тянутся въ параллель съ нею. Вода для употребленія жителей берется въ колодцахъ, или въ водохранилищахъ, изсѣченныхъ въ утесахъ. Только небольшой ручей протекаетъ по городу, начинаясь въ ближнемъ болотѣ, и въ томъ вода испорчена нечистотами всякаго рода.

Часть Сиднея на восточномъ приморьи гавани заключаетъ наиболѣе общественныхъ зданій и жилищъ богатыхъ частныхъ людей. Въ ихъ числѣ оплчается домъ Губернатора, спроеіе удобное и прекрасное, окруженное обширнымъ паркомъ, красивыми бульварами и прелестными рощицами. Часть зданія, наиболѣе поражающая — конюшни, спранность, не ксшапи къ другимъ частямъ, ошибочное произведеніе зодчества, вздумавшаго спроеіи гопическое зданіе въ городѣ, копорый началъ со вчерашняго дня. Легко ошибиться и почестъ эти конюшни какимъ нибудь Каполическимъ монастыремъ.

На западномъ погорьи Сиднейскаго залива расположена часть города, пространно называемая *Rocks*, ибо основаніе ея дѣйствительно на голомъ утесѣ. Это мѣсто жилищъ простаго народа и

ремесленниковъ. Паприціи Новаго Южнаго Валлиса рѣдко являющіяся здѣсь, и когда я захопѣлъ поспѣшить эту часть города, мнѣ совѣщивали беречь карманы. Однакожь со мною неслучилось ничего непріятнаго и убыточнаго.

Почти всѣ дома въ Сидней построены изъ пещаника, добываемаго на берегахъ Портъ-Джаксонскаго пролива. Поэтому была возможность воздвигнуть зданія значительныя, какъ-то: обширныя казармы, темницы для ссыльныхъ, морскіе магазейны, Каполическую церковь, копорая впрочемъ начата была въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что у Каполиковъ здѣшнихъ недоспало средствъ, и зданіе осталось недоспоеннымъ. Болѣе скромный, храмъ Протестантскій опдѣланъ, и его пирамидальная колокольня есть самое возвышенное зданіе въ Сидней.

Не заботясь о будущемъ, первые колонисты уничтожили лѣса, окружавшіе нынѣшній городъ, и поэтому видъ его печаленъ и опкрытъ. Съ нѣсколькихъ уже лѣтъ спараются замѣнить такое неудобство насажденіемъ Европейскихъ деревьевъ, но они распушъ медленно и часто изнемогаютъ на здѣшней горячей и дикой почвѣ. Самыя пуземныя деревья распушъ весьма тихо, и это осуждаетъ всю Сиднейскую окрестность на печальную нагопу еще много лѣтъ.

Нынѣшнее народочисліе Сиднея полагаютъ въ 15,000, изъ числа коихъ 2000 ссыльныхъ и 400 военнаго народа. Вообще можно дѣлить жителей города на пять званій: чиновники правительства;

купцы и земледѣльцы; люди разныхъ чиновъ и сословій, непричастные ссыльнымъ; опущенники изъ ссыльныхъ; сосланные невольники.

Опущенники (émancipistes) суть шѣ люди, которые прибыли въ колонію за вины въ ссылку, но получили свободу, или попому, что годы наказанія ихъ кончились, или за доброе поведеніе на время, а иногда вполне. Этотъ классъ довольно многочисленъ, и многіе изъ опущенниковъ приобрѣли здѣсь значительныя имѣнія. Еслибы мысль Австралійскихъ колоній была понятна всѣмъ, нынѣ ихъ составляющими, то сіи люди, возвращенные изъ бездны пресупленія въ жизнь общественную и изгладившіе пятна жизни своей временемъ и наказаніемъ, должныствовали-бъ быть почитаемы наравнѣ съ другими, и приняты, какъ будто прошедшее для нихъ не существуетъ, другими колонистами, никогда не бывшими подъ тяжестью наказанія. Но этого нѣтъ. Колонисты свободного происхожденія уже составили въ Сидней аристокрацію, оскорбляющую опущенниковъ. Бѣдные сіи люди недопускаются ни въ одно общество здѣшнихъ паприцевъ; они исключены изъ всѣхъ должностей, сколько нибудь значительныхъ, и покушенія ихъ возстановить уравненіе, слѣдующее имъ по праву законному, нерѣдко бываетъ поводомъ къ спору и смятенію. Подобное униженіе неограничивается лицомъ преступника, но переходитъ на его попомство, и печать проклятія знаменуетъ сына и внука на сей землѣ, долженствовавшей по назначенію своему быть мѣстомъ очищенія преступниковъ—

не только наказаніе не очищаетъ ихъ, но передаетъ позоръ ихъ потомству. Какой поучительный урокъ для людей, мечтающихъ теоріями рѣшить практическую жизнь!

Всего страннѣе то, что оппущенники, въ слѣдствіе ложной и несправедливой укоризны имъ, установили опять отношенія между собою—исключеніе рождаетъ исключеніе, несправедливостъ одна ведетъ къ другой. Званіе оппущенниковъ само собою дѣлился на *чистыхъ*, не потерпѣвшихъ вопричнаго наказанія въ колоніяхъ, и *нечистыхъ*, осужденныхъ за вины, здѣсь учиненныя. Тѣ и другіе враждуютъ между собою не менѣе свободныхъ колонистовъ противъ тѣхъ и другихъ. Нѣсколько лѣтъ тому, какой-то публичный обѣдъ данъ былъ чистыми оппущенниками, и одинъ нечистый попался въ мѣсто собранія. Собесѣдники узнали бѣдняка, и тотчасъ раздалось со всѣхъ сторонъ: «Вонъ, вонъ! гоните его!» Нечистый не слушалъ словъ, сидѣлъ и молчалъ. Рѣшились приняться за кулаки, истощивши брань и краснорѣчіе. Удалецъ все предвидѣлъ и зналъ, что надобно дѣлать. Онъ рѣшился перетерпѣть бурю, наградою копорой былъ славный обѣдъ: будь что будетъ, онъ не хотѣлъ опъ него опказаться. Но какъ одному противъ кучи народа! Нечистый завершѣлъ руку угломъ скаперпи, такъ, что еслибы потащили его, онъ потащилъ бы за собою скаперпъ и опрокинулъ все, что было на столѣ. Хладнокровно указалъ онъ на свою уловку, и продолжалъ спокойно ѣсть супъ. Увидѣвши придуманное средство защиты, при совершенномъ хладно-

крови богатыря, все собрание расхохоталось. Нечистаго оставили объдашь; онъ только того и добивался.

Нѣсколько поѣздокъ въ окрестности Сиднея не могли дать мнѣ надлежащаго понятія объ этой части Австраліи. Я рѣшился распространить мои прогулки, и посѣпить самыя замѣчательныя мѣста Новаго Южнаго Валлиса. Прежде всего отправился я въ Параматта. Туда ведутъ двѣ дороги: моремъ и сухимъ путемъ. Я воспользовался обѣими: одною для проѣзда впередъ, другою для обращенія назадъ. Оплывши рано, мы обогнули мысъ Даверъ (Dawer), за которымъ вполне раскрылись передъ нами опдѣленіе утесовъ (Rocks), гавань Дергингъ, превосходное заведеніе покойнаго Джона Макъ-Артура, потомъ прелестныя прибрежныя хижинки (cottages). Когда плыли мы мимо одной изъ нихъ, лодочникъ, до того молчавшій, сказалъ со вздохомъ: «Здѣсь жилъ бѣдный Валліамъ Бардлей!» По выраженію рѣчи, я догадался, что тутъ должно быть что нибудь замѣчательное. «А кто это былъ Валліамъ Бардлей? Губернаторъ, Лордъ, чиновникъ?» — Нѣтъ, сирѣ, ни чиновникъ, ни Лордъ, ни Губернаторъ, а просто бѣдный спарикъ, зарабатывавшій насущный хлѣбъ честными трудами. Тутъ жилъ онъ, въ этомъ домикѣ, который видите вы на берегу, довольный немногимъ, обрабатывая свой маленькій огородъ и ловя рыбу для пропитанія. Городскіе господа останавливались поговорить съ спарымъ Бардлеемъ, всегда веселымъ, умнымъ, болтливымъ. Вотъ однажды замѣтили, что Бардлея нѣтъ, и что

его домишка запертъ, никто не беспокоился. Но нѣсколько дней прошло — Бардлея все таки нѣтъ; начали беспокоиться, пошли къ его жилищу, и что же увидѣли, когда разломали двери? Хижинка сползшая пуспая, все въ ней раззорено; собака спарика лежила на полу и гложетъ кость. Спали вглядывались — человѣчья кость! Явно, что Бардлей былъ убитъ, и собака ѣла своего бывшего хозяина. Но гдѣ трупъ? Сначала не могли доискаться. Полиція ничего не находила. Догадались наконецъ проморить собаку голодомъ, чтобы она опять доспала себя часть трупа. Такъ и сдѣлалось. Собака проголодалась и побѣжала шуда, гдѣ лежалъ трупъ. Его открыли уже полуизгнившій. Ссыльный, бывшій въ работникахъ у спарика, навелъ на себя подозрѣніе и былъ взятъ. Онъ во всемъ признался, и его повѣсили въ городѣ, да опъ этого бѣдный спарикъ не ожилъ — славный былъ спарикъ, и всѣ жалѣли объ немъ!»

Далѣе, по обоимъ берегамъ пролива до половины дороги, мало видите обработанныхъ земель. Прибрежья состоятъ изъ пещаниковыхъ утесовъ, покрытыхъ кустовыми травами, а во внутренность земель слѣдуютъ холмики, невысокіе и покатые слегка, съ поросшими на нихъ кустарниками и зелеными деревцами. Тамъ и здѣсь, въ заливахъ и бухтахъ пролива, хижины, временные припоны дровосѣковъ, землепашцовъ и кочевыхъ винокуровъ. Жизнь послѣднихъ узнаете по непрерывному дыму.

Миляхъ въ семи опъ Сиднея, на правомъ берегу, является таверна Сивира, съ ея пристанями, спрое-

ніями, огородами, которые окружаютъ зеленые палисады. Основатель заведенія, недавно умершій, былъ первымъ пивоваромъ колоніи, и долгое время пиво его опмѣнно славилось по всей Австраліи. Далѣе, по тому же берегу, идутъ лѣспницей жилья и мызы Налъво видите обширныя соловарни Блэкслонда, съ его красивымъ домикомъ, садами и парками, прелестный ландшафтъ зелени, возвышающійся амфитеатромъ. Послѣ хлѣбной мѣльницы направо слѣдуетъ непрерывная цѣпь загоронокъ. Однѣ идутъ пажити, другія поля съ хлѣбомъ, до самой мызы Ганнибала Макъ-Артура, великолѣпнаго сельскаго жилища, сокрытаго въ изгибѣ пролива подъ купами померанцовъ, покрытыхъ цвѣтами и плодами, гдѣ бѣгаютъ и рѣзнятся по побережью ручные кангуры.

Немного далѣе находится Сиротская Школа, на возвышеніи, со всѣхъ сторонъ окруженномъ садами и пастбищами, прямо противъ жилища Джона Макъ-Артура, желтые зданія коего оплываютъ на фонѣ прекрасной зелени. Тутъ проливъ суживается и получаетъ уже названіе рѣки, хотя вода въ немъ все еще соленая. Прѣсная вода начинается уже за Параматскимъ мостомъ, гдѣ море удерживается плотина, препятствующая ему разливаться далѣе. Этого достаточно для показанія, какъ мало возвышается побережье отъ Сиднея до Параматта, на пространствѣ почти 14 миль.

Оспанавливаются здѣсь на лѣвомъ берегу, передъ большимъ кирпичнымъ строеніемъ, комиссіонерскими магазинами. Отсюда, черезъ четверть часа пути,

вы въ Параматта. Городъ занимаетъ значительное пространство, но большая часть домовъ стоятъ отдѣльно одинъ отъ другаго, построены въ одинъ этажъ, и многіе состоятъ только изъ нижняго этажа, окруженнаго дворами и садами. Улицы широки, прямо пропаяны, хотя большею частию необитаемы. Земля не такъ крѣпка, какъ въ Сидней, и недостатковъ мостовыхъ здѣсь чувствительнѣе, особливо послѣ дождей. Губернатору построенъ прекрасный домъ въ Параматта, и городъ этотъ предназначаютъ сдѣлать главнымъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Но донынѣ Губернаторы продолжаютъ жить въ Сидней, и собраніе тамъ мѣстныхъ начальствъ удерживается въ немъ центръ областной администраціи. Отъ того Параматта неидетъ впередъ, а народонаселеніе въ немъ не превосходитъ 3-хъ, или 4000 душъ.

Замѣчательныя зданія въ Параматта суть казармы для солдатъ, другія для ссыльныхъ, двѣ церкви и госпитальница Golden fesse (Золотого руна). Она складена изъ кирпичей, въ два этажа, спереди ея скверъ, вокругъ котораго дорожки для прогулокъ въ каретѣ и красивая рѣшетка. Здѣсь принимаютъ почтенныхъ путешественниковъ, и они могутъ найти Англійскій *комфортъ*, самый полный и самый упороченный. Въ четверти лѣе отъ города обширное зданіе, называемое female Factory. Въ немъ заключаютъ женщинъ, которымъ почтидаютъ неприличнымъ дать свободу по прибытіи ихъ въ колонію, а также и тѣхъ, которыя поведеніемъ своимъ въ колоніи оказались недостойны свободна-

го жишья. Хотя эта пюрма окружена со всѣхъ споронъ спѣнами, Фушовъ 12 вышиною, но ловкія преступницы нерѣдко находятъ средство перескочить такое препятствіе.

Парамашта расположенъ по долинь, окруженной пригорками; солнечные лучи скопляются шущъ со всѣхъ споронъ, и пошому шемперашюра здѣсь всегда выше Сиднейской 3-мя и 6-ю градусами. Следствіемъ этого бываетъ продолжительная и жестокая засуха въ лѣтніе мѣсяцы. Тогда всѣ здѣшніе зеленые ковры и цвѣточные баскеты обнажаются и вянутъ. Въмѣсто дѣятельнаго и блестящаго произрастанія видите все въ пыли, безцвѣтнымъ, безводнымъ и безлиственнымъ.

Мой Капишанъ не хотѣлъ пребыть въ Сиднеѣ болѣе двухъ недѣль, и не смотря на все мое желаніе, я не могъ посѣтить Башурсшовыхъ долинь за Сидними горами. За шо времени оставалось у меня доспащочно взглянуть на замѣчательныя мѣста Кумберланда и Новаго Южнаго Валлиса. Молодой Англіійскій докшоръ, по имени Гарри, съ кошорымъ мы хорошо познакомились, предложилъ мнѣ руководствовашъ меня по здѣшней споронъ, извѣстной ему во всѣхъ направленіяхъ. Мы наняли въ Парамашта красивую жигу, запряженную двумя бодрыми лошадьми, и раннимъ ушромъ на другой день пустились къ Виндзору.

Отъ Парамашта до Виндзора счишаютъ 21 милю, что переѣзжаютъ въ нѣсколько часовъ. Виндзоръ находится на берегахъ Говкесбури, прекрасной рѣки, кошорая становится прѣсною только въ

60-ти миляхъ отъ ея устья, въ 30-ти передъ Виндзоромъ. Это прекрасное мѣстечко, поставленное на вершинахъ Синихъ горъ, которыя возвышающіяся здѣсь послѣдовательными террасами, одѣтыми на всемъ протяжении ихъ вѣчно зелеными лѣсами, до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ горизонтакъ западу.

До сихъ поръ здѣсь только одна улица, достойная сего названія, обставленная домами и садами, хорошо расположенными и хорошо содержимыми. Должно упомянуть о красивомъ помѣщеніи управленія здѣшняго, двухъ церквахъ, шюрмѣ, судѣ, казармахъ для военныхъ и ссыльныхъ, двухъ хорошихъ гостинницахъ, и наконецъ объ лавкахъ, гдѣ продаются всѣ необходимые для жителей товары. Плодородіе почвы, безпрестанно подкрѣпляемое разливами рѣки, дѣлаетъ Виндзоръ весьма значительнымъ. Каждый годъ вывозятъ отсюда большое количество хлѣба.

Противъ него, на другомъ берегу Говкесбури, находится селеніе Викберфорсъ, а за тѣмъ Ричмондъ, оба весьма значительныя и миляхъ въ пяти разстояніемъ отъ Виндзора.

Въ 12 миляхъ отсюда находится селеніе Эму (Emu-Ford), тамъ, гдѣ дорога изъ Батурсна пересѣкаетъ рѣку въ бродъ и входитъ въ обширныя и плодоносныя долины Эму, образующія съ сей стороны подолье Синихъ горъ. На протяжении 12-ти миль почва удивительно плодоносна, хотя и подвержена наводненіямъ, причиняемымъ разливіемъ рѣки. Передъ Эму находится ферма правительственная,

гдѣ множество ссыльныхъ употребляется на разныя работы и особенно для возрожденія табаку и хлѣба.

Мы остановились въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе у помѣщика Джамисона, имѣющаго прекрасную усадьбу на вершинѣ одного холма, откуда открывается прекрасный и обширный ландшафтъ—рѣка, веселыя, плучныя равнины Эму и великолѣпный видъ на Синія горы. Источникъ свѣжей воды—неоцѣнимое сокровище въ Новой Голландіи, течетъ подлѣ усадьбы. Владѣнія Джамисона занимаютъ обширнѣйшее пространство. Около 1000 арпоновъ земли расчищены и даютъ въ обиліи всѣ роды произрастаній. Сиръ-Джонъ славится въ колоніяхъ своимъ неисчислимымъ госпепріимствомъ. Его сельское убожище мѣсто сборища лучшаго Сиднейскаго общества. Въ паркѣ его множество ручныхъ кангуровъ. Когда я прогуливался здѣсь, одно изъ эшихъ живошныхъ приблизилось ко мнѣ. По его огромному роспу, по его важному и почтенному виду, я почелъ его старшиною всѣхъ другихъ. Онъ подошелъ ко мнѣ такъ крошкно, такъ ласково, легъ подлѣ меня, дружески обнюхивалъ меня, какъ будто приглашая поласкаться его. «Берегитесь мошенника!» вскричалъ Гарри; «вопъ вы увидите.» Дѣйствительно, Докпоръ началъ ласкаться кангуру; плушъ игралъ съ нимъ, положилъ свои переднія лапы на плеча Гарри, и вдругъ, укряпясь на своемъ хвостѣ, задними лапами такъ сильно толкнулъ онъ Докпора, что мой сопушникъ оплелѣлъ шаговъ на пяшъ и упалъ на праву, хошя и предвидѣлъ проказу. Хип-

рый кангуру давалъ эшимъ знатьъ людямъ, чшобы они и объ немъ подумали и поискали чего нибудь въ карманахъ для уполенія его прожорливосши. Кангуры весьма жадны, и ѣда кажется главнымъ занятіемъ ихъ. Когда мы сѣли за ужинъ, кангуру прокрался въ распворенныя двери споловой, переважно спалъ за стуломъ Гарри на заднія лапы, какъ будто слуга, замѣчая всѣ движенія своего сосѣда, прерпля его опъ времени до времени лапою, какъ будто прося подачки за своюу чпивость. Не полагая прежде, чшобы кангуры могли сдѣлаться до такой степени домашними живошными, я занимался съ нашимъ проказникомъ долго и не могъ налюбоваться имъ.

Неподалеку опъ жилища Сиръ-Джона, Говкесбури (пуземное имя ея *Варраганба*) печепъ черезъ дикія ущелья, гдѣ утесы перемыкають ей пушь и образують водопады. Пріятна прогулка опсюда въ Регенпъ-Гленъ. Тамъ берега рѣки сближены, возвышены, утесисты; вѣшви деревъ проспираются съ нихъ, и какъ будто образують сводъ надъ рѣкою, а кустарники, усяянныя цвѣтами, покрывають нагошу спремнинъ, выходя изъ ращелинъ.

Первый слѣдующій далѣе городъ естъ *Ливерпуль*, въ округѣ Бринджеллійскомъ, на западъ ограниченъ цѣпью Синихъ горъ, а на югъ долинами къ заливу Cow-Pasture. По обширности своей Ливерпуль слѣдуетъ непосредственно за Виндзоромъ; онъ находится на Георгіевской рѣкѣ, впадающей въ море въ Болганибейскомъ заливѣ. До самаго устья рѣка

эша, по прямой линіи, не болѣе 12 миль, но можно положить вдвое, если счищать всѣ ея извилины. Небольшія суда ходящъ по ней до самаго Ливерпуля. Эшотъ городъ, занимающій обширное пространство, оплщается прямыми улицами; въ немъ есть церковь, судъ, пюрма, казармы для солдатъ и ссыльныхъ, общая госпиталь, много хорошихъ гостинницъ и магазиновъ. Народонаселеніе не превышаетъ 1000 душъ. За 15 лѣтъ, на мѣстѣ всѣхъ эшихъ домовъ, улицъ, зданій, находилась только одна огромная доска, прибитая къ дереву, на которой было написано: This is Liverpool (здѣсь мѣсто Ливерпуля). Ни одинъ домъ, ни одна казарма не были застроены. Но Ливерпуль былъ перекресткомъ двухъ дорогъ: одной въ богатые округи Айрда, Аппира, Илавапа, а другой на Ю., въ области Ашожиль и Камбденъ. Быстрое, постепенное заселеніе эшихъ земель ускорило устройство Ливерпуля, и все показываешь, что со временемъ будетъ онъ болѣе и болѣе распространяться.

Чрезвычайно любопытно наблюдать въ долинахъ Коу-Пастурскихъ, что успѣли Англичане извлечь изъ здѣшней земли. Тутъ фермы и спада помѣщика Макъ-Аршура, произведенія коихъ составили торговую славу Новаго Южнаго Валлиса. Жилища поставлены тушъ, съ разными заведеніями, на возвышеніи, въ полумилѣ отъ рѣки, и все помѣстье занимаетъ болѣе 1000 акровъ земли. Эшо цѣлый уѣздъ, состоящій изъ безлѣсныхъ, слегка холмистыхъ побережьевъ, по которымъ разстилаются превосходныя пастбища. Самое побережье, утущае-

мое наплавомъ, даешъ хлѣбъ и кукурузу лучшихъ соршовъ.

У меня не доспавало времени обозрѣть всѣ богатства внутреннихъ земель. Послѣ сушочнаго пребыванія въ Ливерпуль, мы поворопили обратно съ Гарри въ нашей джигѣ, и одного дня довольно было для насъ добрашья до Сиднея, по дорогѣ, ровной какъ аллея, широкой, прямой, вымощенной по системѣ Макодама, словомъ, такой дорогѣ, какія пролагаютъ Англичане во всѣхъ своихъ колоніяхъ. Эпо первое дѣло, копорое здѣсь доведено до совершенства.

По возвращеніи въ Сидней, едва подъѣхали мы къ нашей гостинницѣ, какъ я увидѣлъ двери ея окруженными полудюжиною какихъ-то спранныхъ чудаковъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ шляпѣ съ галунами и длиннымъ чернымъ перомъ, въ синей венгеркѣ съ бранденбургами, довольно похожей на такую, какія носятъ высшіе Англійскіе чиновники, въ сапогахъ, въ панталонахъ, и—все эпо было запачкано и висѣло лоскушьями. На груди чудака блиспала большая мѣдная бляха. Товарищи эпого шупа были въ разодранныхъ рубашкахъ и дыровашихъ калесонахъ. «Чпо эпо за нищіе,» спрашивалъ я у Гарри, — «и эпошъ шупъ какъ будпо командиръ ихъ?»—Гарри расхохотался. «Какъ?—сказалъ онъ — вы еще не знаете власпишеля здѣшнихъ земель, короля Бунгари?—«Вовсе не знаю.»—Эпо Бунгари, начальникъ Авспральныхъ племенъ, копорымъ принадлежала нѣкогда земля, гдѣ построень Сидней. Кажешся, визипъ его опноспся къ вамъ. Чупъ

явился въ Сиднеѣ какой нибудь новый человѣкъ, онъ почитаетъ обязанностью явиться и требовавъ себѣ подарка. Это немного надѣдаетъ прїѣзжему, но имѣетъ свою любопытную сторону, и при томъ его Австралійское величіе не дѣлаетъ много убытка, доволенъ малымъ, на примѣръ, бутылкой джина, либо водки. Посмотрите, вотъ подлѣ него въ лохмотьяхъ его знаменитая сожигельница, а эпископы и главные вельможи и храбрѣйшіе полководцы племенъ Гуа-Гальскихъ! Видно, по прїѣзду вашему, Бунгари былъ въ опсупствіи, и вотъ онъ спѣшилъ исполнить свою обязанность и взялъ съ васъ дань.

И точно. Только что вышли мы изъ нашей коляски, знаменитый Бунгари подошелъ ко мнѣ, снялъ шляпу и раскланялся учтиво нѣсколько разъ. Я отвѣчалъ ему шѣмъ-же съ самою комическою важностью. Непонятнымъ Англійскимъ языкомъ Его Величіе поздравилъ меня съ прїѣздомъ въ его владѣнія, и прибавилъ довольно ловко, что онъ, какъ власишель здѣшнихъ земель, надѣется на мое великодушіе. По наущенію насмѣшливаго Гарри, я казался непонимающимъ, въ чемъ тутъ заключается дѣло. Тогда Его Величіе заговорилъ опредѣленнѣе, и просто попросилъ отъ меня бутылку бренди (водки). «Охотно, знаменитый Бунгари,» отвѣчалъ я—«только завтра, а не теперь.» Забавно было, какъ при этой дипломатической опговоркѣ измѣнилась фізіогномія великаго Бунгари! Его уклончивое болтанье перешло въ неопступную навязчивость.—No, massa—говорилъ онъ—no fomara; de-

rekle, brondy, derekle! Это значило: No, master, not to morrow; directly, brandy, directly—(нѣтъ, господинъ, не завтра, а потчасъ водки, потчасъ)! Я не хотѣлъ долѣе спорить противъ знаменишаго любителя *бранди*, шѣмъ болѣе, что онъ могъ быть мнѣ полезенъ для узнанія нравовъ здѣшнихъ туземцовъ прежде колонизаціи Англичанъ. Рука моя протянулась къ нему съ цѣлымъ пласпромъ. Такая неожиданная щедрость имѣла дѣйствіе громовое. Въ восторгъ Бунгари запрыгалъ, сначала самъ и одинъ, а потомъ, по данному имъ знаку супругъ и вельможамъ, запрыгали всѣ, и вся эша шайка предспавила мнѣ своими прыжками самую смѣшную, какую только можно себѣ вообразить, картину. Прыжки перешли въ пляску. Это былъ родъ марша, состоявшаго въ скачкахъ нелѣпыхъ и тяжелыхъ, похожихъ на кангуровые. Наконецъ, подойдя ко мнѣ и сжимая мнѣ руку съ величайшею ласковостью, Бунгари объявилъ, что всѣ они, онъ и его супруга, готовы къ моимъ услугамъ. Я спѣшилъ воспользоваться, и при помощи Гарри, понимавшаго очень хорошо его непонятное болшанье, предложилъ ему родъ вопроса, на что Бунгари ошвѣчалъ весьма охотно. Мы вошли въ мою комнашу, куда допустилъ я только Бунгари и жену его, а чтобы лучше пріобрѣсти ихъ дружбу, велѣлъ принести имъ добрый спаканъ водки. Бунгари проглотилъ его, не поморщившись, но прежде раскланялся самымъ учтивымъ образомъ, чуть не до земли. Какъ ни жаденъ былъ онъ къ водкѣ, однакожь оставилъ на доньшкѣ спакана немного драгоцѣннаго напитка

и опдалъ спаканъ женѣ; знаменипая власпишельница проглотила свою долю такъ спокойно, какъ будто это было молоко.

Со всевозможною учпивоспью опвѣчалъ попомъ Бунгари на всѣ наши вопросы. Мы узнали, что теперь великій власпишель обремененъ чрезвычайно важными дѣлами по управленію своимъ народомъ. Дѣло шло о конгрессѣ для рѣшенія споровъ, возникшихъ между различными племенами въ окрестностяхъ Сиднея. Тушъ же великіе керредки вздумали исправлять торжеспвенный обрядъ гна-лунгъ. Обрядъ эшопъ состоипъ въ томъ, что выбиваютъ по зубу у каждаго дикаря, пришедшаго въ совершенный возрастъ. Пригопшвленія къ споль обширнымъ дѣламъ, выборъ мѣста, устанопленіе безчисленнаго множеспва подробностей, соединенныхъ съ обрядомъ, все это заспавило уже спаршинъ нѣсколько разъ собирапсь для полкованій, и самъ великій Бунгари принужденъ былъ оплучипсь изъ Сиднея, для подспвержденія своею власпью положеннаго на совѣпахъ. Водка развязала языки моихъ госпей, и они наговорили мнѣ сполько о гна-лунгъ и обо всемъ, что возбудили мое желаніе посмопрѣть, что такое будетъ у нихъ дѣлапсь. Бунгари вызвался самъ провожапъ меня, и я охопно согласился. Было уже поздно, и мы раскланялись съ знаменипыми посѣспшпелями, пошедшими опъ насъ пвердо, но уже довольно на веселѣ.

«Докпоръ!» сказалъ я, обращаясь къ Гарри; «вошъ люди почпи живоппныя; и какъ же вы сорокъ лѣтъ живепе съ ними, и они остаюпсь споль-же

скопоподобны, какъ и прежде вашего здѣсь поселенія? Одному только научились они опъ васъ пороку, который и образованнаго человѣка низводитъ на степень скопа—пьянству!»—Вы правы—опвѣчалъ Гарри—эти люди болѣе скопы, нежели человѣки; но не думайте, чѣобы не старались очеловѣчить и образовать ихъ. Ничто не помогаетъ: ни филантропическія старанія колонистовъ, ни духовная ревность миссіонеровъ. Всяческія заботы объ нихъ пропали по пустому; инстинктъ дикости и бродяжничества всегда преодолагаетъ все, что для нихъ дѣлаютъ. Думая пріучить ихъ къ жизни осѣдой, Губернаторъ Маккари построилъ было подлѣ Сиднея опряный домикъ, окруженный садомъ. Онъ опдалъ его въ распоряженіе дикарей, обитающихъ окрестъ Портъ-Джаксона. Подарокъ явился бесполезнымъ. Садъ скоро заглохъ опъ необработки, и дикари приходили только иногда въ домикъ укрываться опъ непогоды, но ни одинъ не захотѣлъ опказаться опъ бродяжничества. «На что вамъ дома?» спросили однажды у Бунгари. «*Marî boudjrgî, Massa, poss î gain.*» опвѣчалъ онъ (они надобны, когда дождь идетъ). Тотъ-же Губернаторъ основалъ неподалеку опъ Параматта училище, гдѣ даромъ хотѣли учить молодыхъ дикарей. Приманка хорошей ѣды сначала привлекла было нѣсколько дикаренковъ, но вскорѣ надобло имъ сидѣнье на мѣсѣ, шакъ, что они лучше согласились терпѣть бѣдную и тяжкую жизнь своихъ земляковъ, нежели оставаться въ училищѣ сытыми и спокойными. Теперь заведеніе совсѣмъ брошено.

«Изъ множества безполезныхъ опытовъ передать образованіе эпімъ дикарямъ, вопшъ два примѣра, весьма замѣчательные. Основатель колоніи, Губернапоръ Филлипъ, допустилъ къ себѣ, въ 1788 году, Австралійца Бенилонга, оказавшаго разныя услуги первымъ колониспамъ. Онъ сажалъ его съ собою за столъ, и когда отправился въ Англію, въ 1792 году, то взялъ его съ собою, держалъ у себя въ домѣ до 1795 года, временн назначенія Капитана Гуншера на Губернапорское мѣсто въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Бенилонгъ отправился съ Гуншеромъ, продолжалъ въ Сиднеѣ житье у Губернапора и объдалъ съ нимъ вмѣстѣ. Нѣсколько времени послѣ возврата на родину, дикарь велъ себя весьма хорошо. Думали, что онъ убѣдился въ выгодахъ образованія, и уже никакъ не полагали, чшобы онъ оставилъ свое спокойное житье на кочевое шашанье по лѣсамъ съ земляками. Но всѣ ошиблись въ надеждахъ. Сначала онъ посѣщалъ своихъ родичей, не чувствуя никакой охоты съ ними ошашься, но мало помалу привычки юности пробудились въ немъ съ такою силою, чшо кочеванье въ лѣсахъ показалось ему истиннымъ счасшьемъ. Онъ не вытерпѣлъ, скинулъ съ себя плашье и убѣжалъ навсегда опъ Европейцовъ, такъ, что его болѣе никогда не видали. Почтенный Мареденъ вспрѣщился съ Бенилонгомъ въ лѣсахъ и рассказывалъ, чшо вновь принявши всѣ нравы и обычаи дикарей, Бенилонгъ нисколько не сожалѣлъ о выгодахъ Европейскаго просвѣщенія.

Другой примѣръ, рассказанный тѣми-же свидѣте-

лями. Маредень говоришь, что онъ зналъ дикаря, принадлежавшаго къ племенамъ Парамашскимъ. Англичане прозвали его Даниломъ. Это былъ весьма красивый молодой человекъ. Ботанистъ Калей взялъ его къ себѣ и держалъ у себя нѣсколько лѣтъ. Возвращаясь въ Англію, Калей уговорилъ Данила ѣхать вмѣстѣ. Здѣсь прожилъ онъ долго, и какъ Калей былъ чиновникомъ при покойномъ Банксѣ, то Данило введенъ былъ во всѣ лучшія Лондонскія общества. Наконецъ ворошился онъ въ Новый Южный Виллисъ, и Маредень съ изумленіемъ увидѣлъ его въ лѣсу, немедленно послѣ его возвращенія, миляхъ въ восьми на сѣверъ опѣ Парамаша. Онъ былъ нагой, и ничѣмъ не опличался опѣ другихъ земляковъ. «Я изъяснилъ ему мое удивленіе (говоришь Маредень) о томъ, какъ могъ онъ оставить плащъ и скинаться по лѣсамъ, но онъ отвѣчалъ, что житье въ лѣсахъ для него первое наслажденіе въ свѣтѣ.» Вскорѣ потомъ Данило встрѣшилъ молодую Англичанку изъ свободныхъ колонистокъ, когда бѣдная женщина возвращалась къ своему опцу, миляхъ въ трехъ опѣ Парамаша. Данило позволилъ себѣ неистовство, сродное дикарю, былъ преслѣдуемъ за то, повѣшенъ, и умеръ дикаремъ, безчувственнымъ и скопоподобнымъ, не смоя на всѣ выгоды, какія могъ видѣть въ общественной нашей жизни.

«Поперявши всякую надежду на успѣхъ, Англійское правительство рѣшилось оставить здѣшнихъ дикарей на бродяжничество по волѣ ихъ, и только

требуютъ отъ нихъ уваженія къ собственности колоній и прикрытія безстыдной наготы, если они являющіяся въ города. Кромѣ частныхъ нарушеній, то и другое условіе равнобрно уважающіяся дикими. Прибрежные туземцы мирно живутъ между нами и довольствуются только надобданьемъ, выкапывая себѣ запасовъ и водки, до которой они страстные охотники. Но во внутреннихъ областяхъ часто бывающія жестокія схватки между Англичанами и дикарями. Дѣло доходитъ до кровопролитія. Иногда нападаютъ дикари; случается тоже и со стороны Европейцевъ, но въ обоихъ случаяхъ принуждены посылать военные отряды для усмиренія безпокойствъ. Почти за достоверное можно сказать, что прибрежные жители не людоеды, но множество есть свидѣтельствъ, что обитатели горъ и лѣсовъ внутреннихъ бьютъ иногда Англичанъ для того только, чтобы сожрать мотомъ ихъ трупы.

«Но эти уроды, по видимому, столь глупые и грубые, не лишены однакожъ здраваго разсудка. Рассказываютъ о Бунгари самомъ весьма забавную черту необыкновенной памяти. Лѣтъ 10-ть, или 12-ть тому, сопровождалъ онъ, Капитана Кинга, при его обзорѣннѣ сѣверныхъ береговъ Австраліи, и показъ при семъ случаѣ много опытовъ дѣятельности и усердія. Присутствіе его не рѣдко бывало полезно при сношеніяхъ, какія старались заводить съ дикарями. Какъ переводчикъ, онъ оставался безполезенъ, ибо языки Австралійцевъ различны на весьма малыхъ разстояніяхъ. Такъ, на примѣръ, нарѣ-

чїя племенъ на сѣверномъ берегу не представляющъ ни малѣйшаго сходства съ языками дикарей Новаго Южнаго Валлиса. При остановкѣ на Тиморѣ, Бунгари, выйдя на берегъ, тотчасъ отправился къ торговцу джиномъ, выпилъ порядочную порцію и опдалъ пїасиръ, пребуя сдачи. У купца не случилось мѣлкой монеты; онъ взялъ пїасиръ и сказалъ, что сосчитаются въ другой разъ. Но корабль тотчасъ пустился въ море, и Бунгари принужденъ былъ оставить долгъ за купцомъ. Онъ не позабылъ объ немъ. Когда на слѣдующій годъ корабль опять остановился близъ Тимора, Бунгари прямо пошелъ къ своему должнику, напомнилъ ему о долгѣ, и допилъ остальной джинъ, который слѣдовалъ ему за пїасиръ, данный въ прошломъ году.»

По обѣщанію своему, Бунгари явился въ назначенный для праздниковъ день въ мою гостиницу. Въ девять часовъ утра нестройныя, пронзительныя крики возвѣстили мнѣ прибытіе его шайки. Бросившись къ окошку, я увидѣлъ съ дюжину дикарей, раскрашенныхъ бѣлымъ, чернымъ и краснымъ. Впереди всѣхъ горделиво шествовалъ Бунгари. Онъ одинъ вошелъ ко мнѣ, возобновилъ свои поклоны, но только былъ на сей разъ развязнѣе какъ-то и ловчѣе, будто чувствуя, что теперь является въ санъ власпителя, готовясь исполнять важныя обязанности свои. Ничего не было въ немъ теперь нищенскаго, попрошайки, бродящаго за пїаспромъ и спаканомъ джину. Вымытый, съ лицомъ раскрашеннымъ неправильными полосами красной охры, онъ казался молодцомъ, и какъ будто помолодѣлъ

двадцатью годами. Я предложилъ ему стаканъ рому, но онъ выпилъ только половину, давая разумѣть, что ему надобно сберечь свѣжую голову для бивъ, какія надлежитъ выдержатъ. Онъ просилъ меня попорочиться, потому что его храбрые воины нетерпѣливо ждали его, боясь придти послѣднѣе на поприще славы и чести.

Мы отправились, Гарри и я, и слѣдовали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дикарей. Толпу ихъ составляли человекъ двадцать, шедшихъ мирно, пока были въ городѣ. Но едва вступили мы въ поле, началось шествіе парадное. Дикари, то бѣжали поспѣшно, пробѣгая кустарниками, то вдругъ останавливались и начинали свой воинскій танецъ. Такъ прыгая и подплясывая, мы добрались на небольшую равнину, возвышенную надъ Порпъ-Джаксономъ и Бопанибе-емъ. Тутъ мѣсто было очищено отъ кустарниковъ, и казалось превосходно приготовленнымъ для дикарскихъ забавъ. Уже множество племенъ сидѣло тутъ въ окружномъ кустарникѣ и въ лѣсу. Вступивши на мѣсто позорища, Бунгари и его товарищи прошли по немъ торжественно, какъ будто вызывая на биву непріятелей и поджигая ихъ мужество. Совершивъ сей обрядъ, они удалились и дали мѣсто другимъ, которые дѣлали тоже самое.

Вскорѣ, по данному знаку, всѣ племена пошли изъ кустарниковъ, двигаясь къ сценѣ бивъ кучками, человекъ по 15-ти и по 20-ти. Каждый дикарь былъ вооруженъ дропикомъ, щипомъ, дубиною и вомерангомъ. Бунгари приспавилъ къ намъ родъ чичероне, дикаря, который за тяжелою раною не

могъ участвовати въ битвѣ, и оставался подле насъ. Онъ исчислялъ намъ, одно за другимъ, всѣ племена, по мѣрѣ вступленія ихъ на площадку: Сидней, Параматта, Эму, Бопанибей, Виндзоръ, Иллара, Морригонгъ, Моррумбиджи и множество другихъ, копорыхъ я не припомню. Всѣ дикари были размалеваны краснымъ, бѣлымъ и чернымъ. Каждое племя отличалось формами и цвѣтомъ своей раскраски. Изъ всѣхъ особенно замѣнилъ я племя Морригонгское, состоявшее почти сплошь изъ людей малолетнихъ. Но они были всѣ сильны и ловки; мясистыя и стройныя части тѣла ихъ составляли противоположность съ широкими и неловкими формами прибрежныхъ дикарей. Вѣроятно, такимъ преимуществомъ одолжено это племя пищу, болѣе изобильной и существенной. Раскраска на груди изображала у нихъ родъ ношъ, и это не мало способствовало ихъ воинскому виду.

Дѣло началось около полудня. Прежде всего спалъ посреди молодой дикарь звѣрскаго вида. Одинъ и нагой, онъ имѣлъ только въ рукахъ деревянный, узкій и продолговатый щитъ. То былъ знаменитый воинъ. Въ битвѣ одинъ на одинъ, бывшей когда-то прежде между нимъ и дикаремъ сосѣдняго племени, онъ вѣроломно убилъ своего противника, когда щитъ хотѣлъ только взяться за дубину. Такое злоумышленіе могло омыться только кровью убійцы. Этому не ожидалъ побѣдитель, бѣжалъ, скрылся, но утомленный бродящею и бѣдною жизнью, явился снова добровольно и предоставлялъ искупить вину его мстителемъ публично. Пятеро друзей покойника

должны были, поочередно, кидать въ него копья въ 15 шагахъ разстояніемъ. Это былъ первый опытъ наказательнаго дѣла. Убійца вышелъ изъ него весьма счастливо; щипомъ и малымъ наклоненіемъ тѣла онъ избавился отъ всѣхъ дропиковъ. Второе испытаніе было не столь удачно: по пяпи сагаевъ надлежало кидать въ злодѣя въ одно время и въ нѣсколько пріемовъ. Два раза избѣжалъ онъ явной опасности, но въ третій однимъ копьемъ его ранили. Тотчасъ поднялся ужасный крикъ. Друзья раненаго вступили въ посредничество, и хотя мспители хотѣли продолжать метанье копей, но ихъ тотчасъ убѣдили, что отмщеніе уже доспапочно. Раненый удалился къ своимъ, и ему принялись перевязывать рану.

Послѣ этой нелѣпой сцены явились пяпъ дикарокъ и спали полукругомъ, каждая держа въ рукахъ корошкую палку. Неподалеку отъ нихъ спали трое дикарей, каждый со щипомъ. Весь этотъ народъ обвиняли въ убіеніи дикаря изъ сосѣдняго племени. Наказаніе женщинъ долженствовало состоять въ извѣстномъ количествѣ ударовъ палкою; но для чепырехъ изъ нихъ исполнили правосудіа удовольствовались только видомъ, будно, бьютъ бѣдныхъ дикарокъ. Пяпая не разсчиталась такъ дешево; ее били столь жестоко по груди, что она падала на землю, подымалась и сама должна была подавать палку своему палачу. Намъ говорили, что эта несчастная была особенно виновна въ преступленіи.

За тѣмъ перешли къ мужчинамъ. Двѣнадцать челоуѣкъ помѣспились въ 15-ти, или 20 шагахъ

опѣ нихъ, и бросали въ нихъ сагаи, отбиваемые щипами съ величайшею ловкостью, хопя и нападающіе дѣйствовали весьма искусно. Нѣкоторые изъ сагаевъ вонзались на дюймъ и на два въ корковые щипы. Иные вонзались въ землю. Шагахъ въ 30-ти далѣе, одинъ дикарь, пославленный подлѣ виноватыхъ, отбрасывалъ копьа обратно мщителямъ. Иногда перебрасывали ихъ назадъ сами преслупники, подсмѣиваясь надъ неловкостью бросавшихъ. Такимъ образомъ перекинуто было копей пятьдесятъ, послѣ чего отпустили виноватыхъ, какъ потерпѣвшихъ довольно наказаніе.

Топчасъ явился дикарь изъ племени Илавара, уличаемый въ шомъ, что ночью, измѣннически, нанесъ нѣсколько ударовъ кинжаломъ другому дикарю изъ племени Морригонгъ. На сей разъ самъ обиженный долженъ былъ наказать виноватаго. Преслупнику дали въ руки щипъ, и при помощи его успѣлъ онъ отбить пятнадцать копей, брошенныхъ въ него по одиначкѣ шагахъ въ 15-ти разстояніемъ. Взяли у него щипъ, и еще десять копей отбилъ онъ легкимъ движеніемъ плеча и взмахомъ руки. Тушъ отдали ему щипъ, но привязали руку къ плечу, выше локтя. На сей разъ попало въ него копье, вонзаясь въ связанную руку, и хопя рана была не важна, но кровь потекла обильно. Наказаніе почтено достапочнымъ.

Тушъ два опряда, каждый человекъ изъ 25-ти. со щипами и копьями, кинулись другъ на друга. Оба взаимно наносили сильные и жестокіе удары, Хопя смѣшанная по виду, битва сія была произво-

дима въ удивительномъ порядкѣ и стройно. Сражающіеся оказывали хладнокровіе и смѣлость превосходно. Бунгари принималъ участіе въ турнирѣ съ большимъ опличіемъ. Онъ былъ непоследній изъ мастеровъ бросающъ копье и отбивающъ удары своихъ противниковъ. Надобно было только зрителямъ, собравшимся въ большомъ числѣ, принимать большую предосторожность, ибо сражавшіеся безпрестанно перемѣняли положенія, и по видимому мало заботились о томъ, не долетятъ-ли ихъ копья до свидѣтелей ихъ храбрости. Ничего непріятнаго однакожь не вышло, хотя нѣсколько копей упало подлѣ ногъ нашихъ. Битва продолжалась нѣсколько часовъ одинаково стройно, и никто не былъ изувѣченъ.

Мы съ Гарри не дождались ея конца, и почли болѣе любопытнымъ посмотрѣть на окружность турнира, гдѣ по лѣсу расположились кочевьемъ всѣ различныя племена дикарей. Тутъ заглянули мы въ шалаши, гдѣ находились тогда женщины и дѣти. Дикарки казались встревоженными тѣмъ, что будетъ слѣдствіемъ начатой битвы. Онѣ изъявляли желаніе поскорѣе ворошиться въ свои уединенныя лѣса, и спрашивали, чтобы начальники семействъ не поспрадали въ смятеніи драки. Всѣ эти дикарки вообще были самой непріятной фізіогноміи, хотя у нѣкоторыхъ, которыхъ помоложе, формы казались довольно складны, и большіе черные глаза ихъ имѣли что-то угрожающее, не смотря на дикое ихъ выраженіе. Обошедши всѣ таборы дикарскіе, мы увидѣли, что въ собраніи здѣсь долженствовало быть не менѣе

пяпи сопъ Авспралійцовъ обоого пола и всякихъ возрастовъ. Собранія споль многочисленныя здѣсь весьма рѣдки, и для того, которое было теперь передъ нашими глазами, надлежало придти полови-нѣ всего народонаселенія туземнаго съ простран-ства на тридцать лѣтъ кругомъ.

Мнѣ хотѣлось узнать, чпѣ сдѣлалось съ бѣдною женщиною, получившею давеча жестокое наказаніе, но въ это время раздался сильный и всеобщій вопль дикарей. Гарри обезпокоился. «Надобно остеречься,» сказалъ онъ; «у этихъ скоповъ не рѣдко шушка кончится убійствомъ!» Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ важно; причиной смятенія былъ дикарь, котораго довольно жестоко ранили, и теперь тащили съ поля битвы. Копье попало ему въ бокъ и вонзилось довольно глубоко. Обломокъ вынули, рану высосали и раненаго перевязали пряпками. Хотя рана была жестокая, операція довольно мучительная, но спрадалецъ не испустилъ ни одного спона. Женщины и дѣти его семьи рыдали вокругъ него и спенали жалобно. Мнѣ сказали, чпѣ раненый назывался Уру-Море, былъ изъ племени Виндзорскаго, и обвиненъ въ убійствѣ одного изъ его родспвенниковъ. Въ числѣ доказательствъ вины его приводили сонъ, видѣнный однимъ изъ спаршинъ племени убишаго. Этого достапочно было для жестокаго наказанія на общемъ сборищѣ. Но потому ли, чпѣ положеніе обвиненнаго возбуждало общее учаспіе, или по недостапку доказательствъ положительныхъ, позволено было друзьямъ и родспвенникамъ его явиться съ нимъ вмѣстѣ и сражаться подлѣ него,

хотя онъ съ своей стороны долженъ былъ не имѣть права отбивать удары, ему наносимые. Долго бѣднякъ успѣвалъ увертываться отъ сагаевъ, но какъ въ него особенно мѣшили, то кончилось тѣмъ, что ранили его жестоко. Послѣ сего друзья бились еще нѣсколько минутъ за раненаго, но болѣе для формы, нежели въ самомъ дѣлѣ, ибо противники ихъ удалялись, и наконецъ совсѣмъ вышли изъ боя, довольные тѣмъ, что мщеніе было совершено.

Здѣсь кончились всѣ спорныя дѣла конгресса, ибо за тѣмъ слѣдовали только примѣрныя воинскія игры, забавныя пляски и киданье копей въ деревья. Нѣкоторые изъ дикарей бросали вомеранги, странное мешательное оружіе, которое взлепаетъ на значительную высоту, повертываясь безпрестанно, и падаетъ подлѣ ногъ того, кто его бросилъ. Это весьма ловко дѣлали всѣ дикари. Вомерангъ служишь имъ, кажется, болѣе для пошѣхи, нежели для бивы настоящей, потому что онъ не можетъ быть опасенъ, и изучивши странный полетъ его, совсѣмъ не трудно отъ него уклониться.

Первое дѣйствіе здѣсь заключилось, и многіе изъ присутствовавшихъ готовились уже къ отбытію, когда неожиданное приключеніе нарушило общее спокойствіе. Поднялся ужасный вопль; на средину позорища двое дикарей насильно тащили молодую дикарку. Несчастная сопротивилась отчаянно, цѣплялась за деревья и кусты, крича изъ всѣхъ силъ, но дикари не заботились ни о крикѣ ея, ни о сопротивленіи, и волокли ее насильно. Голова дикар-

ки билась о кусты, деревья, каменья; кровь несчастной мѣшалась съ ея слезами — зрѣлище было невыносимо! Я хотѣлъ даже броситься на помощь бѣдной спрадалицѣ. Гарри остановилъ меня. «Не вмѣшивайпесь,» говорилъ онъ мнѣ; «вѣдь эшо сватовство, и дикарка, можетъ бышь, согласна съ похищипелеми; она играетъ глупую комедію, но шакъ здѣсь водится.» На эшомъ разѣ онъ былъ не совсѣмъ правъ. Только чшо оба похищипеля привлекли свою жершву на средину луга, дикарь, близкій родсшвенникъ похищаемой, приблизился къ нимъ съ грознымъ видомъ, какъ будшо думая оспорить у нихъ добычу. Они готовились ему ошвѣчать, и уже мѣряли другъ друга глазами, когда прибѣжали съ разныхъ споронъ дикари другихъ племенъ, посредсшвовашъ въ дѣлѣ. Пользуясь начавшимся смяпеніемъ, какой-шо Англичанинъ, зришель происходившей сцены, бросился къ дикаркѣ, схватилъ ее, ушацилъ, и разогналъ палкою дикарей, хотѣвшихъ ему воспрошивипсья. Бѣдная женщина, казалось, съ благодарностью приняла засшупленіе богатыря, спряшлась за него, и по видимому, была весьма рада, избѣгнувши свирѣпсшва своихъ земляковъ. Тупъ дѣло совсѣмъ зашупалось. Превосходя силою, дикари толпою окружили Англичанина, и ему могло бышь плохо, еслибы другіе Англичане не уговорили его опшшупипсья опъ дикарки. Мужесшвенный сынъ Албіона ошавилъ бѣдную женщину; ее опяшь схватили похищипели и опдали подъ надзоръ воиновъ своего племени, а сами снова спали въ грозную позицію прошивъ зашщипника дикарки, ея родсшвен-

ника. Дѣло кончилось нѣсколькими копьями, переброшенными съ обѣихъ сторонъ.

Непонятное для насъ скоро объяснилось вполнѣ. Изъ племени Морригонгскаго похищили двухъ дѣвушекъ воины одного племени, кочующаго въ окрестностяхъ Сиднея. Чеспъ Морригонговъ требовала, чтобы взаимно двѣ женщины принадлежали имъ изъ племени похищителей. Сцена была подготовлена для торжественнаго мщенія. Назначили, какихъ дикарокъ похищать, и положили совершить это при торжественномъ собраніи, чтобы такимъ безспрашнымъ дѣйствіемъ совершенно изгладить безчестіе племени Морригонговъ. Масперовой, Англичанинъ, житель Сиднея, шопъ, который заступился за дикарку, узналъ все, и мѣсяца за два до конгресса увелъ къ себѣ одну изъ назначенныхъ къ похищенію дикарокъ. Недовольный эшимъ, онъ хотѣлъ завладѣть и другою. Но такой поступокъ былъ жесточайшимъ оскорбленіемъ обычаевъ дикарей, и опважному заступнику дѣло не могло пройти даромъ, еслибы онъ спалъ упорствовавъ. Упрямый Англичанинъ уступилъ, и красавица принуждена была идти за шѣмъ, кого назначили ей въ супруги законы ея земляковъ.

Площадка, гдѣ все это происходило, была неподалеку отъ Южной горы (Jouth-Head), находящейся въ разстояніи 5, 6 миль отъ Сиднея. Сюда идетъ прекрасная мощеная дорога, кончаясь у красиваго маяка, поставленнаго на вершинѣ высокаго пещаниковаго утеса. Этошъ самый маякъ завидѣли мы съ моря. Впрочемъ, насажденія въ этомъ мѣстѣ незначительны. Коегдѣ разбросаны сельскіе домики пріятной наружности,

но почва земли вообще малоплодна и большею частью покрыта еще произрастаніями, какія разсыпала на ней дикая природа. Нѣкоторыя изъ нихъ образуютъ купы прелестной зелени, покрытыя различными красивыми цвѣтами. Посрединѣ пуши, пропинка ведетъ къ опдѣльной площадкѣ, называемой Belle-Vue (красивый видъ), откуда съ одной стороны открывается море, а съ другой обширное пространство земли. Дорога къ Jouth-Head есть любимое гулянье Сиднейскихъ щеголей. Въ воскресенье пушъ все пространство, до самаго маяка, покрывается экипажами и всадниками верхомъ. Шумъ, движеніе, веселость, видъ богатства и образованности напоминаютъ здѣсь самые богатые города Европейскіе.

Знаменитый Бунгари обѣщалъ показать мнѣ обрядъ *гна-лунга*, и сдержалъ свое слово. Мы отправились съ нимъ мили за двѣ присутствовать при сей странной церемоніи, описанной Губернаторомъ Коллинсомъ столь вѣрно и точно, что изъ его описанія не лѣзя ничего ни прибавить, ни убавить. Вотъ драгоценныя подробности, показывающія вполне нравы Австралійцевъ.

На пространствѣ земли, нарочно приговоренномъ, дикари начали прежде всего пляски и игры. Это приговоренное пространство земли, 25 футовъ длины и 16 ширины, называется *ю-лангъ*. Послѣ совершенія предварительныхъ веселій, явились *керредаи*, или жрецы, которымъ предоставлено право совершать *гна-лунгъ*. Почти всѣ они принадлежатъ къ племени Кеммираи. Прибывши на мѣсто совершенія обряда, становятся они съ оружіемъ въ одномъ

углу площадки, между пѣмъ, какъ молодые дикари, копорымъ назначено вытерпѣть операцію, держащя въ другой споронѣ, окруженные родными и друзьями.

Церемонія началась входомъ на позорище толпы дикарей, вооруженныхъ и кричавшихъ особеннымъ образомъ, ударяя щитами и копьями, и подымая около себя сильную пыль. Одинъ изъ нихъ приблизился къ молодымъ дикарямъ, опдѣлился опъ толпы, схватилъ одного дикаренка, обернулся къ товарищамъ, и былъ привѣтствуемъ радостными ихъ криками, какъ будто они принимали похищеннаго подъ свое покровительство. Всѣ приготовленные такимъ образомъ къ операціи молодые дикари были переданы одинъ за другимъ на другую спорону ю-ланга. Ихъ было 15 человекъ, и они сѣли на землѣ, сложивъ подъ себя ноги, сжавъ руки и повѣся головы. Такъ надлежало провести имъ цѣлую ночь, не принимая никакой пищи.

Устроивши въ порядокъ свои жертвы, керредаи совершили нѣсколько таинственныхъ обрядовъ. Одинъ изъ нихъ распянулся на землѣ, и капался по ней, какъ сумасшедшій, пока взяли у него какую-то острую косточку. Куча дикарей окружила его, кричала, била его по спинѣ, какъ будто помогая освободиться опъ роковой косточки. Послѣ множества кривляній и усилій, шарлапанъ поднялся въ пошу и успалый, но показывая, что никакой боли не чувствуетъ. Такая проказа начиналась нѣсколько разъ, и каждый разъ керредаи показывалъ косточки, которыми прежде запасся, и копорыя, какъ всѣ

были увѣрены, онъ изъ себя выпаскиваетъ. Эпо, по изъясненію дикарей, дѣлается для полнаго убѣжденія молодыхъ дикарей, что при операціи имъ не будетъ сильной боли, ибо почтенный керредай предварительно уже мучился за нихъ.

Все эпо составляло предуготовленія и дѣло перваго дня. На другой день, при восхожденіи солнца, молодые дикари оставались всѣ еще во вчерашнемъ положеніи, а керредай явились въ числѣ 15, 16 человѣкъ, и нѣсколько обползли все проспранство ю-ланга на чепверенькахъ, какъ будто собаки; деревянные палки, привязанныя сзади у каждого, представляли что-то похожее на хвосты, будучи укрѣплены у пояса. Каждый разъ, когда они ровнялись съ молодыми дикарями, взбивали они на нихъ пыль и песокъ руками и ногами. Этимъ передавались молодымъ дикарямъ власть и преимущество надъ живошными, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывалась польза, какую живошныя приносятъ человѣку.

Немного спустя явились два дикаря, изъ кошорыхъ одинъ несъ подобіе кангуру, сдѣланное изъ шравъ и вѣшвей, а другой пучекъ вѣшокъ. Не смотря на легкость ношей, шовъ и другой показывали видъ, будто имъ очень тяжело тащить эти символы; они едва волоклись и оспанавливались, какъ будто отдыхашъ. Наконецъ оба носильщика положили свои мнимыя тяжесты подлѣ молодыхъ дикарей, и удалились, какъ будто испощенные трудомъ и усталостью. Этимъ передавалось право бишь кангуровъ; чучело значило самыхъ звѣрей, а пучекъ вѣшокъ лѣса, гдѣ они укрываются.

За симъ слѣдовала продолжительная перемѣнка, во время которой молодые дикари оспавались по прежнему неподвижны. И карредаи также удалились, прицѣплять къ спинамъ своимъ длинные хвосты изъ древесныхъ вѣтвей. Попомъ выступили они на позорище, подражая походкѣ кангуровъ, то прыгая на ногахъ, то оспанавливаясь и попирая рожи свои руками. Двое дикарей слѣдовали за ними въ кустарники, и казалось, выжидали только случая ударить ихъ копьями, между тѣмъ, какъ особенный дикарь билъ мѣру дубиною по щипу. Сею фигурою изображалась охота за кангурами, и дикари, которыми препоручено было представлять этихъ звѣрей, играли роли свои превосходно.

Прибывши опять на ю-лангъ, вся эта смѣшная куча народа прошла мимо молодыхъ дикарей, продолжая свои скачки и прыжки; попомъ, отбросивши далеко хвосты свои, каждый изъ актеровъ схватилъ одного молодаго дикаря, всѣ подняли ихъ на плеча и унесли на то мѣсто, гдѣ должно было разыгрывать послѣднее дѣйствіе комедіи. Неподалеку отсюда поставили молодыхъ дикарей на землю, наклонивъ имъ головы и сложивъ руки, какъ будто въ знакъ глубочайшаго благоговѣнія. Сзади спали многіе керредаи, съ копьями въ рукахъ. Впереди находились два пня, фушахъ въ 12-ти, или 15-ти одинъ отъ другаго разстояніемъ. На обоихъ сѣло по одному дикарю, а на плеча имъ взлѣзло еще по одному, и всѣ четверо протянули руки къ верху. Между пнями легло много дикарей еще, ничкомъ, одинъ подлѣ другаго.

Поспавили молодыхъ дикарей около этой сидящей и лежащей толпы, и съ приближеніемъ ихъ, шъ и другіе начали дѣлать глазами, ршомъ и вѣсѣмъ шѣломъ самыя безобразныя и опшврашпелъныя гримасы и кривляканья. Молодыхъ дикарей повели черезъ лежачихъ, и вѣсѣ лежачіе представляли умирающихъ, спеная жалобно и печально. Этимъ пріучали молодежь къ войнѣ и внушали имъ безспрашіе среди бипвѣ и опасностей. «Эшо очень хорошо,» опвѣчали дикари на наши вопросы, и увѣряли насъ, что послѣ шого молодые люди дерущся съ удивительною храбросшю.

Когда кончилась передача храбросши и безспрашія, сдѣлавши еще нѣсколько шаговъ, молодые дикари и Керредаи оспановились и молодыхъ дикарей опяшъ посадили одного подлѣ другаго. Схвавивъ свои щипы и копыя, Керредаи спали передъ ними полукругомъ. Въ срединѣ, оборошясь лицомъ къ шоварищамъ, споялъ Керредай, игравшій главную ролю во вѣсѣмъ обрядѣ. Въ одной рукѣ держалъ онъ щипъ, въ другой дубину, кошорою билъ мѣру по щипу. При прешѣемъ ударѣ эшого урода, бывшаго чѣмъ-шо въ родѣ первосвященника, кажется, вѣсѣ Керредаи задвигали копыями, опускали ихъ и въ одинъ махъ касались ими средины щиповъ. Эшо произведено было опмѣнно ловко и ровно, и означало право на употребленіе копыя.

Продолживши свои движенія нѣсколько минушъ, Керредаи приступили къ выбиванью зубовъ, главной цѣли вѣсѣхъ видѣнныхъ нами нелѣпосшей. Тяжкое эшо дѣло начали съ молодаго дикаренка, кошо-

рому было не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ; его посадили на плеча одного дикаря. Керредай, кошорому надлежало совершить операцію, взялъ косточку, одну изъ пѣхъ, кошорыя вчера вынималъ изъ себя съ такимъ трудомъ поварищъ его. Она была обдѣлана въ видѣ долопца, такъ, что легко можно было обрѣзать ею самый корень зуба подлѣ десны. Вырубили особенную вомору (палочку въ родѣ копьеца), въ 8 или 10 дюймовъ, приспавили одинъ конецъ ея къ зубу, и вышибли зубъ, ударивъ камнемъ по другому концу воморы. Бѣднаго мальчишка опнесли въ спорону и старались унять кровь изъ десны, а попомъ надѣли на него плащъ, какое долженъ онъ былъ носить послѣ того нѣсколько дней сряду. Плащъ это было тоже, что Римская тога совершеннолѣпныхъ, и состояло изъ пояса, на кошоромъ болталась съ боку деревянная шпага. Голову его окушали повязкою съ листьями ксанпоррей, бѣлизна кошорыхъ отражалась на дымчатомъ цвѣтѣ кожи дикаренка. Левую руку долженъ онъ былъ держать на рпѣ своемъ, не разкрывая его цѣлый день, не упохребляя пищи и не говоря ни одного слова. Всѣмъ молодымъ дикарямъ убавили такимъ образомъ по одному зубу, и во все время операціи присутствующіе кричали во все горло: «*вагъ — вагъ, гага, гага!*» съ видимымъ намѣреніемъ развлечь вниманіе спрадальцевъ и заглушить ихъ вопли. Предоспорожность была бесполезная, ибо всѣ вынесли спраданіе съ особенною пшвердосшью. Кровь, текущую изъ десенъ, не унимали, и оставляли ее свободно печь по лицамъ ди-

каренковъ и по головамъ дикарей, которые носили ихъ на плечахъ. Имя такого носителя присоединялось потомъ къ имени носимаго имъ, и тѣмъ устанавливался между ими союзъ родства, въ родъ нашего Европейскаго крестничества (parainage). Кровь, на которой утверждался сей союзъ, не смывали нѣсколько дней потомъ, какъ признакъ заключеннаго союза.

Послѣ совершенія всѣхъ описанныхъ мною обрядовъ, молодой дикарь вступаетъ во всѣ права совершеннолѣтняго, какъ равно обязывается принять и исполнять всѣ стѣгоспи званія. Онъ можетъ употреблять дробикъ и дубину, являться въ битвахъ и даже похищать дикарокъ, если вздумаетъ жениться. Слѣдовательно гна-лунгъ есть настоящее посвященіе въ таинства жизни, церемонія перехода отъ дѣтства къ совершеннолѣтію. Спранно, что у самыхъ грубыхъ варваровъ Океаніи находимъ такой обрядъ, который до сихъ поръ замѣчали только у народовъ, уже успѣвшихъ въ общественномъ образованіи.

Кромѣ гна-лунга, одного изъ самыхъ любопытныхъ обычаевъ дикарей здѣшнихъ, я видѣлъ также въ окрестностяхъ Сиднея похороны. Дикарь раненый, какъ я уже рассказывалъ это прежде, молодой Уру-Маре, умеръ отъ жестокой полученной имъ раны, и Бунгари уведомилъ меня, когда будутъ его погребать. Я отправился на мѣсто похоронъ. Трупъ лежалъ въ маленькомъ шалашикѣ изъ вѣтвей, покрытый лоскутомъ шерстяной шкуры, служившимъ вмѣсто плаща покойнику. Кругомъ сидѣли

родные и друзья въ горестномъ видѣ; дѣти и женщины вопили и ревѣли продолжительными завываніями. Опѣ времени до времени мужчины вспаивали попарно и въ честь покойника жестоко били другъ друга копьями и дубинами. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ такимъ образомъ, двое дикарей принесли небольшую корковую лодку, сдѣланную по размѣру трупa, и положили его туда съ оружіемъ и рыболовными снарядами. Во все время сихъ приготовленій мужчины хранили глубочайшее молчаніе, а женщины и дѣти продолжали завыванія. Лодку съ трупомъ подняли попомъ на головы два дикаря, и пока поднимали ее, присутствующіе махали надъ нею пучками травы, спараясь прогнать злаго духа. Началось шествіе. Бунгари и еще одинъ дикарь шли впереди, ускоряя шаги и опѣ времени до времени размахивая пучками травы, по оборачиваясь къ трупу, по показывая видъ, будто ищутъ чего-то въ кустарникахъ. Когда они обращали къ трупу лица, несшіе гробъ отворачивались, спараясь не глядѣть на нихъ.

Нѣсколько времени шли такимъ образомъ по пробиной дорожкѣ. Но когда приближались къ мѣсту погребенія, гдѣ уже собрались печальныя женщины и дѣти, Бунгари и его товарищъ бросились влѣсъ, какъ будто ища тамъ кого нибудь, и безпрестанно размахивая пучками травы. Поспѣшно присоединились они попомъ къ общей церемоніи. Одинъ дикарь кинулъ въ толпу два дропика, явно только для обряда, не думая опасѣть въ кого нибудь; въ тоже время Бунгари схватилъ двухъ ребятъ, близ-

кихъ родственниковъ покойнаго, и подшайциль ихъ ко гробу, не взирая на крикъ эшихъ бѣдняковъ, испугавшихся жестоко.

Наступило время погребенія. Неглубокая яма предварительно была вырыта въ уединенномъ мѣстѣ, подъ тѣнью огромнаго эвкалипта. Одинъ изъ дикарей выравнивалъ дно могилы, устлалъ его правою, попомъ легъ, пропѣянулъ во весь роспѣ и всячески поворачивался, какъ будто желая испытать, ловко-ли будетъ лежать и ворочаться шупъ покойнику. За шѣмъ оспорожно положили въ могилу гробъ, покрыли его землею и въ головахъ и въ ногахъ разставили полукружьями вѣтви, травы и папоротки, укрѣпивши все это большою доскою. Множеспвомъ мѣлкихъ обрядовъ, которыхъ описать, а еще менѣе можно изъяснить причину, сопровождалось каждое дѣйствіе.

Тѣмъ все кончилось. Мужчины обратились попомъ къ женщинамъ съ грознымъ и угрюмымъ видомъ. Наконецъ всѣ разошлись въ самомъ глубокомъ молчаніи. Сообразно обычаю, двое дикарей, называвшихся одинаково съ покойникомъ, должны были на нѣкоторое время переименовать себя имена.

Таковы были похороны Уру-Маре, но, кажется, не должно здѣсь относить частнаго къ общему и полагать, что въ Австраліи всегда такъ хоронятъ покойниковъ. Напроривъ, по всему замѣтно, что Австралійцы неимѣютъ никакихъ постоянныхъ и непремѣнныхъ правилъ въ этомъ отношеніи. Видали здѣсь, что мертвецовъ жгли, собирали прахъ ихъ и хо-

ронили его щепельно. Другіе замѣтили, что воиновъ, убитыхъ въ битвѣ, раздѣвали и жгли ихъ товарищи, но неизвѣстно было, куда они дѣвали ихъ останки. Вотъ что рассказываетъ Лейтенантъ Бриштонъ о погребеніи дикарей, убитыхъ на сраженіи:

« Въ ссорѣ, которая началась между двумя племенами на берегахъ Волломби, четверо мужчинъ и двѣ женщины изъ одного поколѣнія были убиты, и ихъ похоронили въ прелестномъ уединеніи слѣдующимъ образомъ: трупы дикарей положили крестообразно, головами вѣспѣ, положивъ ихъ навзничъ и привязавши каждого къ шесту покроями по шеѣ, по поясу и по ногамъ. У женщинъ пригнули колѣна и привязали къ шеѣ, а руки привязали къ колѣнамъ и положили ницъ лицомъ. Ихъ могилы составили такимъ образомъ два маленькіе холмика, по три фута въ вышину, неподалеку отъ крестообразной могилы, образованной надъ трупами мужчинъ. Такое расположеніе показывало низшую степень дикарокъ, не позволяющую имъ быть похороненными вѣспѣ съ мужчинами. Впрочемъ, опрятность и щепельность, съ какою оба холмика и мужская могила были сдѣланы, стоили замѣчанія. Земля на нихъ была такъ выглажена, такъ уровнена, что не возможно было найдти ни малѣйшей неправильности въ ихъ формѣ. На нѣкоторомъ разстояніи кругомъ, деревья, на 15-ть и 20 футовъ въ вышину, были покрыты нѣпными очерками, какъ будто кангуровъ, эму, опоссумовъ, змѣй, и все это перемѣшивалось съ фигурами раз-

ныхъ утварей. Вокругъ мужской могилы обвели кругъ фушовъ 30-пи въ поперечникъ и пщашельно выщипали въ немъ всѣ кустарники. Въ этаго круга очеркнушъ былъ еще кругъ, и въ узкомъ проспранспвѣ между обоими кругами расположили куски древесной коры въ видѣ черепицы на кровляхъ. Злой духъ, говорили дикари, не перескочитъ черезъ эти круги, да и не подползетъ подъ нихъ.

« Четыре дубины были вопкнуты въ землю по срединѣ мужской могилы, и дикари сказали, что дубины эти необходимы, ибо когда покойники вспанушъ, имъ не лзя бытъ безъ оружія, ибо нечѣмъ будетъ прогнашъ злаго духа, который захочетъ снова вполкашъ ихъ въ землю. Это могло-бы показашъ какія-то понятія дикарей о жизни за гробомъ, но трудно опредѣлишъ, какія именно эти понятія. Нѣкоторые изъ колонистовъ увѣряютъ, будто дикари вѣрятъ, что будущее соспояніе ихъ сдѣлаешся весьма счастливое; что когда они оживушъ снова, то будутъ бѣлыми людьми и возобладаюшъ всѣми богатствами, которыя шеперь въ рукахъ Англичанъ; что имъ можно будетъ пишъ и ѣшъ, что угодно и сколько угодно; что вѣчное солнце будетъ согрѣвашъ ихъ сладостною теплотою, и проч. »

Двѣ недѣли пропекло со времени прибытія моего въ Сидней; я употребилъ ихъ съ пользою, осмотрѣлъ колоніи, и случай далъ средства видѣшъ разные обычаи туземцовъ Авспраліи. Совсѣмъ былъ я готовъ къ отъѣзду, когда мой Капитанъ извѣспилъ меня, что его Кангуру назначается къ отплытію

въ 'Токконію. Дружески проспился я съ Гарри, и корабль нашъ пустился въ море 15-го Января 1832 года. Въ нѣсколько часовъ легкій бригъ нашъ оставилъ крайній мысъ залива къ югу, и мы пошли подлѣ береговъ материка Австралійскаго.

ГЛАВА ХСІV.

АВСТРАЛІЯ.—ОТКРЫТІЕ И ГЕОГРАФІЯ.

Почти не лѣзя сомнѣваться, что задолго до прибытія Европейцевъ въ моря Индійскія, Малайцы и особливо Макассарцы и Бугійцы знали уже Авспраль-ный материкъ. Едва-ли не ежегодно плавали они въ своихъ корабляхъ на ловлю трипанговъ, или голошурій къ сѣвернымъ берегамъ Авспралиі. Европейцы встрѣчали въ послѣдствіи цѣлыя флотиліи ихъ, занятыя сею ловлею. Но привлекаемые частною корыстью, сіи мореходы не думали о географической важности своего открытія. Они знали только, что на югъ есть земля, обильная трипангами, и этого было для нихъ довольно.

Аббатъ Прево и Президентъ де-Брокъ хотѣли присвоить *Польме де-Гонневилю* первое открытіе Авспральной земли; но оба они ушвердились на очевидной ошибкѣ. Описаніе дикарей той земли, куда приспавалъ *Польме* въ 1504 году, не представляешь никакого сходства ни съ чѣмъ, что извѣст-

но намъ теперь о щедушныхъ и слабыхъ Авспра-
лїйцахъ. Сравнивая и соображая всѣ подробности
журнала Гонневилева, и все, что говоритъ онъ о
своихъ сношеніяхъ съ туземцами, должно полагать,
что онъ приспавалъ къ Мадагаскару, и оттуда
привезъ съ собою въ Европу Князя тамошняго
Эссомерика.

Съ первыхъ лѣтъ появленія своего въ Индіи и
особливо на островахъ приносшей, Португальцы
получили свѣдѣнія объ Авспральныхъ земляхъ. Не
только ловцы припанговъ могли сказать имъ объ
нихъ, но, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ ихъ кора-
блей, сбываясь съ пуши, приспавали къ Авспраліи.
Такое предположеніе спановишся почти несомни-
тельнымъ, если разсмотримъ спарую карту, озна-
ченную 1542 годомъ. Тутъ, на югъ отъ Молук-
скихъ острововъ, показана обширная земля, съ
названіемъ: «*Великая Ява,*» и очеркъ ея довольно по-
хожъ на сѣверный берегъ Авспраліи.

Авспралія оспавалась однакожь географическою за-
дачею до самаго 1606 года, когда Голландскій корабль
Дюйтенъ, отправленный изъ Банпама для изслѣдо-
ванія Новой Гвиней, опозналъ протяженіе ея почти
на 300 лѣ, съ сѣвера на З. отъ пролива Торреса.
Все, что извѣстно изъ этого путешесствія, заклю-
чается въ краткомъ извѣстіи, которое приводимъ
мы здѣсь буквально:

« Сія обширная земля найдена большею частію
« пустынною, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣли
« однакожь дикарей, чернокожихъ, свирѣпыхъ и же-

« спокыхъ, и они убили нѣсколько человѣкъ изъ
« экипажа. Опѣ нихъ ничего не могли узнатьъ, не
« могли даже достать у нихъ воды и запасовъ, и
« недоставки того и другаго были причиною по-
« вороша корабля въ обратный путь. Мѣсто, откуда-
« да вернулись Голландцы, названо ими мысомъ По-
« ворота (сар Кеер-Weer). »

Точно въ томъ-же году, плавая по тѣмъ же мо-
рямъ, около Августа мѣсяца, Испанскій мореплава-
тель обозрѣлъ сѣверную часть Австраліи. Это
былъ Луизъ Воезъ де-Торресъ, второй начальникъ
экспедиціи, находившейся подъ начальствомъ Фер-
нандеза де-Квироза. Мы уже говорили о неудачной
колонизації Испанцевъ на землѣ Св. Духа. Ославивъ
сей островъ, Торресъ опспалъ опѣ своего Адми-
рала, и плылъ на З.—Въ Августѣ, подъ $11\frac{1}{2}^{\circ}$ широ-
ты Ю., напкнулся онъ на землю, копорую почелъ
берегомъ Новой Гвиней, но, вѣроятно, это была та
земля, копорую Бугенвиль назвалъ попомъ Новою Луи-
зіядою. Плывши около 300 льё подлѣ берега, Торресъ
достигнулъ пространства моря, усѣяннаго остро-
вами и мѣлями, среди копорыхъ переходъ былъ весьма
запруднишенъ. Около 11° ю. ш. Испанцы увидѣли
много большихъ острововъ, жители коихъ были
черны, наги и сильны. Оружіе ихъ сосналяли
копья, стрѣлы и деревянные головолемы. Торресъ
набралъ до 20-ти дикарей разныхъ племенъ, что-
бы получить опѣ нихъ надлежащія свѣдѣнія. Около
двухъ мѣсяцовъ употребилъ онъ для прохода про-
ливомъ, и попомъ опсправился къ С. Нытъ сомнѣнія,
что проливъ, о копоромъ говоритъ Торресъ, есть

попъ самый, что нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Торресова, а большіе острова, имъ упоминаемые, суть тѣ, которые находясь около мыса Юрка, и, можетъ быть, островомъ почтенъ былъ даже и сей мысъ, самый сѣверный уголъ Австраліи. По всему, Торресу принадлежишь честь важнаго открытія, что великая Австральная земля отдѣляется отъ Новой Гвиней, въ чемъ убѣдились только послѣ изслѣдованій Кука.

Голландецъ Диркъ Гапихсъ, Капитанъ корабля Eendracht, опозналъ, въ 1616 году, часть западной Австраліи, и далъ видѣнному имъ берегу имя своего корабля. Это подтверждается мѣдною доскою, найденною въ 1697 и 1801 годахъ на одномъ изъ острововъ въ заливѣ Морскихъ собакъ (Chiens-Marins, по Англійски заливъ Аккулъ, Shark's B.). На ней написано было по Голландски: «1616 года, 25-го Октябрю былъ здѣсь корабль Eendracht, изъ Амстердама. Главный прикащикъ на немъ Жилмесь Миѣбахсъ изъ Липпиша, а Капитанъ Диркъ Гапихсъ изъ Амстердама, и 27-го того-же мѣсяца отпра- вился онъ къ Боншаму. Субрекаргомъ былъ Жан-спинсъ, а первымъ кормчимъ Пеперь Э. Давесъ Фонъ-Биль. Годъ 1616-й.»

Маврицій, также Голландскій корабль, кажется, сдѣлалъ въ свой чередъ, въ 1616 году, нѣсколько открытій въ окрестностяхъ Вильгельмовой рѣки (Willem's river), хотя никакихъ достоверныхъ подробностей объ этомъ путешествіи мы не имѣемъ. Долго вѣрили, что нѣкто Зихемъ (Zeaschem) въ томъ же году открылъ побережья Аригейма и

Фанъ Діемена, и въ послѣдствіи доказано, что ни одного путешественника сего имени не являлось между первоначальными изслѣдователями Новой Голландіи.

Ж. Фанъ Эдель, въ 1619 году, назвалъ своимъ именемъ часть берега, простирающагося на югъ отъ побережья Эндрахшовскаго. Обширная мѣль *Houtman's Abrolgos* полагается открытою въ это-же время, если не самимъ Эделемъ, то однимъ изъ его современныхъ мореплавателей. Черезъ три года попомъ корабль *Лвица* (*Leeuwin*) продолжилъ съ Ю. опознаніе извѣснаго прежде берега. Въ 1623 году, Янъ Карстенсъ, начальникъ кораблей Пера и Арнгеймъ, былъ посланъ съ оспрова Амбоина обозрѣвать сѣверную оконечность Австраліи, все еще смѣшиваемую съ Новою Гвинеею. Онъ погибъ въ сей экспедиціи, убитый вмѣстѣ съ восьмью мапрозами корабля Арнгейма отъ свирѣпыхъ туземцовъ. Но товарищи его продолжали назначеніе экспедиціи, и открыли побережье, получившее имена *Арнгейма* и *Шпульты*, послѣ чего корабли разлучились. Арнгеймъ воропился на Амбоинъ, а Пера плылъ еще около берега до рѣки *Штатовъ* (*Staten-River*), откуда пустился къ островамъ Молукскимъ. «Во всю эту экспедицію,» говоритъ рассказъ плавателей, «мы находили только мѣлководье, безплодные берега, острова, худо населенные различными варварскими, скопообразными и бѣдными народами, отъ копорыхъ Компаніи не лзя ожидать большихъ выгодъ.»

Въ 1627 году *Петръ Нуйтсъ*, на корабль *Gulde Zeeraard*, проплылъ около 1000 миль пропѣженія

подлѣ южныхъ береговъ Австралійскихъ. Журналъ путешествія его оспался неизданнымъ, но полагаи, что земли, имъ видѣнныя, находясь между 34—36° шир. южной, должны спвовали представлять, подобно другимъ проспранспвамъ этого пояса земли, спраны обитаемыя, богатыя и плодородныя.— Черезъ годъ попомъ, Вишпъ назвалъ своимъ именемъ побережье, продолжающееся между 14—21° широты южной. — Кажется однакожь, что корабль *Vianen*, за немного мѣсяцовъ прежде, проплылъ здѣсь около 200 миль, и по безплодному и опасному берегу опозналъ нѣсколько покрытыхъ зеленою мѣспъ, занятыхъ варварскимъ народомъ чернаго цвѣща.

Въ 1629 году корабль *Батавія*, подѣ начальствомъ Франциска Пельсарта, разбился на скалахъ Houtman's Abrolgos. Не найдя шупъ на островахъ прѣсной воды, Капитанъ помоспилъ палубу на одной изъ своихъ шлюпокъ и спарался доспигнуть материка съ часпью своего экипажа. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ усиліяхъ шягоспныхъ и безплодныхъ, и послѣ плаванія на 400 миль около береговъ, рѣшились опсправиться въ Батавія, опкуда Пельсартъ возвратился на яхтѣ Сардамъ, забравъ людей, опспавленныхъ на мѣляхъ. Они успѣли между тѣмъ найдши прѣсную воду въ пустотахъ утесовъ, но опспысавъ средства существованія, обуались мыслями буйспва и неповиновенія. Пельсартъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ спрогоспи, казнилъ нѣсколько зачинщиковъ и двухъ высадилъ на дикій берегъ Авспрали.

Въ 1636 году *Герритъ Томасъ Польшъ* былъ отправленъ отъ острова Банда на яхтахъ *Klyn Amsterdam* и *Wezel* для той-же цѣли, съ какою прежде отправлялся Карстенсъ; но по странной случайности, подобно этому мареплавателю, онъ былъ также убитъ дикарями, и почти въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда погибъ Карстенсъ. Экспедиція продолжала путешествіе подъ начальствомъ Субрекарга *Петра Петерсена*. По причинѣ противныхъ вѣтровъ, не могли достигнуть западнаго побережья Карпентарійскаго залива, но осмошрѣли землю Фанъ-Діеменскую въ семъ заливѣ, на простраженіи почти 120 миль. Голландцы ворошились, не встрѣпившись съ жителями, хотя много разъ видали дымъ, выходившій изъ хижинъ.

Съ 1643 года *Тосманъ* открылъ самую южную часть земли, называемой нынѣ его именемъ, но онъ наименовалъ ее тогда землею *Фанъ Діемена*, хотя симъ именемъ называлась уже значительная часть берега въ сѣверѣ Австраліи. Тосманъ не зналъ, что его открытіе составляетъ отдѣльный отъ Австральнаго материка островъ. Почестъ, возданная имени Фанъ-Діемена, была слѣдствіемъ уваженія къ тогдашнему Генераль-Губернатору острова Ява. Въ 1644 году Тосмана опять отправили для обозрѣнія Австраліи. На этотъ разъ тщательнѣе изслѣдовалъ онъ заливъ *Карпентарійскій* и земли *Аригейма* и Сѣверную Фанъ-Діемена. По несчастію, духъ торговаго мѣлочничества, управлявшій дѣйствіями компаніи Голландской, скрылъ въ глубокой тайнѣ все извѣстія Тосмана. Что мы знаемъ объ

нихъ, що ограничивается немногими предположе-
 ніями. Извѣстно, что онъ имѣлъ довольно сношеній съ
 дикарями, и вопрь какъ говорилося въ отношеніи
 этого у Дальримпла: « Подъ южною широкою 13°
 « берегъ Австраліи безплоденъ; жилили большіе не-
 « годяи; они нападали на Голландцовъ, хотъ имъ и
 « не подали къ тому причины. Мѣсто здѣсь весьма
 « заселено. Подъ 15° ю. ш. живетъ народъ дикій
 « и ходятъ нагія; никто не могъ понять пупошняго
 « языка. Подъ 17° нашли дикарей черныхъ, нагихъ
 « и курчавыхъ, злыхъ и жестокихъ, употребляю-
 « щихъ стрѣлы, луки, сагаи и дубины. Однажды
 « пришла ихъ цѣлая толпа, человекъ 50; вооружась
 « всячески, они раздѣлились надвое и хотѣли на-
 « пасть на Голландцовъ, копорыхъ вышло на берегъ
 « 25 человекъ, но ружейные выстрѣлы разогнали
 « негодяевъ и обратили въ бѣгство. Дикари дѣла-
 « ютъ лодки корковые; берегъ опасенъ для кора-
 « блей; произраспаніе здѣсь бѣдно, и у жителей нѣтъ
 « домовъ. Подъ 20° ю. ш. дикарей найдено множе-
 « ство; они бросали каменья въ шлюпки, посланныя
 « къ берегу, и зажгли по побережью большіе огни,
 « вѣроятно, для извѣщенія своихъ земляковъ о при-
 « бытіи чужеземцовъ. По видимому, всѣ эти люди
 « живутъ очень бѣдно, ходятъ нагіе и ѣдятъ инья-
 « мы и другіе корни. »

Впрочемъ, кажется, что послѣ пупешествія Го-
 сманова, великій маперикъ Австральный получилъ
 названіе *Новой Голландіи*, хотя прежде того обозна-
 чался онъ подъ именами « Великой Южной земли и
 « Австральныхъ земель. » Названіе *Новой Голландіи*

долго существовало попомъ въ нашихъ Географіяхъ, но приличнѣе и лучше, кажется, замѣнить его *Австраліею*, что уже принято и утверждено Англичанами, и что употребляемъ мы здѣсь преимущественно передъ всѣмъ другимъ.

Въ 1688 и 1699 гг. Англичанинъ *Дампіеръ* осмотрѣлъ нѣкоторую часть береговъ С. З., и этому превосходному наблюдателю была одолжена Географія первыми подробными и вѣрными извѣстіями о земляхъ, до сего времени не совершенно вѣдомыхъ. Онъ описалъ многія изъ особенныхъ произведеній *Австраліи*. Видѣвши туземцовъ въ 1688 году, *Дампіеръ* описываетъ ихъ черными, нагими, съ курчавыми, руноподобными волосами, присовокупляя, что они носятъ посрединѣ шѣла опояску, на которой привѣшено бываетъ по клочку шравы, либо по три, по чешыре вѣшки древесныхъ, служащихъ для прикрытія наготы. У всѣхъ дикарей, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, не доставало по два переднихъ зуба въ верхней челюсти; всѣ мужчины были безбородые. Когда Англичане вышли на берегъ, туземцы грозили имъ копьями и дубинами, но пушечный выстрѣлъ разогналъ нападчиковъ. Никакихъ лодокъ у туземцовъ не замѣтили, но видѣли ихъ вплавъ доспигающихъ ошъ одного острова къ другому.

Во второе путешествіе свое, въ 1699 году, *Дампіеръ* видѣлъ опять того-же поколѣнія дикарей, но не имѣлъ случая повѣришь замѣчаній своихъ о недостающихъ у каждого двухъ зубахъ. Одинъ изъ дикарей, казавшійся начальникомъ, имѣлъ вокругъ глазъ

обведенные известью кружечки, и полоска бѣлая сходилла у него опю лба до конца носа. Дикари не употребляли ни стрѣлъ, ни луковъ, и Англичане думали, что у нихъ нѣтъ даже и хижинъ, ибо ни одной они не замѣтили. Прибрежье являлось песчаню и бесплодно, съ весьма немногими распеніями. Прѣсной воды нигдѣ не найдено, и ее не могли добыть даже и раскапывая землю.

Въ 1696 году *Вильгельмъ Фламингъ* былъ отправленъ осмотрѣть западные берега Австраліи и особенно постараться отккрыть слѣды корабля *Ridderschap* (*Рыцарство*), копорый полагали погибшимъ шамъ въ 1684-мъ, или 1685 году. Въ концѣ Декабря Фламингъ остановился близъ острова *Роттенеста* (*Крысыяго*). Тутъ на берегу нашли при оставленныя хижины, и 15, или 20 льѣ проплыли сверхъ по рѣкѣ, названнѣ рѣкою *Черныхъ Лебедей* (*Black Swans River*). Въ первый разъ узнали тогда эшихъ пшицъ Австральныхъ, и пару ихъ вывезли въ *Батавіа*. Продолжая обзорѣніе береговъ, 23-го Января 1697 года Голландцы замѣтили двухъ дикарей, идущихъ по прибрежью, но ничего не могли объ нихъ сказать, кромѣ того, что они были черны, наги и роста обыкновеннаго. Февраля 3-го, при входѣ въ заливъ *Морскихъ Собакъ*, увидѣли надпись, оставленную здѣсь *Диркъ-Гапихсомъ*. Фламингъ снова утвердилъ ее въ дерево, прибавивши къ этому другую о своемъ путешествіи. За тѣмъ просперъ онъ изслѣдованія до залива, лежащаго за мысомъ *С. З.*, назвавши сей заливъ *Вильгельмовою Рѣкою* (*Wilhem's River*). Наконецъ, 21-го отправился онъ

въ Батавіа, обозрѣвши протяженіе береговъ почти на 200 льѣ.

Извѣстія всѣхъ мореплавателей, какъ объ этнологіи Ново-Голландской, такъ и о произведеніяхъ тамошней природы были не таковы, чтобы, могли возбудить корысплюбіе, или любопытство Европейцевъ. Поэтому надолго забыта была въ началѣ XVIII вѣка Новая Голландія. Предѣлы ея къ В. оставались неизвѣстными. Бугенвиль, въ 1769 году, открылъ, правда, многія изъ мѣлей, сюда прилежащихъ, но опасность плаванія отвлекла его отъ чести быть первымъ изъ Географовъ восточной Австраліи.

Чеснь эта была предоставлена славному Куку, стяжавшему уже столько знаменитости другими подвигами. Въ 1770 году устремился онъ здѣсь къ Австралійской землѣ подлѣ мыса Гоу (Howe), и не упускалъ ее изъ вида до мыса Йорка, составляющаго крайнюю сѣверную точку восточной стороны материка. Одного такого обширнаго изслѣдованія достаточно-было поставило имя Англійскаго Капитана въ числѣ именъ отличившихъ мореплавателей, особливо, если сообразить множество опасностей, какимъ подвергался здѣсь Кукъ, имѣя уже съ собой запасы собранныхъ имъ драгоценныхъ свѣдѣній о другихъ Океанійскихъ видѣнныхъ имъ земляхъ. Спешное бѣдствіе постигло Англичанъ, особенно въ ночь съ 10-го на 11-е Августа 1770 года, прошивъ мыса, получившаго названіе *Tribulation*. Тутъ корабль Кука попалъ внезапно на коралловые утесы, образующіе продолжительную цѣпь подлѣ береговъ.

Волны били его въ этомъ положеніи, опдирали у него обшивку, и Кукъ не полагалъ уже возможнымъ спастись въ своемъ опчаянномъ положеніи. Однакожь, послѣ 12-ти часовъ, проведенныхъ между жизнью и смертью, сбросивши въ море для облегченія пушки, запасы, грузъ, Англичане снялись съ утесовъ и достигли до ближайшаго залива, подлѣ рѣки, названной именемъ Кукова корабля, Endeavour. Принявшись здѣсь за починку, съ ужасомъ усмотрѣли, какая страшная бѣда грозила кораблю. Между проломами отъ утесовъ, не только въ обшивкѣ, но и въ самой основѣ корабля былъ одинъ шоль обширный, что корабль долженъ былъ неминуемо попонуть отъ него въ одно мгновеніе, какъ-бы ни опливались плавашили. Чуднымъ опредѣленіемъ Божіимъ послѣдовало спасеніе. Кусокъ утеса, сдѣлавшій гибельную скважину, переломился, оспался въ ней, задвинулъ ее собою, и этому обязаны были избавленіемъ. Безъ такого неслыханнаго случая, Кукъ и всѣ его сопутники непременно погибли-бы безъ возврата. Но оставя мѣсто своего пристанища, безстрашный Капишанъ полагалъ еще свой подвигъ неконченнымъ, прошелъ проливомъ Торреса, и разспался съ Новою Голландіею только послѣ очерка просяженія береговъ ея на *шесть сотъ* лѣ. Помогая географическимъ изслѣдованіямъ Кука, еспесвоиспытатели Банксъ и Соландеръ собрали драгоцѣнныя и достоверныя свѣдѣнія о природѣ земель Авспралійскихъ и ихъ произведеніяхъ.

Послѣ плаванія Кука, весь очеркъ береговъ Авспралиі былъ уже извѣстенъ. Увидѣли, что это обшир-

нѣйшій оспровъ, и надлежало рѣшительно опровергнуться отъ споль долго льстившей Географамъ мечты о материкѣ Австральномъ, будпо-бы необходимымъ для равновѣсія материкѣ сѣверному. Но всѣ собранныя о семъ великомъ оспровѣ свѣдѣнія были еще далеко неполны и неопредѣленны, даже часпо въ географическомъ и мореходномъ отношеніи. Новыя изслѣдованія подробностей являлись необходимыми; и они были совершены послѣдовательно Англійскимъ и Французскимъ правительствомъ.

Мы упомянемъ здѣсь только о *Сентъ-Аллуарнѣ*, который на корабль *gros-ventre*, въ 1772 году осмопрѣлъ нѣкоторыя часпи западнаго берега, но не оказалъ значительныхъ успѣховъ; *Маклуеръ*, въ 1791 году изслѣдовавшемъ часть сѣвернаго прибрежья, и наконецъ о *Блѣ*, *Эдуардѣ*, *Першлокѣ*, прибавившихъ въ 1789, 1791 и 1798 годахъ полезныя дополненія къ извѣстному прежде о *Торресовомъ* проливѣ. Послѣшимъ отъ сихъ путешественниковъ перейдемъ къ *Ванкуверу*, открывшему въ 1791 году превосходный заливъ Короля Георгія и съ замѣчательною точностію обозначившему небольшое пространство прилежащихъ къ нему береговъ. Жители въ Георгіевскомъ заливѣ онъ не видалъ, но замѣтилъ множество слѣдовъ ихъ пребыванія.—На слѣдующій годъ, *Дантркасто* осмопрѣлъ весьма большое протяженіе береговъ въ этой-же споронѣ, и опредѣлилъ ихъ положеніе съ большою точностію.

Хирургъ *Бассъ*, на простой шлюпкѣ, поплылъ въ 1797 году по проливу, отдѣляющему Австралію

опѣ Тасманіи, получившему послѣ сего имя *Бассова*. Въ 1800 году *Грантъ* обозначилъ побережье на 120 лѣ, до тѣхъ поръ никѣмъ не видѣнное, къ С. З. опѣ мыса Опвая. *Боденъ* и *Флиндеръ*, первый со стороны Франціи, другой со стороны Англіи, въ 1801 и 1802 гг., подробно осмопрѣли каждый свой участокъ, одинъ на западномъ, другой на южномъ берегу. Описанія сихъ обоихъ путешесствій распространили въ Европѣ множесство важнѣйшихъ свѣдѣній о великомъ островѣ Авспралійскомъ, споль мало дошолъ вѣдомомъ. Еспесствоиспытатели *Перонъ* и *Броунъ* пояснили здѣсь множесство задачъ геогнозіи и еспесствознанія.

Позднѣ ихъ, въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1818-го по 1823 годъ, Капитанъ *Кингъ* дополнилъ подробное опознаніе сѣверной части Авспраліи. Находясь на судахъ небольшого размѣра, немного захвапывавшихъ воды, онъ могъ постоянно держаться между утесами и берегомъ, проникая такимъ образомъ въ множесство заливовъ, куда его предшесственики не смѣли и подумашъ двинуться съ своими большими кораблями. Трудъ *Кинга* навсегда останешся образцомъ точности и перпѣнія, и, конечно, долго пройдепъ, пока успѣютъ прибавить еще что нибудъ къ тому, что онъ изслѣдовалъ. Еспесствоиспытателю *Куннингаму*, бывшему при экспедиціи *Кинговой*, мы обязаны полнопою и богатспвомъ Флоры и Фауны осмопрѣнныхъ въ это время побережьевъ.

Наконецъ надобно еще вспомнить о Капитанахъ *Фрейсине* и *Дюмонъ Дюрвилъ*. Первый, въ 1818 году, собралъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о заливѣ

Морскихъ Собакъ. Второй, въ 1827 году, осмопрѣлъ заливъ Короля Георгія, Западный портъ и заливъ Джервиса. Всюду имѣлъ онъ дружескія сношенія съ дикарями, и могъ замѣтить, что Джервисскіе путешественники были сильнѣе и складнѣе другихъ Австралійцевъ. Разумнѣемъ казались они превосходнѣе земляковъ своихъ, обитающихъ при заливѣ Георгіевскомъ, и Французы могли только похвалиться ихъ честностью, кротостью и осторожностью въ поведеніи. У нихъ видѣли лодку. Шалаши ихъ были устроены изъ длинныхъ полосъ коры, соединенныхъ къ верху и покрытыхъ листьями зостеры; они казались опрятны и шакъ просторны, что въ каждомъ могло помѣститься отъ восьми до десяти человѣкъ. Наконецъ Французы замѣтили на прибрежныхъ утесахъ начертанія кораблей и шлюпокъ, весьма порядочныя.

Если весь периметръ Австраліи нынѣ уже хорошо осмопрѣтъ и извѣстенъ, за то, касательно исправныхъ и сколько нибудь обширныхъ свѣдѣній о внутренности его, можемъ мы указать только на изслѣдованія по южному побережью, куда какъ будто сосредоточились всѣ усилія путешественниковъ. Заведенія Англичанъ по берегамъ побуждали ихъ къ изслѣдованію внутреннихъ областей. Это изслѣдованіе показало, что великій Австральный островъ, если и представляется онъ наиболѣе дикимъ и безплоднымъ по побережью, за то, когда проникающъ въ него далѣе, являетъ земли плодотворныя, способныя ко многимъ родамъ воздѣлки, и

особенно обширныя и превосходныя пажити для живописныхъ всякаго рода.

Свойства земной поверхности не представляли никакого препятствія колонистамъ для изслѣдованій до подошвы горной цѣпи, копорая названа *Синими горами*. Не высота горъ полагала здѣсь препятствіе, ибо самыя возвышенныя вершины ихъ не болѣе 400 футовъ, но каждый разъ, когда хотѣли перейти черезъ верхи горъ, слѣдуя болѣе или менѣе проходимыми ущельями и долинами, встрѣчали всегда, на нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ, безконечныя, отвѣсныя, природою образованныя стѣны, кончащіяся пиками и недоступныя для восхода на нихъ. Это остановило предпріятія Басса, Калея, Бавальера, копорые принуждены были, послѣ неслыханныхъ усилій и жестокихъ трудностей, отказываться отъ надежды перейти за Синія горы. Мнѣніе, что онѣ непроходимы, мало по малу утвердилось между колонистами, и еще пѣтъ болѣе, что Австралійцы самыя не могли указать Англичанамъ ни одного мѣста, гдѣ можно-бъ было пробраться во внутреннія области.

Наконецъ, въ 1813 году, страшная засуха поразила колонію. Травы погорѣли до самой цѣпи горъ по всему побережью, воды высохли, источники ихъ изсякли, скотъ погибалъ повсюду. Тогда при отважные колониста *Блаксландъ*, *Вентвортъ* и *Лаусонъ* рѣшились попытаться на изслѣдованіе, не найдется-ли какихъ нибудь пособій за Синими горами. По счастливой нечаянной мысли, вмѣсто того, чтобы блуждать въ ущельяхъ и проходахъ горъ,

они рѣшились постоянно слѣдовать по ихъ вершинамъ. Послѣ множества изворотовъ, заспаивавшихъ ихъ не однажды приходишь на прежнія мѣста, откуда пошли, они увидѣли наконецъ себя на западной оконечности горной цѣпи, миляхъ въ 25-ти на З. отъ рѣки Непинъ. Можно вообразить себѣ ихъ радость, когда передъ ними открылась великолѣпная долина, орошенная водою и покрытая травами! Инженеръ колоній, В. Эвенсъ, идя по слѣдамъ спрансвовапелей, вскоре открылъ долины *Батурста* и протекающія черезъ нихъ рѣки *Маккари* и *Лачланъ* (Lachlan). На слѣдующій годъ уже проложена была здѣсь черезъ горы дорога, и нынѣ быспрыя и свободныя сообщенія сущесвующъ между побережьемъ и внутренними спранами.

Въ 1817 году, *Окслей* и *Куннингамъ*, слѣдуя теченіемъ *Лачлана*, которую долго считали протокомъ *Маккари*, увидѣли, что сія рѣка протекаетъ значительное протяженіе береговъ и слегка-холмистыхъ долинъ, не сливаясь ни съ какимъ другимъ замѣчательнымъ теченіемъ водъ. Земля показывала здѣсь явные признаки наводненія въ дождливое время. Почти въ 400 миляхъ внутрь земли окончилось продолжительное и драгоцѣнное изслѣдованіе. Путешественники увидѣли себя наконецъ остановленными непроходимымъ болопомъ.

На слѣдующій годъ *Окслей* рѣшился на обзоръ рѣки *Маккари*, но едва прошедши на С. З. за горою *Гарриса* (стоящею подлѣ берега и возвышенною надъ долинами *Фуповъ* на 200) пространствѣ 50-ти, онъ увидѣлъ сію рѣку теряющуюся въ

безконечныхъ болохахъ, образующихъ какъ будто родъ внутренняго моря. Окслей повернулъ на В., и достигая берега при гавани Маккари, открылъ богатые и живописныя долины Ливерпульскія.

Послѣ сихъ различныхъ и драгоцѣнныхъ изслѣдованій, вниманіе колонистовъ обратилось къ югу отъ Англійскихъ заселеній. Осмотрѣли Арджиль и открыли новую рѣку, текущую во внутреннюю область. Дикари называли эту рѣку *Моррумбиджи*. Въ 1823 году одинъ изъ морскихъ офицеровъ дошелъ по сей рѣкѣ почти до ея источниковъ, въ обширныхъ пажитяхъ, копорыя назвалъ онъ долинами *Брисбана* (Brisbane-Downs). Тогда утвердили, что черта раздѣленія водъ, текущихъ къ З. и къ В., должна находиться въ цѣпи *Синихъ горъ*, во все протяженіе Новаго Валлиса на югъ, а далѣе отъ юга въ цѣпи *горъ Варрагонгскихъ*, непрерывно продолжающихся по видимому до полуострова Вильсона.

Въ концѣ 1824 года, два смѣлые путешественника, *Говелль* и *Гюмъ*, отправились сухимъ путемъ отъ Арджильскаго Георгіевскаго озера до побережья къ гавани Филлипа, что въ Бассовомъ проливѣ. Это затруднительное странствованіе много прибавило къ познанію южной Австраліи. Земли, видѣнныя путешественниками, не рѣдко гористыя, представляли имъ плодоносныя пространства и превосходныя пажити. При возвращеніи взято было направленіе болѣе на З. и найдена поверхность болѣе ровная и почти холмистая. Открыты разныя печенія водъ, изъ коихъ главныя названы *Гюмовымъ*, *Овено-*

вымъ, Гоульбурновымъ; всѣ они направлены уже внутрь Австраліи.

Куннингамъ нѣсколькими походами въ окрестностяхъ Ливерпуля прибавившій разныя подробности къ извѣстному прежде, въ 1827 году былъ официально назначенъ въ посылку важнѣйшую. Надлежало осмотрѣть всю землю между рѣкою Гунпера и заливомъ Морепонскимъ, проникнувъ до значительнаго разстоянія во внутреннюю обласъ. Отправясь 30-го Апрѣля отъ береговъ Гунпера, Куннингамъ прошелъ цѣпью горъ, возвышенныхъ здѣсь почти на 3000 футовъ, и продолжалъ путь черезъ высокую землю, прилежащую къ Ливерпульскимъ долинамъ съ востока. Подъ 30° широты онъ слѣдовалъ около 16 миль зеленѣющею, пучною долиною, и потомъ увидѣлъ себя на берегахъ довольно значительной рѣки, названной имъ *Пилелою* (Peel). Ея русло было не менѣе 120 футовъ въ ширину, и масса воды должна была составлять не менѣе 12—15 футовъ глубины. Отъ засухи эта рѣка являлась тогда небольшимъ ручьемъ, и ее легко можно было перейти въ бродъ. Тутъ замѣтили слѣды кочевья дикарей. Подъ 29° широты появились обширныя долины, гдѣ на неоглядномъ пространствѣ не было видно ни одного дыма, который обличалъ-бы здѣсь пребываніе человека. Русло значительнаго теченія водъ рѣки *Думеранга* было перейдено, и здѣсь оказалось нѣсколько глубокихъ водныхъ лагуновъ, не смотря на стоявшую тогда засуху.

Находясь путь въ 50 мѣль отъ моря, Куннингамъ направился къ С. В., съ намѣреніемъ достигнуть

приморьевъ. Дорога вначалѣ шла по странѣ чрезвычайно безплодной, до того, что лошадямъ едва могли находить немного сѣна. Такъ продолжалось однакожь только до 28°, гдѣ открылись долины Дарлингovy и Пилевы, болѣе обильное и болѣе способное къ обитанію пространство земель. Іюня 16-го Куннингамъ былъ почти въ 20 лѣ отъ Морепонскаго залива, но состояніе лошадей заставило его повернуть обратно. Направляясь болѣе къ В., онъ слѣдовалъ по дорогѣ гораздо затруднительнѣе прежней, чрезъ гористыя и утесистыя пространства, основаніемъ коихъ былъ весьма крѣпкій гранитъ, гдѣ много встрѣчалось кварцу. Путешественники снова перешли Думерангъ, 50-ю милями ближе прежняго къ его источникамъ, и барометрическія наблюденія показывали здѣсь возвышеніе земли на 900 футовъ надъ поверхностью моря. Далѣе перейдена была еще рѣка значительная, названная *Гвидеръ* и образуемая соединеніемъ Пилевой съ другою, наименованною *Гортоновою*. Потомъ близко слѣдовали къ цѣпи горъ *Гарквикскихъ*, основу коихъ составлялъ красноватый гранитъ, съ разсыянными въ немъ обломками фельдшпата. Тутъ нѣкоторыя остроконечныя вершины, какъ будто чепырестороннія башни, должныя вуютъ простираются, по видимому, на 500 и 600 фузовъ вышины. Отсюда, послѣ множества частныхъ наблюденій, копорыя долго надлежало-бы изчислять, Куннингамъ прибылъ къ берегамъ Гуншера, послѣ 13-ти недѣль путешествія, перейдя въ это время около 1800 миль по внутреннимъ землямъ, дошолъ вовсе неизвѣстнымъ.

На слѣдующій годъ Куннингамъ отправился снова. Съ Моретонскаго приморья могъ онъ достигнуть, черезъ горную цѣпь, той самой точки, гдѣ остановился въ прежнемъ спранспованіи, и здѣсь увидѣлъ онъ, что удобное сообщеніе могло бытъ установлено между обильными высоками Дарлингскими и заселеніемъ въ Моретонскомъ заливѣ. Это было важное обстоятельство для преуспѣянiя тамошней колоніи. Потомъ взошелъ онъ по рѣкѣ Брисбановой до того мѣста, гдѣ она является уже малымъ ручьемъ, образующимъ въ разныхъ мѣстахъ болоша. Почти тогда было уже доказано, что эта рѣка просто беретъ свое начало на западной сторонѣ приморскихъ горъ, когда прежде предполагали, напрошивъ, долгое время, что она образуетъ успье рѣки Маккари, и что сія послѣдняя, выходя изъ поглопившихъ ее болошъ, вновь начинаеть теченіе уже на С. В. и впадаетъ въ заливъ Моретонскій. Но все это надлежало положишельнѣе доказать двумя трудными и обильными на выводы путешесствіями отважнаго Капитана *Стурта*.

Онъ спранспововалъ почти въ тоже время, когда Куннингамъ обозрѣвалъ окрестности залива Моретонскаго. По три года колоніи страдали тогда отъ ужасной засухи, и можно было предполагать, что болоша, преградившія путь Окслею, были уничтожены ею и сдѣлались проходимы. Декабря 20-го 1827 года, находясь на вершинахъ горы Гарриса и осматривая отсюда долины, Спуртъ съ радостью и изумленіемъ замѣтилъ, что дѣйствительно обширныхъ стоячихъ водъ, видѣнныхъ его предше-

спвенникомъ, уже нѣтъ болѣе, и что на ихъ мѣ-
стѣ проспирается зеленая площадь ровной земли,
безъ малѣйшаго возвышенія. Спуртъ перешелъ
сѣю великую долину, распреснушую въ разныхъ мѣ-
стахъ, и за 50 миль далѣе, русло Маккари, до шѣхъ
поръ невидимое, появилось снова въ небольшой рѣчкѣ,
соединяющей воды свои съ печеніемъ рѣки *Каст-*
лерига, открытой немного далѣе на сѣверъ.

Спуртъ продолжалъ свои изслѣдованія въ С. З.
направленіи опъ безконечныхъ долинъ, гдѣ неодно-
кратно спутники его и самъ онъ спрадали опъ
недоспапка воды. Едва въ иныхъ мѣстахъ нѣко-
торыя возвышенности прерывали однообразіе сихъ
неблагодапныхъ спранъ. Небольшое печеніе водъ,
по которому шли спранники, довело наконецъ до
русла обширной рѣки, названной *Дарлинговою*, и
взглядъ на нее возбудилъ большія надежды. Это
было подъ 30° широты и почти въ 150 льѣ опъ
воспочнаго приморья. Но величайшее разочарованіе
ожидало спранниковъ — они увидѣли, что въ *Дар-*
лингъ вода соленая! Почти на 40 миль слѣдовали
они ея печеніемъ, по направленію къ Ю. З., и не
находили никакой перемѣны въ рѣчныхъ водахъ.
Ширину рѣчнаго русла въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышли
къ нему, можно было положить въ 30 пугазовъ, а
возвышеніе береговъ опъ 30-ши до 40 фушовъ.
Наконецъ недоспапокъ воды для пищья, безплодіе
земли и недоспапокъ запасовъ рѣшили Спурта и
его поварищей поворошить обратно. Мѣсто, гдѣ
они оставили печеніе *Дарлинга*, находится подъ
30° 16' ш. Ю. и 144° 50' д. в.

Во все время путешествія, съ дикарями были многія и ежедневныя сношенія. Спуршъ полагаетъ до 250-ти число видѣнныхъ и наблюденныхъ имъ туземцовъ. Поведеніе ихъ было дружеское, и они оказывали Англичанамъ услуги. Впрочемъ, вошъ общій очеркъ Спурша о сихъ отдаленныхъ земляхъ: «Дурныя свойства воды, копорую употребляютъ бродящіе здѣсь дикари, причиняетъ имъ накожныя болѣзни, отъ копорыхъ они быспро погибаютъ. Птицы, видимыя на деревьяхъ, какъ будто съ прудомъ влачатъ здѣсь бышіе въ воздухъ густомъ и знойномъ. Дикая собака, или *динго*, влачится здѣсь медленно, и слабость ея мѣшаетъ ей даже убѣгать отъ приближенія людей. Мѣлкое произрастаніе стараетъ совершенно, и самыя деревья падаютъ медлишельно, по причинѣ проникновенія зноя до самой глубины ихъ корней. Многіе изъ нашей экспедиціи получили глазную болѣзнь отъ отраженія солнца на долинахъ. Термометръ въ тѣни (100-градусный) показывалъ 50° въ три часа по полудни и 30° при захожденіи солнца.»

Важныя извѣстія Спурша о странахъ, лежащихъ къ С. З. отъ колоній, рѣшили правительство отправить его на Ю. З., для изслѣдованій по теченію Моррумбиджи. Все тогда извѣстное о сей рѣкѣ состояло въ томъ, что получивъ начало въ западной части Варрагонгскихъ горъ, въ области Муррайской, миляхъ въ 80-ти отъ восточнаго приморья, она принимаетъ въ себя сначала много незначительныхъ потоковъ, и потомъ слѣдуетъ на З. болѣе, нежели на 300 миль, образуя множество извилинъ, но ни съ чѣмъ

не сливаясь. Рѣка Лачланъ представляла почти такой-же характеръ, находясь льё въ 30, или 40 къ сѣверу, и легко понять, по чему долины, находящіяся между сими двумя теченіями водными, представляють почти вообще зрѣлище безплодія.

Въ Декабрѣ 1829 года Спуртъ приступилъ къ своимъ новымъ изслѣдованіямъ. Онъ пошелъ правымъ берегомъ Моррумбиджи, пока миновалъ всѣ быстрины и перемычки, могущія препятствовать плаванію по ней. Тутъ, почти на ровномъ разстояніи отъ морскихъ береговъ на воспокъ, западъ и югъ, онъ установилъ родъ табора, спустилъ на воду лодку, привезенную сухимъ путемъ изъ Сиднея, и успѣлъ поспроить еще другую лодку. Мѣсто табора было около 27 миль отъ того, гдѣ Окслей видѣлъ изчезновеніе рѣки Лачланъ въ обширныхъ болохахъ. Спуртъ нашелъ русло Лачлана, входящее въ Моррумбиджи, миляхъ въ 12-ти отъ своего становища. Тамъ и здѣсь по рѣкѣ были перемычки мѣлей, производившія водопады и быстрины, опасныя для плаванія. Наконецъ, послѣ 90 миль плаванія черезъ однообразную, ровную землю, Января 7-го 1830 года, Спуртъ достигъ конца теченія Моррумбиджи — она вливалась здѣсь въ прекрасную рѣку. Эта рѣка текла далѣе по широкому въ 400 футовъ руслу, съ быспрою 2 $\frac{1}{2}$ миль въ часъ. Ее называли рѣкою Муррая, и все заставляло полагать, что ее составляло сліяніе рѣкъ Гюмовой, Гоульбурновой и Овеновой, открытыхъ Говелемъ и Гюмомъ въ 1824 году.

Послѣ 9-ти дней плаванія по теченію Муррая, въ

продолженіе коихъ миновали около 100 миль на З., не видя никакой перемѣны въ однообразной и печальной странѣ по берегамъ, экспедиція неожиданно увидѣла рѣку, протекавшую опѣ С. В., и не меньшую объемомъ самого Муррая. Капитанъ Никольсъ плылъ къ верху ея на нѣсколько миль, и нашелъ, что ширина русла простирается до 50-ти футовъ. Берега, населенные дикарями, казались красивѣе Муррайскихъ. Глубина рѣки доходила до 11-ти футовъ; вода была въ ней мутная, но совершенно прѣсная. Спуртъ не колебался утвердить, что эта рѣка *Дарлингъ*, открытая имъ въ прошломъ году. Но путь слѣдуетъ еще изъяснить, почему же соленыя воды Дарлинга сдѣлались здѣсь совершенно прѣсными?

Принявши въ себя Дарлингъ, какъ полагаетъ Спуртъ, въ 20, или 25 льѣ далѣе на З., Муррай увеличивается еще довольно значительнымъ впаденіемъ съ юга, который называли рѣкою *Линдсея*, хотя она кажется та самая, что Гюмъ и Говелль называли Гоульбурновою. Пономъ земля вдругъ измѣняетъ видъ и дѣлается гористою. Сѣверное побережье рѣки образуетъ высокія стремнины, отчасти кажушіяся вулканическими. За ними другія горы, известковые, вытягиваются вдоль по побережью опѣсными спѣнами, въ 200 футовъ вышины, и въ нихъ можно видѣть множество коралловъ и ископаемыхъ роковинъ. Наконецъ, 3-го Февраля, послѣ долгаго и труднаго плаванія, находясь почти подъ 137° 25', путешественники вдругъ замѣтили измѣненіе въ Мурраѣ: рѣка повертывается

здѣсь отъ С. къ Ю.; воды ея, глубокія, мутныя и тихія, текутъ въ извилинахъ береговъ, и льѣ въ 30-ти послѣ оборота на югъ, вливаются въ обширное, соленое озеро, названное *Александринскимъ*. Это обширѣйшій водоемъ. Спуртъ полагаетъ его не менѣе 50 миль въ длину и 30—40 миль въ ширину. На самой срединѣ своей озеро это не глубже 4-хъ фуговъ, слѣдственно, собственно говоря, составляетъ оно большое соленое болото, сообщающееся излучистымъ протокомъ съ заливомъ Encounter.

Съ вершины нѣкоторыхъ песчаныхъ прибрежьевъ Спуртъ могъ видѣть внизу море и снятъ положеніе мыса Джервисова. На берегахъ озера замѣтили тюленей, а на южномъ берегу, издали, нѣсколько дикарей, вооруженныхъ и расписанныхъ красками, что не показывало пріязненныхъ намѣреній съ ихъ стороны. Дикари не показали ни малѣйшаго желанія приблизиться къ Англичанамъ. Можно-бы сказать, что они были на порогѣ отъ этихъ поѣшителей. Спуртъ отправился обратно и прибылъ прежнею дорогою со всеми товарищами къ мѣсту своего шабора.—Такимъ образомъ онъ былъ первый изъ прошедшихъ Австралію отъ одного берега до другаго, правда, неполнѣ, ни въ ширину, ни въ длину, но достаточно однакожъ для открытія пупы другимъ изслѣдователямъ и для рѣшенія важной проблемы о гидрографической системѣ обширной страны Австралійской.

Въ началѣ 1832 года, Маіоръ Митчелль также отправился для изслѣдованія земель къ С. З. — Хотѣли узнать и повѣрить, что было достовернаго

въ извѣстіи одного бѣглеца, который пять лѣтъ прожилъ съ внушренними дикарями и принялъ всѣ ихъ обычаи. Эпопъ бѣглецъ, по имени *Барберъ*, былъ захваченъ опрядомъ конной полиціи, и вопъ чпо собспвенно узнали опъ него:

Два раза, говорилъ Барберъ, проходилъ я всю Авспралію въ С. З. направленіи, слѣдуя теченіемъ рѣки, выходящей изъ западной оплогости горной цѣпи, ограничивающей долины Ливерпульскія. Эша рѣка течетъ сначала по широкому и глубокому руслу, на нѣсколько сотъ миль, безъ всякаго препятствія, а потомъ вливается въ озеро, весьма обширное, сообщенія котораго съ Океаномъ онъ Барберъ не могъ замѣтить. Дикари сказывали однакожь, чпо опъ времени до времени являющся шупъ какіе-то *чужеземцы* и рубяшъ по берегамъ *пахучее дерево*, увозя его весьма большое количество. Эпи чужеземцы, которыхъ дикари весьма бояшся, вооружены бывающъ двумя копьями, большимъ и маленькимъ, но бросающъ въ непріятеля только маленькое. Безъ сомнѣнія, эшимъ копѣли дикари изъяснишъ, чпо у чужеземцовъ, о которыхъ говорили они, естъ копья и стрѣлы. Они приплывающъ, продолжали дикари, въ деревянныхъ лодкахъ, когда лодки всѣхъ Авспралійцевъ, напрошивъ, дѣлающся корковыя. Одежду чужеземцовъ составляетъ родъ рубашки съ рукавами до локтей и шаровары до коленъ. Всѣ эпи подробности походили на описаніе одежды Малайцевъ. Къ рассказамъ дикарей Барберъ присовокупилъ опъ себя, чпо онъ видѣлъ пни деревъ, явно срубленныхъ шопоромъ, а у одного изъ дикарей еще свѣжи были

рубцы отъ раны, нанесенной маленькимъ меташельнымъ копьемъ, которое чужеземцы бросаютъ чрезвычайно мѣтко.

Экспедиція Маіора Мипчелля продолжалась около чешырехъ мѣсяцовъ. Пошера частіи запасовъ и погибель двухъ изъ людей, измѣннически убитыхъ дикарями, воспрепятствовали Мипчеллю продолжити изслѣдованія столь далеко, сколько-бы хотѣлось ему. Новыхъ открытій не сдѣлано, и только снова осмопрѣвы теченія водъ, которыя прежде обозрѣвалъ Куннингамъ, рѣки Іоркъ, Гвидеръ и Думерангъ или *Караула*, при чемъ найдено, что дѣйствительно онѣ суть только протоки, присоединяющіеся къ рѣкѣ Дарлингъ.

Дикари на берегахъ Караулы не покушались открыто напасть на караванъ Мипчелля, но старались подстеречь его внезапно, то преслѣдуя сзади, то идя съ нимъ рядомъ, толпою, человекъ по сотнѣ. Изъ этого выходило, что Англичане должны были непрерывно остерегаться и каждый ночлегъ выбирать въ мѣстахъ естественно укрѣпленныхъ, чтобы защищиться отъ ночныхъ нападений. Ночью были убиты два Англичанина, когда они вели къ станowiщу скопину и снаряды.

Самое дальнее разстояніе, какого достигли на западномъ берегу, было миляхъ въ 120-ти, подъ 32° ш. ю.—Земля здѣсь въ красивыхъ неровностяхъ, плодородна по наружности, хорошо орошена и повсюду обильна обширными пажитями. Въ половинѣ дороги увидѣли красивую рѣку, которую называли *Авонъ*; она течетъ отъ Ю. къ С., и теченіе ея

было осмопрѣно миль на 30-ть. На ея берегахъ, подъ огромнымъ гранитнымъ утесомъ, Даль открылъ обширную пещеру; круглый сводъ ея можно было почестъ произведеніемъ искусства. « На одной изъ стѣнъ пещеры, » говоритъ Даль, « было грубо изображено что-то въ родъ солнца: кругъ, около 18-ти дюймовъ въ поперечникъ, съ лучами въ лѣвую сторону и съ фигурами въ срединѣ, линіями, пересѣкавшими одна другую подъ прямыми углами. Подлѣ видны были изображенія руки и множествъ кистей руки. » Только трехъ дикарей вспрѣпили по печенію Авона, казавшихся ласковыми и гошовыми услужить, но кромѣ того замѣпили слѣды еще многихъ.

Лейшенантъ Рое шелъ сухимъ путемъ отъ колоніи на Лебяжьей рѣкѣ къ порту Короля Георгія, придерживаясь въ 60 или 70 миляхъ отъ береговъ, омываемый отъ нихъ цѣпью горъ Дарлингскихъ, протянутою на всемъ этомъ пространствѣ. Горы сіи гранитнаго основанія; средняя вышина ихъ около 4000 футовъ, но оспроконечная вершина передъ гаванью Георгіевскою не болѣе 550 футовъ. За горами разспилается, почти на 80 лѣ, спрана слегка волнистая, съ зелеными долинами и превосходными пажитями, орошаемая множествомъ ручьевъ и потоковъ. Никакой значительной рѣки здѣсь не вспрѣпилось; самыя большія печенія водъ не шире 15—20 шазовъ.

Наконецъ докторъ Вильсонъ недавно осмопрѣлъ внутреннія земли около залива Георгіевскаго, на разстояніи миль около ста. Онъ могъ удостовѣ-

ришься, что рѣка Французовъ дѣйствительно беретъ свое начало подлѣ высокихъ разпреснувшихся горъ, находящихся къ сѣверу отъ гавани, и что все ея теченіе можно положить въ 30, или 40 миль. Въ 45 миляхъ отъ моря, Вильсонъ видѣлъ озеро *Катарина*, обильное черными лебедями и другими водяными птицами. Далѣе открыты рѣки *Слиманъ*, *Гай*, *Денмаркъ*, всѣ при впадающія въ лагуны, за горою *Гилльеръ*, пробѣжавъ пространство отъ 30-ти до 40 миль. Можно было замѣтить, что земля ширѣ вообще плодородна и съ большимъ успѣхомъ можетъ быть обрабатываема.

Этимъ заключились до нынѣ всѣ внутреннія изслѣдованія обширнаго Австралійскаго материка. Не переходя еще къ общему очерку его, мы считали необходимымъ объяснить новѣйшія изысканія Англійскихъ путешественниковъ, тѣмъ болѣе, что подробности ихъ мало извѣстны въ Европѣ.

Австрія, или иначе *Новая Голландія*, имѣетъ предѣлами 11° и 39° ш. ю. и 111° — 152° долг. вост., отъ Парижскаго меридіана. Слѣдственно составляетъ она обширнѣйшій островъ, около 1000 льё въ длину, и средняя ширина котораго до 450 льё, такъ, что площадь Австріи равняется почти ширѣ четвертямъ Европы. Разсматривая сію землю на картѣ, или на глобусѣ, не лѣзя не замѣтить въ очеркѣ этого великаго материка сходства во многомъ съ Африкою. Тотъ и другой материкъ протягиваются углами къ конечностямъ; оба вырѣзаны въ юговосточной сторонѣ, у обоихъ ширина наиболѣе къ срединѣ. Только проливъ Басса, отдѣ-

ляя Тасманию, дѣлаесть несходство южной части Австраліи съ Африкою.

Бассовъ проливъ разрѣзываетъ Австралію отъ Тасманіи, а Торресовъ отъ Новой Гвиней. На востокъ, около 500, или 400 миль морскаго пространства, отдѣляющъ отъ Австраліи Новую Зеландію и Новую Каледонію, а на западъ весь Индійскій Океанъ простирается между нею и Африкою.

Множество острововъ разной величины разсыпано около береговъ Австралійскихъ, особливо сѣверныхъ, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ образуютъ они непрерывныя перемычки, присоединяясь мѣлами къ большому матеріку. Важнѣйшіе изъ острововъ суть: на сѣверѣ *Принца Валлійскаго*, *Веллеслей*, *Большой* (Groote) и *Мельвилль*; на западѣ *Дампировъ*, *Баррова*, *Диркъ-Гатихсъ* и *Rottenest*; на югѣ *Изысканія* (Archipelago of the Recherche), *Нуитцовъ*, *Кангуровъ*, *Кинговъ* и *Великій* (I. Great); наконецъ, на востокъ *Моретонъ*, *Козерога*, *Нортумберландъ* и *Кумберландъ*.

Обширный заливъ *Карпентарійскій*, не менѣе 150 льё углубленія, при 110 льё ширины, значительно вырѣзываетъ берега Австраліи къ сѣверу. Другія замѣчательныя впадины моря суть заливы: «*Фанъ-Діеменскій*, *Кембриджскій*, *Эксмоушовъ*, *Морскихъ Собакъ*, *Спенсеровъ*, *Сенъ-Винцентскій*, *Glass-House* и *Гервеевъ*. » Берега Австралійскіе представляютъ кромѣ того множество добрыхъ пристанищъ, способныхъ вмѣстить и охранить многочисленныя флоты. Таковы: «*Портъ-Джаксонъ*, *Бошанибей*, *портъ Западный*, *Филлиповъ*, *Короля Георгія*, » и

наконецъ великолѣпный заливъ *Джсервисъ*, столь обширный и надежный.

Легко понять, что на землѣ, столь обширной, климатъ долженъ разниться въ различныхъ мѣстахъ, смотря по ихъ географической широтѣ. На всемъ сѣверномъ приморьѣ почти непрерывные и палящіе жары. Въ средней полосѣ, отъ 23-го до 30° ш. ю., климатъ становится умереннымъ, и наконецъ на южныхъ приморьяхъ годъ дѣлится на обыкновенныя двѣ половины, жара и холода, дождя и засухи. Но времена года однакожь не раздѣлены здѣсь такъ правильно, какъ у насъ въ Европѣ. Тщательныя наблюденія 1822 и 1823 гг. въ Параманна показали самую большую степень холода—3° (100 градусныхъ) и 41° лѣтомъ. Средняя температура зимою по наблюденіямъ оказалась однакожь отъ 10° до 11°, а лѣтомъ отъ 22° до 23-хъ. Перемены температуры, впрочемъ, бывающъ часты и внезапны; не однажды видали въ одинъ день переходы термометра отъ 12 до 15°.

Ужасныя засухи опустошаютъ все пространство Новаго Южнаго Валлиса, и не рѣдко шесть, семь мѣсяцовъ проходитъ такъ, что не упадетъ ни одной капли дождя. Тогда пожары, иные нечаянно, другіе отъ зажиганія лѣсовъ и шравъ дикарями, губящъ произрастаніе и угрожающъ безопасности жещелей и спадъ ихъ. Во все время, пока они продолжаются, воздухъ наполненъ бывающъ облаками удушающаго дыма, и долго попомъ спрана являющъ печальною и обгорѣлою. Иногда наспунающъ дожди, льющъ съ такимъ обиліемъ, что, кажущъ,

угрожающъ попопомъ. Теченія рѣкъ мгновенно расширяются, заливаютъ окрестныя долины, образуютъ среди ихъ обширныя озера, изъ коихъ видны только вершины высокихъ деревьевъ. Такимъ образомъ, въ 1799 году, русло Гавкесбури мгновенно возшло на 40 футовъ надъ своимъ обыкновеннымъ уровнемъ, а въ 1806 году неслыханное возвышеніе этой рѣки дошло до 80 футовъ. Правда, наиболѣе приписываютъ здѣшнія быспрыя и внезапныя повышенія водъ сосѣдству Синихъ горъ и самой природы земли, орошаемой водами Гавкесбури; но рассказы путешественниковъ, видѣвшихъ въ ихъ-же мѣстахъ обширныя озера и осушившіяся долины, подтверждаютъ, что переменчивость дождя и засухи есть общій характеръ всего материка Австралійскаго. Другимъ утвержденнымъ фактомъ можно почесть то, что количество дождевой воды, упавшей въ Параматта въ теченіе одного года, почти равно тому, сколько падаетъ его въ Шотландіи, а именно до 80 дюймовъ.

Донинѣ не открыто въ Австраліи ни одной горы, которая равнялась-бы вышиною съ Европейскими горами перваго разряда. На восточномъ приморьѣ цѣпь *Синихъ горъ*, идущая параллельно съ берегомъ, на разстояніи отъ моря 15—20 льё, рѣдко возвышается до 400 фузовъ надъ уровнемъ моря. *Sea-View-Hill*, самая высокая точка въ этой системѣ горъ, одна только достигаетъ до 700 фузовъ. Но и столь небольшой высоты достаточно для раздѣленія водъ, текущихъ къ В. и З.

Горы *Варрагонскія*, иначе именуемыя отъ Англи-

чанъ *Австралійскими Альпами* и *Бѣлыми горами*, служащъ къ югу продолженіемъ *Синихъ горъ*. Ихъ вершины покрыты, какъ говорятъ, вѣчными снѣгами. Между ними и моремъ находится цѣпь *Черныхъ горъ*, видимыхъ за 20-ть и 30 льё съ моря; слѣдовательно, можно положить возвышеніе ихъ до 1000 фузовъ, хотя онѣ еще не измѣрены надлежащимъ образомъ. На западномъ приморьѣ, отъ рѣки *Лебедей* до залива *Короля Георгія*, идутъ горы *Дарлингскія*. Одна только изъ вершинъ ихъ, гора *Виллиамова*, имѣетъ около 450 фузовъ возвышенія, а все остальное гораздо ниже.

На сѣверныхъ берегахъ до сихъ поръ замѣчали только земли низкія, неровныя, тамъ и сямъ усыпанныя отдѣльными, невысокими горами, не составляющими никакой горной системы. Правда и то, что до сихъ поръ извѣстны здѣсь только берега песчаные и гладкіе. Напрошивъ, южный берегъ усыпанъ почти сплошь высокими утесами, за которыми во внутреннихъ земляхъ видны горы средняго возвышенія.

Долго полагали, что въ *Австраліи* нѣтъ собственно населяющихъ рѣкъ, ибо, слѣдуя по печеніямъ водъ, при успяхъ своихъ походившимъ на рѣки, почти всегда находили, что они оканчиваются незначительнымъ сборищемъ испоконъ, почти пересыхающимъ во время жаровъ. *Непинъ*, или *Гавкесбури*, подлѣ *Портъ-Джаксона*, составляла единственное исключеніе изъ общаго правила. Рѣки *Маккари*, *Лачланъ*, *Георгіева*, *Гунтеръ* и *Гастингсъ* являли со всѣмъ ничтожную массу водъ. Но открытія въ по-

слѣдніе годы значительно измѣнили общее повѣрье. Рѣки: Брисбанова, Дарлингова, Муррай, Авонъ, конечно, не суть такія, какія находимъ въ Европѣ и Азіи, но однакожь онѣ значительны, глубоки и способны къ плаванію на большемъ просяженіи. Такъ Муррай, или Моррумбиджи, значительнѣйшая изъ всѣхъ, просширается въ прямой линіи отъ В. С. В, къ З. Ю. З., почти на 200 льѣ.

ГЛАВА XCV.

АВСТРАЛІЯ. — ПРИРОДА ЗЕМЛИ.

Во время открытія Австраліи, на сей обширной землѣ только одно живошное напоминало собою живошныхъ другихъ частей свѣта—это была собака. Всѣ другія представляли новые роды, и почти всѣ ихъ надлежало причислить къ разрядамъ мышечныхъ или двуутробокъ.

Австралійская собака походитъ на лисицу, хотя немного больше ея ростомъ, ибо она около 2-хъ фузовъ вышиною на ногахъ и два съ половиною фуса длины. Голова ея почти лисья, уши прямыя, цвѣтъ бываетъ различный, хотя всего чаще онъ темно-красноватый; собака Австралійская жалобно воеетъ, но не лааетъ. Часно нападаетъ она на овецъ и пшцу, производя величайшія опустошенія. Укушеніе ея считается для живошныхъ смертельнымъ. Она весьма ловка, и потому убить ее трудно. Нападая на кангуровъ средняго роста, она бросается сзади и кусаетъ звѣрю спину, и если онъ

оборотишся на бой, собака убѣгаетъ; но она ждетъ случая снова, и едва кангуру побѣдишь, возобновляетъ нападеніе, такъ, что звѣрь изнемогаетъ наконецъ въ неравной битвѣ. Колонисты не рѣдко пользуются боями собакъ съ кангурами и берутъ себѣ добычу.

Кангуровъ считается много родовъ, такъ, что не менѣе 12-ти ихъ находятъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Самые большерослые, фузовъ по пяти длиною, опережаютъ на бѣгу собакъ и иногда бьютъ ихъ хвостомъ своимъ. Самка рѣдко рождаетъ болѣе одного дѣтеныша, и никогда болѣе двухъ. Обыкновенные скачки кангуровъ проспираются отъ 12-ти до 15 фузовъ, но на ровномъ мѣстѣ они прыгаютъ иногда на сорокъ слишкомъ фузовъ. У кангуру много непріятелей, и между ними орелъ одинъ изъ самыхъ упорныхъ.

Другія животныя суть: *коала*, обыкновенно называемый колонистами лѣнливцомъ, величиною съ обыкновенную собаку, съ превосходною шерстью, питающийся листьями и корою деревъ, на которыя лазитъ; *вомбатъ* или *десманъ*, небольшой звѣрокъ, нѣсколько похожій на медвѣдя; мясо его уважается; *опосумы*, или *летучія бѣлки*, иначе называемыя естествоиспытателями *фалангисты* и *петауристы*, небольшіе звѣрки, обыкновенно живущіе на деревьяхъ, гдѣ они питаются насѣкомыми и прозябеніями; *перамелы* особый родъ ихъ, менѣе ростомъ, живущій въ пняхъ гнилыхъ деревьевъ.

Увѣряютъ, что въ Синихъ горахъ встрѣчаются *дазіуры*, хищные звѣри, изъ коихъ самые большіе

величиною съ волка; но это не доказано, и вообще полагающъ, что даяуръ есть обитатель Тасманіи. Орниторинхъ есть самый страннѣйшій здѣшній звѣрь, недавно бывшій предметомъ споровъ и состязаній между учеными. Онъ въ одно время шюлень и пшца, и живетъ въ рѣкахъ и болопахъ. Зоологи долго не рѣшали, живородящій-ли онъ, или яицеродный, и кажется, что вопросъ рѣшенъ наиболее въ пользу перваго изъ сихъ мнѣній. Впрочемъ, долго еще будетъ увлекашь вниманіе физиологовъ непонятный орниторинхъ, съ его рыбьимъ шѣломъ и его ушными лапами и клювомъ. Эхидна здѣшняя также физиологическая, задача походя на ежа и обитая въ землѣ; рыло у нея весьма острое, лапы снабжены когтями, и онъ того быстро можетъ она врываться въ землю, но ея укушеніе ошибочно считалось ядовитымъ.

Лѣтъ за тридцать, или за сорокъ, южный берегъ Австраліи былъ усыпанъ множествомъ тюленей, особливо изъ рода otarie; но непрерывныя преслѣдованія промышленниковъ, убивавшихъ ихъ изъ жиру и для полученія кожъ, значительно уменьшили ихъ число. Нѣкоторыя породы совершенно исчезли, пошому ли, что ихъ рѣшительно все выбили, или пошому, что они удалились на другіе берега. Полагающъ, что дугонги обитали на нѣкоторыхъ мѣстахъ западнаго побережья; но это донынѣ не подтвердилось.

Крокодилы или аллигаторы, какъ называютъ ихъ Англичане, обилуютъ въ протокахъ на сѣверномъ берегу, и достигаютъ значительной величины. Зе-

леная черепаха живетъ на многихъ мѣстахъ. Ящерицы здѣшнія многоразличны, и нѣкоторыя бывають до 4 футовъ въ длину. Одна изъ нихъ, видѣнная Куннингамомъ на С. З. берегу, была около двухъ футовъ и украшена широкими перепонками сзади головы и вокругъ шеи, такъ, что эшошъ родъ ожерелья придавалъ ей совсѣмъ необыкновенный видъ. Змѣй находятъ множество родовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ ядовиты, какъ на примѣръ черная змѣя (black-snake), самая опасная изъ всѣхъ. Другую называютъ Англичане брилліантовою (diamond-snake), и она бываетъ 15 футовъ длины, но такая величина рѣдка. Одни утверждаютъ, что брилліантовая змѣя ядовита, но другіе спорятъ противъ эшого. Еще особый родъ змѣй называется смертью, или глухою змѣею (death, deaf-adder). Онѣ были-бы пагубны для человека, если-бы укушеніе ихъ дѣйствительно имѣло бы ужасныя послѣдствія, которыя приписываютъ ему общее мнѣніе. Недавно еще, какъ сказываютъ, одинъ изъ колонистовъ былъ ужаленъ и погибъ мгновенно. Кровь пошла у него глазами, носомъ, ртомъ и ушами; едва умеръ онъ, началось гніеніе трупа, и въ самое краткое время достигло до того, что съ трудомъ успѣли донести мертвого до могилы. Прибавимъ однакожь, что разсказывающій эшо событіе не ручается за достоверность его.

Птицъ находится въ Австраліи довольно много породъ. По росту всѣхъ замѣчательнѣе ему, родъ казоара, весьма высокъ на ногахъ и мясомъ весьма вкусенъ. Другія птицы суть: пеликаны, черные лебеди, цереопсы, менуры съ лирообразнымъ хвостомъ,

дианры прелестныхъ оранжевыхъ и серебряныхъ цвѣшовъ, орлы, соколы, черные какаду, а также бѣлые и сѣрые, попугаи и *перрюши* всѣхъ цвѣшовъ и оппѣнковъ, цапли, разныхъ родовъ гуси и утки, вороны, зимородки, рыболовы весьма большаго роста; далѣе голуби, горлицы, куропапки, усприцеѣды, *корби-калао* съ хохлапою головою, кукалы, *кассианы-говоруны*, удивительные *лоріоты* регента, блестящія *Королевскія эпимаки*, и наконецъ *тракеты*, ппички весьма небольшія, ясписоваго цвѣта съ богатыми, блестящими оппѣнками.

Не столь обширное, какъ въ *Спаромъ Свѣштъ*, царство насѣкомыхъ представляеть энтомологическую особенность, свойственныя *Авспраліи*. *Чешуекрылыя* вообще немногочисленны и рѣдко опличаются блестящими цвѣтами, исключая однакожь сѣверный берегъ, гдѣ находящся также многіе роды *Ново-Гвинейскихъ* молюсковъ, но за то въ *Авспраліи* множество *жесткокрылыхъ*, съ любопытными формами. Мухи, муравьи, муспики весьма обыкновенны и весьма несносны; находили въ *Авспраліи* муравейники въ 30 и 40 футовъ окружностью и опъ 10-ти до 12 футовъ вышины. Эпи насѣкомыя губяпъ и опустошаюпъ насажденія, а иногда въ прахъ испачиваюпъ пни деревьевъ. *Гусеницы* составляютъ въ иные годы также истинную язву и совершенную гибель надеждъ земледѣльца.

На берегахъ *Авспралійскихъ* собрано множество неизвѣстныхъ прежде раковинъ, и въ первое время послѣ открытія съ жадностію искали ихъ любители *Конхіологіи*. *Фазіанеллы* обилуютъ на бере-

гахъ западныхъ, *теребратулы* въ Западномъ порптѣ. Перонъ и Куа нашли тамъ живую *тригонію*, до шѣхъ поръ извѣстную только въ ископаемомъ видѣ. Морской рыбы весьма много и почти все вкусной. Несмотря на малыя печенія, рѣки здѣшнія также весьма рыбны. Кислородныя всѣхъ величинъ водяныя подлѣ береговъ Австралійскихъ. Наконецъ въ зоофитахъ сдѣланы здѣсь открытія особенныхъ породъ.

Флора Австралійская обогатила извѣстное прежде расщепленное царство множествомъ новыхъ родовъ, отличныхъ разнообразными и прелестными формами. Садоводство Европейское взяло уже себѣ нѣсколько изъ здѣшнихъ красивыхъ прозябеній и многія изъ нихъ съ успѣхомъ разведены въ садахъ любителей, особенно Англичанъ. Но въ замѣну того, природа отказала здѣшнимъ спранамъ въ питательныхъ растеніяхъ, рѣдкими и немногими изъ нихъ одаривши Австралійскія обширныя пустыни. Тщетно будешь здѣсь искать кошораго нибудь изъ драгоценныхъ произведеній, распускающихъ на всѣхъ земляхъ Океаніи. Самого кокоса, этого всеобщаго и питательнаго прозябенія, находимаго на всѣхъ островахъ Океанійскихъ и въ Малезіи, нѣтъ на самыхъ знойныхъ побережьяхъ Австраліи. Ни однимъ изъ растеній, доставляющихъ дикарямъ здѣшнимъ бѣдное пропитаніе, не могли воспользоваться Англіискіе колонисты, и потому спарались они немедленно ввести Европейскія питательныя растенія, изъ коихъ многія уже успѣшно обрабатываются на здѣшней почвѣ.

Самыя густыя деревья Австраліи представляютъ
Ч. X.

мало тѣни, по причинѣ формы и расположенія ихъ листовъ. *Эвкалипты*, *казуарины*, или *лептоспермы*, издали обѣщающія свѣжестъ и прохладу, вблизи едва доставляютъ достаточную тѣнь для спасенія путешественника отъ лучей солнца.

Всего болѣе различій находится въ Австралійскихъ протейныхъ, мирсовыхъ, бобковыхъ, сложныхъ, эпакридовыхъ и діосмовыхъ породахъ. Изъ нихъ является наиболѣе великорослыхъ произведеній природы. Самыя полезныя изъ деревьевъ здѣшнихъ суть эвкалипты; древесина ихъ служитъ для всякихъ подѣлокъ, если только она здорова, что бываетъ весьма рѣдко. *Красный кедръ* (*red cedar, cedrela Australis*) даетъ доски красноватаго цвѣта, легкія, но прочныя. *Тристанія* и *мелія азедарахъ* служатъ для постройки лодокъ, а изъ *ксилломелии* дѣлаютъ ружейныя ложи. Можно упомянуть еще объ одномъ или двухъ родахъ *араукарии*, двухъ *каллитри*, *флиндерсии*, разныхъ *казуаринахъ*, *трихилии* съ розовымъ запахомъ, *ангофортъ*, *дакриди*, *брисбани*, разныхъ *банксіяхъ*, неисчисляя уже дальнѣйшаго многообразія прозябаній, дерева коихъ употребляются на множество потребъ.

Куннингаму одолжены недавнимъ открытіемъ дерева изъ семейства бобковыхъ, плоды коего содержатъ въ себѣ широкія зерна, довольно пріятнаго вкуса, когда ихъ пережгутъ. Нѣкоторыя изъ мимозъ даютъ превосходную гумму. Одна изъ породъ эвкалипта снабжаетъ сахарною манною, совершенно похожею на Восточную.

Нашли въ Австраліи нѣсколько родовъ пальмъ,

но плоды всѣхъ ихъ ни къ чему негодятся. Одно прелестное лилейное растеніе, *doryanthes excelsa*, выбѣгаетъ иногда въ вышину на 18 и 20 футовъ. Ксанторрея и кингія оканчиваются къ верху широкими пучками длинныхъ, узкихъ, расположенныхъ розетками листьевъ, упадающихъ къ низу въ видѣ воды, переполняющей кувшинъ; первое изъ нихъ даетъ весьма вязкую гумму.

Изъ коры *hibiscus heterophyllus* можно-бы выдѣлывать веревки. *Caladium macrophyllum* покрывается шишками, годными въ пищу въ случаѣ недородовъ. *Leptomeria* и *Billardiera* приносятъ маленькія ягодки, копорыя ѣдятъ дикари и дѣти колонистовъ, хотя вкусъ ихъ не весьма хорошъ. Не смотря на близость Молукскихъ острововъ и сходство климата, пряностей здѣсь нѣтъ. Нашли здѣсь только родъ мушкатника, названный *myristica insipida*, но вовсе безполезный, какъ доказываетъ самое имя его.

Между морскими растеніями, унизывающими прибрежные утесы, одно замѣтно по своимъ широкимъ плодамъ, изъ коихъ дикари выдѣлываютъ грубыя чаши для пиши. Отсюда происходитъ названіе растенію, данное Лабиллардьеромъ, *fucus rotatorum*.

О царствѣ минеральномъ, до нынѣ худо изслѣдованномъ, много сказать нѣчего. Только недоспаечныя еще замѣчанія имѣемъ мы объ Австралійской геологіи. Горы, въ различныхъ мѣстахъ, являютъ первозданныя и вѣтромъ вспененныя скалы. Утесы Георгіевской гавани граничные, такъ-же, какъ и горы между нею и Лебяжьей рѣкою. Гора Линд-

зай, одна изъ высокихъ почекъ сей цѣпи, оканчивается чепыресторонною плоскостью, въ 1500 шаговъ вышины, весьма плотною, усыянною обломками кварца, съ огромными глыбами гранита по угламъ. Полагаютъ, что гранитъ составляетъ также основу большей части здѣшнихъ высокихъ горъ.

Слоистый пещаникъ, или горизонтальные слаты, образуетъ основаніе всѣхъ утесовъ по южному побережью, а мадрепоровый известнякъ преимущественно на берегахъ сѣверныхъ; онъ-же обилуетъ и по берегамъ залива Морскихъ Собакъ. На Лебяжьей рѣкѣ нерѣдко встрѣчаются известковые и пещанные горизонтальные слои; ими закрыты раковины, корни и даже пни деревьевъ.

Присутствіе желѣза показываютъ во многихъ мѣстахъ крупинки хутородной руды желѣзной, и особливо въ нѣкоторыхъ новыхъ земляхъ, состоящихъ изъ песчанистой глины. Слѣды мѣди и свинцу находили въ Новомъ Южномъ Валлисѣ и на рѣкѣ Лебяжьей; свинецъ въ семъ послѣднемъ мѣстѣ, по видимому, содержитъ въ себѣ серебро, или ртуть. Впрочемъ, ни одинъ металлъ и никакія драгоценныя камни не открыты еще дословѣрно на пространствѣ великой земли Австралійской. За то учинены открытія болѣе драгоценныя—копей землянаго угля, въ окрестностяхъ Нью-Кеспля и по берегамъ рѣки Гунпера. Уголь найденъ богатыми жилами, на великомъ пространствѣ, слоями по прифуза толщиною и въ глубинѣ только отъ 15-ти

до 20 футовъ. Потомъ нашли еще уголь и въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ неявился онъ споль обилень.

Въ слояхъ пещаника и аспида, находящихся подъ слоями угля, замѣчены оппечашки распеній, изъ коихъ многіе, какъ говорятъ, показывали также слѣды цвѣтовъ, и въ числѣ ихъ, какъ увѣряютъ, оппечашки особенно *zamia spiralis*. Равномѣрно найдены еще многочисленныя оппечашки фиополиповъ, въ спрапообразномъ лигнитѣ, который встрѣчается около вершины Йоркской, въ Синихъ горахъ.

Известкового камня нѣтъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, и колониспы замѣняютъ его черепокожными, раковины коихъ лежатъ на ближнихъ кораллахъ сплошными грудями. Въ разныхъ мѣстахъ Авспралиі известъ является въ состояніи сѣрно-кислой и угле-кислой. Самородныя квасцы нерѣдко встрѣчаются въ кристаллизованной глинѣ, весьма чистыя. Въ окрестностяхъ Сиднея отыскали пѣнку (*piette de pıre*) превосходной доброшы.

Хотя не на одномъ мѣстѣ побережьевъ находили и собирали пемзу, но существованіе огнедышащихъ горъ донынѣ не только неопкрыто въ Авспралиі, но незамѣчено даже никакихъ слѣдовъ новѣйшихъ волканическихъ изверженій. Болѣе другихъ обильныя пемзою мѣста около Морепонскаго залива заставляли подозрѣвать, что въ двухъ ближнихъ вершинахъ могутъ таиться краперы, но тщательное изслѣдованіе непоказало однакожъ ничего похожаго на волканы.

Въ 1818 году открыли горящую гору, которая была названа *Вингенъ*, и въ дальнемъ разстояніи почли ее наспоющимъ волканомъ, но попомъ оказалось это горѣніе совершенно чуждымъ всякому волканическому дѣйствію. Явленіе само по себѣ такъ однакожь было любопытно, что мы почишаемъ не излишнимъ представить здѣсь разсказъ объ осмотрѣ его въ 1830 и 1831 гг. почтеннымъ Вильсономъ, капелланомъ Нью-Кеспльскимъ, въ ближайшемъ къ Вингену селеніи.

«Гора эта,» говоритъ онъ, «находится на восточной оплогости горной цѣпи, разделяющей низменности, орошаемая рѣкою Гунперомъ, опъ долины Ливерпульскихъ, подъ 31° 54' ш. ю. и 148° 36' д. в. — Возвышеніе горѣвшей горной вершины было неменѣе 1300, 1400 фузовъ надъ поверхностью моря. Во время перваго моего посѣщенія, въ началѣ 1830 года, запаленіе проспиралось на двѣ возвышенности горы, соспавленной изъ сплошнаго пещаника. Огонь шелъ съ верху къ низу на сѣверной высопѣ, превосходящей южную, и попомъ всходилъ на южную высопу. Казалось, что онъ занимаетъ углубленіе между двумя пиками горы, и это обспоятельство заставляло перваго путешеспвенника, посѣтившаго Вингенъ, думать, что горній верхъ соспавляетъ крашеръ, но на дѣлѣ оказалось, что по мѣрѣ того, какъ подземный огонь усиливался, камень дѣлился на множество трещинъ различной величины, и я могъ удобно разспотрѣть самую широкую изъ нихъ. Упешъ, состоящій изъ твердаго пещаника, являлъ здѣсь промежутокъ въ два фуша

шириною, оставляя наружъ верхнюю и южную часть запаленія; оспапокъ повалился и упалъ въ пустоту, образованную дномъ горячей чашки. Наблюдая и осматривая это мѣсто, въ глубину почти на 15 футовъ, видѣли сѣсны ушесовъ перекаленные до-бѣла, какъ будто опъ горѣнія извѣстки; сѣсныя и квасцовыя испаренія вылетаютъ изъ трещины, при подземномъ громѣ, гремящемъ съ величайшею силою. Спавши на обломкѣ ушеса, отдѣленномъ опъ верхней чашки, я бросалъ каменья въ трещину. Звуки, ими производимые въ паденіи, казались зашпахившими въ глубочайшей безднѣ, находившейся подъ моими ногами. Пространство, занятое дѣйствіемъ огня, можно было положить около полутора акра. Все оно было изрѣзано множествомъ трещинъ различной величины, изъ коихъ непрерывно испоргалась столбы сѣрсистаго дыма, сопровождаемые блестящимъ огнемъ. Края этихъ отдушинъ были покрыты кристаллами вывѣтрившей сѣры, цвѣтъ коихъ измѣнялся опъ красно-оранжеваго, производимаго примѣсью желѣза, до блѣднаго соломеннаго, что дѣлала примѣсь квасцовъ. Черное вещество, блестящее и смолистое, вѣроятно родъ бисума, находилось во множествѣ по краямъ многихъ трещинъ. Съ трудомъ могъ я достать нѣсколько кусочковъ его, по причинѣ внутреннего жара почвы подъ моими ногами и удушающаго свойства паровъ, изъ нея вылетавшихъ. Ни лавы, ни прихипа какого нибудь рода, здѣсь не находится; нѣтъ даже слѣдовъ землянаго угля, хотя онъ и обилуетъ въ окрестности. Очевидно, что гора Вин-

генъ горитъ съ давняго времени; множество акровъ земли, ниже горящаго нынѣ пространства, покрытыхъ старыми деревьями, носящими слѣды прежняго здѣсь запаленія, и разбросанныя между ними, остеклѣвшіе каменья, служатъ тому доказательствомъ. Огонь сильно свирѣпствуетъ и все предвѣщаетъ, что онъ еще болѣе усилился. Опъ времени до времени, дѣйствіемъ-ли электричества, или по другой причинѣ, подземныя вещества воспаляются, и расширяющая сила жара и испареній ломаетъ въ огромные куски самые пвердые утесы, непрерывно образуя такимъ образомъ новыя шрецины. Сѣрнистые и квасцовыя произведенія Вингена были удачно употреблены при лѣченіи коросшы на овцахъ. »

По приморью, въ 4-хъ миляхъ опъ Нью-Кеспля, въ 1828 году также замѣтили горящій утесъ, извергавшій сѣрнистые пары, и по краямъ шрецинъ на немъ собирали минералъ, хорошо кристаллизованный, копорый по изслѣдованію оказался солекислымъ нашатыремъ, смѣшаннымъ съ сѣрою. Но огонь поухъ здѣсь въ 1830 году, различаясь тѣмъ опъ огней Вингенскихъ, видѣнныхъ снова г-мъ Вильсономъ въ 1831 году.

« Я нашелъ, » говоритъ сей наблюдатель, « что запаленіе не только что не уменьшилось со времени моего перваго посѣщенія Вингенскихъ вершинъ, но распространилось на протяженіи двухъ акровъ. Теперь дѣйствовало оно съ увеличенною свирѣпостью на возвышеніи къ Ю. и Ю. Ю. З., и даже на незанятой имъ прежде части горы, то есть, холмъ къ

С.—Блестящія сѣрные кристаллы находились по прежнему на краяхъ главныхъ трещинъ, а по нѣкошорымъ были кристаллы квасцовые; опвсюду изъ разсѣлинъ непрерывно выходили удушающія испаренія. Огонь продолжалъ глухой ревъ свой подъ землею; каменя, бросаемаыя въ трещины, опзывались при паденіи своемъ въ ужасной глубинѣ внутренней бездны. Слѣды ниспроверженія, утесы пещаника громадной величины, разлетѣвшіеся осколками, безчисленныя трещины на поверхности земли, обвалы слоевъ, ниспроверженные и полусгорѣвшіе пни деревьевъ, другіе, ожидавшіе только паденія спремнинъ, на кошорыхъ они удерживались, чтобы повалились въ свою очередь; улешученные, возвышавшіеся кругомъ пары, среди рыканія подземныхъ огней, красный и бѣлый жаръ горящихъ разсѣлинъ—все это вмѣстѣ и порознь образовывало такое зрѣлище, на кошорое нельзя было взирать безъ изумленія, испытывая въ тоже время прискорбіе, что невозможно изъяснить съ нѣкошорою степенью вѣроятности первоначальныхъ естественныхъ причинъ такого страннаго явленія.

« Въ нѣсколькихъ шазахъ опъ горячей нынѣ часпи нашли мы на Вингенѣ пещаниковый слой, состоящій изъ двуопверстныхъ раковинъ, кошорыя казались принадлежащими къ роду перебрапулъ; другіе оспапки подобныхъ черепокожихъ встрѣчались на другихъ часпияхъ горы. Донынѣ найдено въ Авспраліи только два рода ископаемыхъ существъ, принадлежащихъ къ окаменѣлымъ животнымъ кошпиямъ, по близости горы Агава, неподалеку опъ

Вингена. Это были крестецъ (sacrum) какого-то большого звѣря, опысканный на пещаникахъ Гольдсвордскихъ, и второй зашейный позвонокъ особеннаго звѣря, миляхъ въ десяти отъ Морепона. Та и другая окаменѣлость не были скрыты въ слояхъ почвы, но лежали на поверхности. По сему, слѣдуя всей очевидности, полагаютъ, что онъ современны окаменѣлому дереву, которое разсыяно въ величайшемъ количествѣ по всему пространству Австраліи. Подлѣ протяженія болотъ Королевства (Kingdom), образующихъ одинъ изъ источниковъ Гунтера, и въ немногихъ миляхъ на С. З. отъ Вингена, находящіяся стоящія еще пни деревъ, перешедшіе въ окаменѣлость на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они росли некогда. Въ иныхъ участкахъ сіи пни сильно проникнуты желѣзомъ. — Также по берегу отъ Нью-Кеспля, въ 3-хъ миляхъ на С., на линіи высокаго прилива, въ утесѣ, подлѣ слоевъ каменнаго угля, недавно найденъ былъ стволъ окаменѣлаго дерева, въ отвѣсномъ положеніи; разломивши его, нашли сердцевину превосходнаго чернаго цвѣта, являвшую собою переходъ дерева въ галъ. На вершинахъ горы, гдѣ находился Нью-Кеспльскій телеграфъ, опысканъ пень дерева, лежавшій горизонтально, на футъ глубиною отъ земной поверхности; кора этого дерева была прекраснаго бѣлаго цвѣта. Въ этой и другой находкѣ были замѣчены тонкія халцедоновыя жилки.

Оканчивая географическій обзоръ Австраліи, должно прибавить, что никакъ невозможно теперь принять для нея наименованій, какія даны были

различнымъ часпямъ Авспралійскаго материка прежними его опкрывашелями, какъ-шо: «земля Ньюишца, Вишша, Аригейма, берегъ Eendracht, берегъ Leeuwin, и проч.—Всѣ сіи произвольныя и неопредѣленныя дѣленія ничего не показывающъ и во всякомъ случаѣ относятся только къ побережьямъ. Гораздо важнѣе и любопытнѣе было-бы узнать названія, придаваемыя каждой части земли туземцами, ибо, вѣроятно, что они соотвѣтствуютъ мѣстному расположенію жилищей; но никакъ не успѣлъ еще собрать для такой работы достаточныхъ матеріаловъ. Напрошивъ, Англичане дающъ нынѣ непрерывно названія по новымъ раздѣленіямъ, принимая имена, взятыя съ обласей и городовъ своего первоначальнаго опечесства. Вѣроятно, эти имена останутся навсегда, и для поколѣній, копорыя послѣдуютъ за нашимъ, *Новая Голландія*, съ большею почностью, можетъ быть наименована—*Новою Англіею*.

ГЛАВА ХСVІ.

АВСТРАЛІЯ. — ОБИТАТЕЛИ.

Племена, заселяющія Авспралію, принадлежатъ къ породѣ самой ничтожной и выродившейся изъ породъ Меланезійскихъ. Если надобно по сему отношенію предположишь какую нибудь объяснительную гипотезу, то должно положишь такъ, что обширный материкъ Авспралійскій населенъ съ береговъ Новой Гвинеи черезъ проливъ Торреса. Переходя здѣсь съ утеса на утесъ и съ острова на островъ, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, дикари могли достигнуть неблагоприятныхъ береговъ Новой Голландіи. Тутъ, лишенные питательныхъ прозябеній первобытной опчизны, принужденные къ быту бродячему, спраждущему, несчастному, они могли унижиться, изуродоваться, спастъ на ту степень, гдѣ находясь теперь, послѣднюю въ лѣствицѣ человеческого бытія. Если предположишь такое переселеніе въ Авспралію, то можно будетъ опять спросить, какимъ образомъ Гвинейскіе выходцы утрати-

ли употребленіе лука и стрѣлъ, ткање и разныя земледѣльческія и промышленныя занятія, копорыя извѣстны ихъ прежнимъ родичамъ? Эпопъ вопросъ легко можно разрѣшить: новое опечество непред- ставило переселенцамъ ни одного изъ средствъ, быв- шихъ въ обладаніи ихъ въ опчизнѣ первобытной. Не находя ни дерева для своихъ оружій, ни веществъ для выдѣлки тканей, по симъ причинамъ впади они поспепенно въ униженное и скопоподобное со- стояніе. Прибавимъ, что переселенія сюда изъ Новой Гвиней не могли бытъ ни внезапны, ни произ- вольны; дикари, перешедшіе на берега Авспралійскіе и основавшіеся здѣсь, вѣроятно были прогнаны вой- ною и междоусобіемъ изъ благословенныхъ эквапо- ріальныхъ земель.

Но такъ, или иначе, дикарь Авспралійскій яв- ляется намъ сложеннымъ не лучше безобразнаго Саа- ба южной Африки и уродливаго Печерея Огненной Земли. Всякое земледѣльческое занятіе остається ему невѣдомо, и едва немногіе изъ Авспралійцовъ доспи- гли до слабыхъ понятій о мореплаваніи, но и здѣсь непростерлись они далѣе поспройки какого-нибудь плота, или небольшой лодки изъ древесной коры.

Авспралиецъ вообще малорослъ и сложенія щедуш- наго; оконечности плъа его хилы и несоразмѣрны съ основою; брюхо нерѣдко велико, лобъ сжатъ, носъ приплюснутъ, ноздри бывающъ всегда расши- рены, глаза углублены и малы, ротъ широкъ, челю- сти выспавлены, борода черная, густая и щепи- нистая. Цвѣтъ кожи различенъ, опъ желтаго, или темно-бронзоваго, до весьма чернаго. Волосы быва-

юшъ, шо длинны и прямы, шо черны и кудрявы, но всего чаще всключены и завипы; никогда неувидше ихъ однакожь руноподобными, и эшо единственная черпа, рѣзко различающа здѣшнихъ дикарей опъ Африканскихъ Араповъ, съ копорыми во всѣхъ другихъ опношеніяхъ сближаются они изумительнымъ образомъ. Только нѣкопоры изъ Авспралійскихъ племенъ, по вліянію-ли мѣснаго климата, или опъ пищи, болѣе, нежели у другихъ обильной, являюшъ признаки сложенія болѣе возвышеннаго. Въ числѣ подобныхъ опличныхъ поколѣній, путешественники упоминаюшъ о племенѣ Марригонскомъ, а также о дикаряхъ окрестъ заливовъ Морепонскаго, Джервисова и Западнаго.

Съ молоду дикарки небываюшъ безобразны, подобно мужчинамъ. Формы тѣла, гибкія и легкія, являюшъ даже какую-шо дикую прелестъ. Но все эшо продолжается не далѣ первыхъ родовъ, и къ спарости Авспралійскія женщины спановяшся самыми отвратительными, какихъ шолько можеше себѣ вообразить, швореніями.

Авспралійцы ловки на бѣгу; какъ будто кошка какая нибудь, скоро и проворно вскарабкиваюшся они на вершины деревьевъ; зрѣніе ихъ сильно, слухъ понокъ и нѣженъ, зубы крѣпки и красивы. Рыбій жиръ между ними въ большомъ употребленіи; они мажушъ имъ свое тѣло, и эшо посшепенно придаешъ имъ отвратительный запахъ. Иногда они вздѣваюшъ на голову рыбы внушренности, предоспаляя солнечному зною вышавливать изъ нихъ жиръ и влагу. Эшо отвратительное средство, покрывая жирнымъ

веществомъ все плѣло дикаря, за то охраняетъ его отъ укушенія муспиковъ.

Прибрежные дикари находятъ важныя средства для пропитанія своего въ рыбъ и ракушкахъ. Для внутреннихъ жилищей сіи средства несуществуютъ, и они ограничиваются кореньями папоротей, рѣчными раковинами, птицею, змѣями, ящерицами и гусеницами, какихъ могутъ собрать. Все приготовленіе снѣдей ограничивается почти всегда поднесеніемъ ихъ на минушу къ огню, чтобы онъ немножко припеклись. Если успѣваютъ убить кангуру, что не бываетъ часто, такая удача является большимъ праздникомъ для дикарей. Но самымъ великолѣпнымъ торжествомъ считаютъ, когда на берегъ выкинетъ мертвого кита. Дикари жрутъ свою лакомую находку нѣсколько дней сряду, и оставляютъ ее тогда только, когда плѣло китовое окажется совершенно загнившимъ. Замѣчательную странность составляетъ предразсудокъ, въ слѣдствіе коего, столь неразборчивые на всякую пищу, Австралійцы ни за что не станутъ ѣсть скапа.

Долгое время думали, что Австралійцы не люди, но сдѣланныя изслѣдованія неоставляютъ уже никакихъ сомнѣній, что внутреннія племена дикарей человѣкоядцы. Куннингамъ повѣствуетъ, что находясь въ гостяхъ у одного своего пріятеля колониста, миляхъ въ 40-ка отъ Сиднея, онъ видѣлъ возвращеніе дикарей изъ похода противъ обитателей, живущихъ около гавани Батурска, нападавшихъ первоначально. На вопросъ Англійскаго путешественника, одинъ изъ нихъ показалъ ему пять своихъ

пальцовъ, давая эшимъ разумѣть, что онъ убилъ пятерыхъ непріятелей, въ числѣ коихъ была одна женщина. Грудь сей несчастной хранилась въ мышкѣ и ее показали Куннингаму. Дикари нескрывались, что они также съѣдятъ и эпошъ ошапокъ, какъ съѣли все другое. Въ подтвержденіе словъ дикарей, одинъ колонистъ сказывалъ Куннингаму, что за нѣсколько времени прежде видѣлъ онъ часть шѣла человеческого, положенную въ такой шочно мышокъ, и хранимую, какъ запасъ съѣснаго для дороги. Когда послѣ неудачной битвы, прупы Англичанъ попадались дикарямъ, они пожирали ихъ.

Въ южной части Австраліи, самой гористой и холодной, дикари носятъ небольшіе плащи изъ кангуровыхъ, или опоссумовыхъ кожъ, но это одѣяніе, закрывая только спину и плеча, оставляетъ почти все ошальное шѣло ихъ открытымъ. Для украшеній дикари носятъ въ волосахъ перья, пучки щепины, рыбы и птичьи кости, зубы животныхъ, склеенные вмѣстѣ родомъ гумми. У большей части дикарей сквозь носъ продѣвается косточка, или деревянная палочка. При большомъ нарядѣ мажутъ себѣ лицо и шѣло бѣлымъ, чернымъ и краснымъ, для чего употребляютъ раковинная известь, земляная охра и уголь. Распределеніемъ цвѣтовъ и рисунка отличаются различныя племена.

Рубчатый шашуажъ здѣсь въ великомъ почтѣ. Для этого дѣлаются довольно глубокія наръзки по кожѣ, образующія разныя фигуры рубцами, когда раны заживутъ. Обряды дикарей производятся съ условною пышностью, какъ мы видѣли это выше,

при описаніи празднествъ гна-лунга; самая цѣль эпой церемоніи—переходъ изъ младенчества въ совершенный возрастъ, за что платится поперею одного изъ переднихъ зубовъ, обспояшельство замѣчательное для народа, находящагося, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, въ глубочайшемъ невѣжествѣ. Зубы выбиваются при семъ случаѣ керредаями, имѣющими право на такую операцію. Но керредаи вообще занимають въ окрестностяхъ Порпъ-Джаксона одну роль съ пою, которую играютъ мулгарадоки между дикарями залива Георгіевскаго. Вездѣ въ Авспраліи находятся эпи шарлапаны, жрецы и лекаря, въ одно время употребляющіе въ свою пользу болѣзни, невѣжество и суевѣріе земляковъ.

Молодыхъ дикарокъ въ окрестностяхъ Порпъ-Джаксонъ также подвергаютъ мучительной операціи: въ дѣшствѣ опрубають имъ два суспава у мизинца лѣвой руки. Немогли узнать настоящей цѣли такого обряда. Можетъ быть, съ нимъ соединенъ какой нибудь предразсудокъ суевѣрный. Другіе полагають, что дикари думаютъ эпитъ придасть болѣе ловкости женщинамъ въ вязаньи сѣтей.

Вообще между Авспралійцами замѣчаютъ мало уродливостей. Дикарки родятъ дѣтей весьма легко. При немногихъ болѣзняхъ, какимъ подвергаются дикари, лекаря ихъ, или керредаи, употребляютъ родъ заклинаній, къ чему присоединяется сильное напираніе пѣла. Иногда даютъ они больнымъ ксанпоррейную гумму, и другія лекарства, пользующіяся между дикарями особенною довѣренностью. Мулгарадоки, по признанію самихъ Англій-

скихъ хирурговъ, искусны въ операціяхъ, особливо при вынятіи обломковъ копья изъ раны; извлеки ихъ, засыпають они рану особеннымъ порошкомъ, а потомъ перевязываютъ мягкой и нѣжною древесною корою, укрѣпляя ее бинтами.

У самыхъ образованныхъ племенъ Австралійскихъ жилища состоятъ въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ широкихъ кусковъ коры, сложенныхъ на подобіе ульевъ. Ихъ покрываютъ землею и оболочаютъ морскими распеніями, что совершенно защищаетъ ихъ отъ мокроты. Но наиболѣе образуютъ хижины дикарей здѣшнихъ вѣшныя плешушки, покрытыя проспникомъ, корою и листьями ксаншорреи. Въ своихъ переходахъ дикари непринимаютъ на себя труда соорудить какое нибудь временное жилье; для защиты отъ дождя и непогоды довольствуется каждый изъ нихъ широкимъ пласномъ коры, содранной съ ближайшаго эвкалипта, согрѣвая между тѣмъ переднюю часть тѣла огонькомъ, вокругъ котораго всѣ ложатся спать. Таковъ бываетъ ежедневный почлегъ дикарей, и переходя лѣсами Синихъ горъ повсюду видѣше слѣды огнищъ, а кругомъ ихъ лоскутья коры и остатки распеній, служившихъ пищею дикарямъ. По симъ признакамъ узнаютъ слѣды кочеванья дикарскаго. Что касается до постройки лодокъ, то самые образованные племена Австралійцевъ умѣютъ дѣлать ихъ только корковые, сшивая по краямъ и заливая потомъ особеннымъ родомъ резины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дикари остаются проглотидами, и живутъ въ напуральныхъ горныхъ

пещерахъ. На плоскости Кларковой, подлѣ мыса Мельвилева, Куннингамъ видѣлъ и осматривалъ одну изъ такихъ пещеръ; ея стѣны, покрышыя слоемъ красной охры, были исчерчены изображеніями рыбъ, пресмыкающихся, лодокъ, калекъ, и такихъ фигуръ находилось шутъ болѣе полупораста; всѣ онѣ были начерчены кусками бѣлой глины, разведенной на водѣ, и какъ ни грубы казались, но показывали уже собою начало идеи изящнаго искусства—живописи.

Обыкновенное срудіе Австралійцевъ—копье изъ твердаго дерева, и они умножаютъ силу его при бросаніи, употребляя небольшую палку, въ два, или три фута длиною, у которой съ одного конца выемка. Принимаясь за копье, держашъ палку почти опѣвѣсно въ правой рукѣ, между пѣмъ, какъ копье схватываютъ посрединѣ пальцами лѣвой руки, а конецъ его находишся на выемкѣ палки. Уравнявши и намѣшивши копье, бросаютъ его весьма сильно и удивительно мѣпко на невѣроятное разстояніе, часто попадая въ цѣль въ 70-ти и 60 футахъ. Копье дикарское просто заостренная длинная палка, иногда съ зазубринами на концѣ, либо съ косыю и кускомъ раковины. Головоломы, или *вадди*, у Сиднейскихъ дикарей дѣлающся изъ крѣпкаго дерева, и иногда оканчивающся на концѣ огромною шишкою, что дѣлаешъ удары ихъ весьма опасными. Мы упоминали уже о *вомерангъ* и снранномъ средствѣ его употребленія.

Для рыбной ловли дикари употребляютъ родъ багра, или оспроги, либо загоняющъ рыбу въ широ-

кіе заколы, дѣлаемые изъ каменьевъ, или кольевъ, переплешенныхъ вѣтвями, что при опливѣ оспаешся почти незакрыто водою. По рѣкамъ ловятъ рыбу сѣтями, захватывая иногда ими все рѣчное шеніе. Орудія рабочія суть топоры и ножи, весьма грубой ошдѣлки. Первые состоятъ только изъ обломка камня, весьма крѣпкаго, кое-какъ заостренного съ двухъ споронъ, и попомъ приклееннаго къ деревянной ручкѣ ксанпорреевою гуммою. Такой топоръ служишь и вмѣсто молотка. Ножи дѣлаются изъ оспрыхъ обломковъ кварца, прицаиваясь къ деревянной ручкѣ ксанпоррейною гуммою; ими можно только пилишь, а не рѣзаешь. Дикари чрезвычайно дорожатъ обломками спеклянныхъ бупылокъ, и шщательно собираютъ ихъ для замѣны кварцовыхъ кусковъ. Огонь добываютъ они подобно другимъ дикарямъ, сильно и быстро верша кусокъ сухаго дерева въ другомъ кускѣ. Для избѣжанія отъ шруда, съ какимъ сопряжено это добываніе огня, Авспралийцы, какъ говорилъ я, берегутъ зажженные головки банксіи. Общій обычай у нихъ выжигать сухую шраву, и онъ немало способствовалъ къ тому, что лѣса Авспралійскіе сдѣлались доступны Европейцамъ.

При всей своей бродячей жизни, племена Авспралийцовъ сохраняютъ весьма опредѣленные понятія о правахъ поземельной собственности. Каждое изъ нихъ вѣдаетъ свои предѣлы и строго защищаетъ ихъ отъ перехода сосѣдей. Нерѣдко нарушеніе пограничныхъ межей бываетъ причиною кровопролитныхъ ссоръ. Иногда ссоры эти переносятъ передъ

общее собраніе дикарскихъ племенъ, и здѣсь, подвергнушыя разбирапельству и суду, рѣшаются они бишвою, болѣе похожею однакожь на турниръ, нежели на настоящее сраженіе. Женщины присушествуютъ при такихъ рѣшеніяхъ дѣлъ, и нерѣдко берутъ въ нихъ дѣятельное участіе.

Въ Южной Австраліи иныя племена, почти никогда несоставляющія болѣе 30, или 40 человекъ всего на все, соединяются семействами, подъ властью, или старшихъ, или болѣе храбрыхъ. Власть эшихъ начальниковъ весьма ограничена, если вѣришь рассказамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ; но, по словамъ другихъ, она положительна и дѣйствительна, будучи при томъ облечена разными преимуществами, какъ-то: правомъ имѣть многихъ женъ и взымать лучшіе участки изъ добычи на охотѣ и рыбной ловлѣ.

Австралійцы приучаютъ собакъ для охоты за малыми родами опоссумовъ и кангуровъ, а также для открытія слѣдовъ большихъ кангуровъ и ему, безъ чего добыча была-бы весьма нелегка. Обученная собака считается драгоценностью, и дикарки даютъ даже иногда собакъ сосать свою грудь. Лейтенантъ Бретонъ повѣствуетъ, будто дикарки Австралійскія убиваютъ дѣтей своихъ, чтобы вмѣсто нихъ кормить грудью щенятъ, но только одинъ эшошъ путешественникъ передаетъ намъ извѣстіе о такомъ странномъ обстоятельстве!

Въ окрестностяхъ Портъ-Джаксона браки дикарей совершаются самымъ звѣроподобнымъ образомъ. Молодой дикарь, желающій жениться, спарается

захватишь какую нибудь дикарку изъ другаго племени; онъ нападаетъ на нее, бьетъ ее палкою, взваливаетъ себѣ на плеча и тащитъ въ свою семью, гдѣ насильно заставляешь повиноваться своей волѣ. И между тѣмъ, похищаемыя такимъ образомъ, женщины привязываются къ своимъ мужьямъ, и спановаятся попомъ добрыми манерами семействъ. Впрочемъ этотъ звѣрскій и уродливый обычай не всеобщъ въ Австраліи. Во многихъ мѣстахъ супружества заключаются съ обрядами чуждыми насилія.

Почеспи, воздаваемыя умершимъ, различны по мѣстамъ и племенамъ. Индѣ зарываютъ мертвыхъ въ землю съ извѣстными церемоніями; въ другихъ мѣстахъ жгутъ умершихъ на кострехъ; въ иныхъ бросаютъ трупы въ море. Наконецъ, и это замѣчено особливо въ окрестностяхъ Моретонскихъ, иногда родные и друзья сдираютъ съ мертвеца кожу, сжигая послѣ сего трупъ. Что они дѣлаютъ съ кожею, не извѣстно. Каковы-бы гдѣ ни были похороны, почти общій обычай запрещаетъ произносить имена умершихъ въ теченіе нѣкотораго времени, изъ опасенія вызвать съ того свѣта духъ покойника. Дикари стараются также неходить впереди могилы, боясь, что въ такомъ случаѣ мертвецъ явится и удавитъ неосторожнаго. Только керредаи имѣютъ право безнаказанно бродить около могилъ, но чтобы сдѣлаться керредаемъ, надобно напередъ отважиться провести цѣлую ночь подлѣ какой нибудь могилы. Во время сна при семъ случаѣ, по словамъ дикарей, изъ могилъ выхо-

дѣлѣ мертвецы, вскрываютъ живопѣ смѣльчака, переворачиваютъ у него кишки, попомѣ кладутъ все на прежнее мѣсто. За то послѣ этой, впрочемъ довольно непріятной операціи, смѣло можете встрѣчаться хоть съ цѣлою дюжиною мертвецовъ.

Если послѣ смерти матери останется грудное дитя и никто не вызовется принять на себя обѣмѣ попеченіе, то его безъ всякой жалости хоронятъ съ покойницею. Черныя и бѣлыя полосы по лицу означаютъ праурѣ, и ихъ носятъ дольше или короче, смотря по степени печали, какую хотя бы изъяснивъ обѣ умершемъ. Кромѣ того, дикари сдираютъ еще кожу съ носа и запрещаютъ всякое украшеніе.

Пляски Австралійцевъ имѣютъ характеръ символическій. Обыкновенно мужчины и женщины пляшутъ раздѣльно, какъ мы уже говорили обѣ этомъ, описывая увеселенія дикарей Георгіевскаго залива. Бретонъ рассказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ пляски Волломбискаго племени, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, и вотъ какъ она происходила: мужчины спали въ кружокъ около четырехъ женщинъ и пустились плясать. Дикарки легли между нѣмъ на землю, подогнувъ подъ себя руки и ноги, сполкнувшись головами вмѣстѣ и по временамъ брыкая то одною, то другою ногою. Поднявъ руки по медвѣжьему, лукаво глядя на дикарокъ и попрыхивая головами, дикари бѣгали кругомъ, соблюдая нѣкопору мѣру въ движеніяхъ своихъ. Черезъ нѣсколько минутъ женщины поднялись, а мужчины продолжали свои движенія, и вскорѣ вся эта, и безъ того

довольно неблагопристойная пантомима кончилась такимъ отвращительнымъ зрѣлищемъ, котораго описывать невозможно.

Австраліецъ вѣришь духамъ, силѣ сновъ, околдованію и чародѣйству. Злымъ наводненіямъ приписываетъ онъ почти всѣ свои болѣзни, и поному самыя употребительныя лекарства керредаевъ и мулгарадоковъ суть заклинанія, или новое колдовство, для разрушенія прежняго. Нѣкоторыя изъ племенъ Новаго Южнаго Валлиса вѣрятъ, что есть добрый духъ *Койанъ* и злой *Потойанъ*. Койанъ занимается только оказываніемъ человѣку благодѣтельныхъ услугъ, но дикари ужасно боясь Потойана, непрерывно упражненнаго злыми дѣлами. Появленіе этого негодяя возвѣщается особеннымъ, шихимъ и продолжительнымъ свистомъ. Колонисты, знающіе сіе суевѣріе дикарей, избавляющія иногда отъ докучливости ихъ шѣмъ, что свистуны имъ на подобіе Потойана. Идя подлѣ ушеса, дикарь отнюдь неосмѣлился свистнуть, опасаясь, что ушесъ отъ этого развалился и задавишь его. Дикари увѣрены также, что если начатъ жарить рыбу ночью, то подымется противный вѣтеръ, и Коллинсъ рассказываетъ по сему случаю довольно забавный анекдотъ: «Одна изъ колонистскихъ лодокъ была задержана въ гавани противными вѣтрами, и, отъ нѣчего дѣлать, маэрозы собрали нѣсколько ракушекъ, располагаясь изжарить ихъ за ужиномъ. Тутъ находился какой-то дикарь; онъ важно покачалъ головою и сказалъ имъ: «Если станете жарить ночью рыбу, вамъ nebudeтъ хорошей погоды.» Маэрозы хохотали, но на завтра

оправдалось предсказаніе дикаря, неблагопріятный въперъ усилился, и Англичане напали на бѣднаго про-рицашеля, утврждая, что онъ былъ причиною ихъ бѣды. Право, трудно рѣшить — прибавляетъ Коллинсъ — кто былъ тутъ глупѣе: дикарь Австралійскій или мои просвѣщенные соотечественники!»

Австралійскіе горцы вѣрятъ, что есть родъ земноводнаго животнаго, въ родъ крокодила, какое-то *варви*; что оно живетъ во внутреннихъ рѣкахъ и выходитъ изъ нихъ иногда, хватаетъ дѣшей и пожираетъ ихъ. Еще есть особенное чудовище, по рассказамъ дикарей, *купиръ*, съ человѣческою головою; оно живетъ въ недоступныхъ пещерахъ, и иногда пожираетъ черныхъ; но бѣлыхъ, къ счастью, прогнать никогда не смѣетъ.

Донинѣ невозможно было подвергнуть дикарей Австралійскихъ никакому статистическому учету. Еслибы рѣшились опредѣлить какую нибудь сумму, восходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то никакъ нельзя положить ее болѣе 100,000, отдавая половину на побережье, и считая это побережье въ десять лѣтъ кругомъ по берегу. Безконечныя промежутки земель были пройдены внутри Австраліи, такъ, что ничего не представлялось на нихъ, кромѣ рѣдко разсѣянныхъ племенъ, и такое малолюдство дѣлается понятно, если сообразишь недостатокъ средствъ для пропитанія тамъ дикарей. Съ открытіемъ новыхъ водныхъ путей, особливо въ самую внутренность Австраліи, конечно, встрѣтятся еще неизвѣстныя доселѣ Австралійскіе обитатели, но

сомнищельно, чшобы и тогда все народонаселеніе можно было оцѣнить болѣе, нежели въ 150,000 человекъ.

Впрочемъ, повсюду, куда только ни появлялись поселенцы высшаго образованія, непременно уничтожались передъ ними постепенно первобытныя, дикіе жители. Всѣ колонизаціи оканчивались истребленіемъ первобытныхъ туземцовъ, и Авспраліи, какъ Америкъ и Африкъ, неизбѣжатель подобной участи. Около Портъ-Джаксона дикія племена видимо убывающъ, и такая убыль неминуемо доведетъ ихъ до конечнаго истребленія. Чшо непокоряется образованію, шо всегда гибнетъ отъ его превышающей силы. Таковъ законъ медленныхъ, но неизбѣжныхъ успѣховъ человечества. Въ слѣдствіе сего, Авспралиецъ, получеловѣкъ, полузвѣрь, неимѣющій ни одного качества для соединенія съ Европейцомъ, изъ чего могли-бы произойти, какъ въ другихъ мѣстахъ, метисы и креолы, долженъ уничтожиться. Черезъ два столѣтія Авспралія будетъ Европою Южнаго полушарія, и тогда, можетъ быть, щещно будутъ исканы въ ней жителей первобытныхъ; слѣды ихъ останутся только въ нашихъ книгахъ, отгослоскъ описанія древнихъ обитателей этой Южной Европы.

Отлучка Издателя была причиною, что въ листы 15—19-й этого тома вкралось много опечатокъ. Вотъ

ГЛАВНЫЯ:

страниц.	строк.	Напечатано.	Читатъ.
226	14	ушесовъ	Ушесовъ
—	—	Дергингъ	Дербингъ
—	19	Валліамъ	Вилліамъ
227	31	Сивира	Сквира
228	5	мызы	мызы.
—	6	блакслонда	Блаксланда
—	30	коммиссиріапски-	коммиссаріапски-
229	20	fleese	fleese
230	11	баскешы	боскешы
—	30	Говкесбури	Гавкесбури
231	20	----	----
—	21	Викберфорсъ	Вильберфорсъ
232	12	арпоновъ	арпановъ
233	15	Говкесбури	Гавкесбури
234	16	Иллавапа	Иллавара
—	17	Апожилъ	Арджилъ
235	9	Макодама	Макадама
236	31	tomara	tamara
237	1	brandy	brandy
—	24	взошли	вошли
238	10	керредки	керредаи
240	9	временн	времени
—	26	Маредень	Марсденъ
241	1	----	----
—	11	Виллисъ	Валлисъ
—	—	Маредень	Марсденъ
—	16	----	----
245	5	Морригонгъ	Марригонгъ
—	9	Мор —	Мар —
—	17	ношъ	лашъ
247	16	Морригонгъ	Марригонгъ
—	28	Тупъ	Тогда
249	22	Уру-Море	Уру-Маре
252	4	Морригонгскаго	Марригонгскаго
—	13	Морригонговъ	Марригонговъ
—	25	South-Head	South-Head
253	9	----	----
255	10	нѣсколько	нѣсколько разъ
—	14	ровня-	равня-
256	3	карредан	керредан
257	5	кривляканья	кривлянья
258	8	вомору	вомару
—	11	воморы	вомары
261	15	копорыхъ	копорыхъ невозможно
262	30	эму	эму

спран.	спрок.	Напечатано.	Читать.
263	3	эпаго	этого
264	1	Токконію	Тасманію
265	15	де-Брокъ	де-Броссъ
267	7	Кеер	Кеер
—	11	Воезъ	Ваезъ
268	20	бахсъ	баксъ
—	22	боншаму	Баншаму
—	—	Жан —	Ян —
—	25	Галландскій	Голландскій
—	62	1616	1618
269	1	и	но
—	8	Abrolgos	Abrolhos
270	16	----	----
271	5	мареплавателю	мореплавателю
—	8	путешестіе	путешествіе
—	—	Субрекарга	субрекарга
—	16	Тосманъ	Тасманъ
—	20	----	----
—	25	Тосмана	Тасмана
—	30	компаніи	Компаніи
—	31	Тосмана	Тасмана
272	5	Авспалии	Австралии
—	9	ходящъ наги	ходящъ нагой
—	27	То —	Та —
275	5	чшобы,	чшобы
277	7	часто	чисто
—	12	gros-ventre	Gros-Ventre
—	30	поплыль	проплыль
278	4	Флиндеръ	Флиндерсъ
283	3	Куннингамъ	Куннингамъ,
—	17	Пилелою	Пилевою
285	9	вошелъ	вошелъ
289	12	эпа	эпо
—	28	роковинъ	раковинъ
295	6	спва,	спва
—	15	и	и
296	3	земль,	земль
298	17	берега	берега,
—	30	и	и
300	7	мышетныхъ	мышетныхъ,
302	13	гическая, задача	гическая задача,
—	29	Крокодилы	Крокодилы,
303	29	казуара	казуара
—	—	высокъ	высокая
—	30	вкусенъ	вкусная
304	8	регента	Регента

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ *девятой*
частии *Всеобщаго Путешествія*.

Листъ. Изображ.

ОСТРОВЪ ТИМОРЪ.

- CLXXIX. 352. Видъ Купангскаго залива (ч. IX. стр. 7.)
303. Малайское кладбище въ Купангъ (стр. 10).
CLXXX. 354. Всадникъ Тиморскій (стр. 12).
355. Примѣрная бипва Омбайскихъ островитянъ
(стр. 13).

ОСТРОВЪ ЯВА.

- CLXXXI. 356. Улица въ Бапавіа, въ отдѣленіи новаго города
(стр. 64).
357. Яванскій раджа въ обыкновенномъ нарядѣ (стр. 82).
CLXXXII. 358. Бунпендоргъ, загородный домъ Бапавійскаго
генераль-губернатора (стр. 83).
359. Малаецъ въ придворной одеждѣ, съ кри и ве-
дунгоми, и Малаецъ въ военной одеждѣ, съ тремя кри, въ шела-
нахъ (стр. 86).
CLXXXIII. 360. Церамскіе Малайцы, мужчина и женщина (стр.
86).
361. Малаецъ и Малайка въ подвѣсочномъ плащѣ
(стр. 87).
CLXXXIV. 362. Жилище Голландскаго резидента, въ Сурабаіа
(стр. 91).
363. Житель Банкалангскій на островѣ Мадуре
(стр. 98).

II

Листы. Изображ.

CLXXXV. 364. Торжественный выѣздъ Султана Банкалангскаго (стр. 97)

CLXXXVI. 365. Видъ части города Сурабаѳа (стр. 91).

366. Жилище Голландскаго резидента въ колоніи Баніу-Вангун (стр. 105).

CLXXXVII. 367. Музыканты Банкалангскаго Султана (стр. 94).

368. Однорогій носорогъ Яванскій (стр. 106).

CLXXXVIII. 369. Развалины дворца и храма въ Кулассанѣ (стр. 114 и 166).

370. *Ронгенъ*, или Яванская плясунья, пляшущая *тендакъ* (стр. 159).

CLXXXIX. 371. Развалины храма и статуи Будды въ Брамбанѣ (стр. 114 и 165)

372. Театральныя маски, кинжалы и маріонетки Яванскія (стр. 156 и 158).

CXC. 373. Развалины Буддйскаго храма въ Боро-Бодо (стр. 167).

374. Одна изъ 400 нишей, съ статуею Будды, въ храмѣ Боро-Бодоскомъ (стр. 167).

CXCI. 375. Браминскій жрецъ на острове Бали (стр. 104).

376. Яванскія знамена, оружіе и щиты (стр. 162).

CXCII. 377. Изваянія въ разныхъ Буддйскихъ храмахъ, въ Боро-Бодо, Кедира, Синга-Сари и Малангъ (стр. 168).

CXCIII. 378. Жилище Малайское (стр. 160).

379. Жилище Яванскаго простолюдина (стр. 160).

380. Жилище Яванскаго начальника (стр. 160).

АВСТРАЛІЯ.

CXCIV. 381. Гавань Короля Георгія (стр. 177).

382. Дикари въ окрестностяхъ Георгіевской гавани (стр. 182).

CXCV. 383. Утесы на рѣкѣ Французовъ и рыбныя заколы дикарей (стр. 183).

384. Охота за кангуру въ окрестностяхъ Георгіевской гавани (стр. 181).

CXCVI. 385. Kangaroo-Heat, на острове Кангуровъ (стр. 204).

386. Охота за пюлениями въ Западномъ заливѣ (стр. 213).

CXCVII. 387. Заливъ Джервисъ (стр. 296, 279) и жилища дикарей (стр. 322).

388. Входъ въ Портъ-Джаксонъ и видъ города Сиднея издали (спр. 220).

СХСVIII. 389. Видъ Сиднея вблизи (спр. 220).

390. Георгіевская улица (George-Street) въ Сиднеѣ (спр. 222).

СХСIX. 391. Маякъ на высотахъ South-head, близъ Сиднея (спр. 252).

392. Площина на рѣкѣ Параматтѣ (спр. 228).

СС. 393. (Сей рисунокъ принадлежитъ къ спр. 13, X-го тома Всеобщ. Пуп.).

394. Казармы въ Сиднеѣ (спр. 223).

ССI. 395. Слѣяніе рѣкѣ Муррай и Дарлингъ (спр. 288).

396. Могилы дикарей (спр. 262).

ССII. 397. Обрядъ *гна-лунга*, или выбиванія зуба въ знакъ совершеннолѣтія (спр. 258).

398. Похищеніе невѣсты между дикарями (спр. 250).

ССIII. 399. Погребеніе дикаря (спр. 261).

400. Дикарь Австралійскій (спр. 317). Изображеніе дикарки принадлежитъ къ X-му тому Всеобщ. Пуп.

ССIV. 401. Дикари, приготовляющіе корковую лодку (спр. 322).

402. Казуаръ, или *елу*, и лирообразная менура (спр. 303).

ССV. 403. Пляски дикарей (спр. 327).

404. Орннпоринхъ и дзѣуръ (*вамбапъ* или *десманъ*), живописныя Австралійскія (спр. 301, 302).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Океанія* (продолженіе *Малезіи*): острова *Тиморъ, Борнео, Ява; Австралія* (Новая Голландія): *Новый Южный Валлисъ.*

ГЛАВА LXXXVI. *Малезія. Островъ Тиморъ.* Прибытіе въ заливъ *Бабайскій.* Крѣпость *Конкордія.* Городъ *Купангъ*—Малайское кладбище; загородные дома богачей; праздникъ у вдовы Малайскаго раджи, пляски и шурниръ Малайскій. Описаніе Тимора — положеніе, обоготвореніе крокодила, богатство природы; исторія завоеванія Португальцами и Голландцами; нравы, одежда, обычаи, правленіе Тиморцовъ; племена, искусства. Окрестные острова: *Симао, Роптіе;* названіе *Сумбава-Тиморскими.* Острова *Сумбава* — о гнедышащая гора. — Острова *Ломбокъ, Солоръ, Сумбасаву*.....

7

ГЛАВА LXXXVII. *Малезія. Борнео.* Переходъ и остановка въ устьѣ рѣки *Баньермассингъ.* Величина острова, названія, положеніе, колоніи Европейцовъ. Опыты и неудачи Англичанъ и Голландцовъ. Незвѣстность частей *Борнео.* Наносныя прибрежья, рѣки, горы, произведенія природы. Дѣленіе областей — *Борнео, жипели,* правленіе, столица. Другія области: *Самбава, Мумпава* — Китайская колонія въ *Монспрадокъ; Понтіанакъ, Ландакъ, Машанъ;* народъ *Дайакъ.* Алмазы. Спрасть дикарей къ черепахъ. Другіе туземцы. Роды и племена

на. Недостовѣрность и непочность извѣстій о Бор-
нео. 41

ГЛАВА LXXXVIII. *Малезія. Островъ Ява. Море Яванское.*
Батавіа — видъ съ гавани; оспрова по заливу, перепра-
ва на берегъ. Описаніе города — части его, положеніе;
прежній Батавіа, улучшенія мѣстности и климапа,
число жителей, зданія, рынки, торговля, промышлен-
ность, житье, роскошь, училища, общеспво, забавы. —
Поѣздка къ Яванскому раджѣ, въ Буишенцоргъ и въ Це-
рамъ. Малайцы. Опытіе изъ Батавіа. Сурабаіа — опи-
саніе города. Оспровъ Мадуре. Разсказъ Лаплаза — пиры
у Сулпана Банкалангскаго; Безукіе на Ява; Сулпанъ
Суманапскій на Мадуре; Балийскіе пираты; колонія Ба-
ніу-Вангун — пигры и единороги. Опытіе опъ Ява. 65

ГЛАВА LXXXIX. *Островъ Ява. Внутреннія его области*
и мѣста, Обзоръ всѣхъ резиденцій на Ява — число жи-
телей, мѣстоположеніе, торговля, города. Оспрова
Мадуре и Бали. 108

ГЛАВА XC. *Островъ Ява. Всеобщій географическій очеркъ,*
нравы, религія, древности, Исторія. Имя, положеніе,
величина, рѣки, горы — волканы, провалъ Пападайанг-
скій — климапъ, произраспаніе — дерево упасть — звѣри,
бипвы буйоловъ съ пиграми, ппицы, салангановыя
гнѣзда, гады, рыбы. Жители — сложеніе, характеръ,
мугаммеданспво, браки, похороны, пища — бешель,
или сири, напитки, опіумъ — амокъ, матта-глабъ,
игры и увеселенія, пшпры, пляски, жилища, преж-
нее правленіе и чиноначаліе, одежда. Поэзія, образова-
ніе, оспашки прежнихъ храмовъ. Исторія — покоре-
ніе Голландцами. Знанія и науки. Полипика Голландцовъ. 122

ГЛАВА XCI. *Австралія (Новая Голландія), гавань короля*
Георга. Переходъ къ Авспраліи. Заливъ короля Георга.
Видъ земли. Дикарь. Оспавленная колонія, прогулка,
видъ окрестностей, жилища дикарей, кангуры; плава-
ваніе по рѣкѣ Французовъ — обиліе дичины. Могилы
дикарей, похоронные обряды, колдуны, болѣзни, бра-

ки, воспипаніе, пляски, начальники, гостепріимство, законъ мщенія, войны, языкъ. Охопа за кангурами. . . 173

ГЛАВА ХСII. *Австралія. Островъ Кангуровъ и Западный портъ.* Переходъ въ Напинскій заливъ—островъ Кангуровъ, названіе, положеніе, величина, дикари. Погибель капишана Баркера. Переходъ въ Западный портъ на островъ Филиппа — шюлени и охопа за ними; прогулка. Опытъ колонизаціи. 203

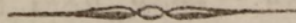
ГЛАВА ХСIII. *Австралія. Новый Южный Валлисъ.* Переходъ къ Портъ-Джаксону. Городъ Сидней—дома, улицы, строенія, число жителей. Ссылные и оппущенники. Поездка въ Параматта — ручные кангуры; Виндзоръ и Ливерпуль; возвращеніе въ Сидней. Визитъ Бунгари, начальника дикарей. Грубость и скопство туземцовъ; щепные усилія образовавъ ихъ; оппощенія ихъ къ Англичанамъ; прогулка въ торжественное собраніе дикарей — видъ ихъ, ршеніе споровъ и наказанія за убійство, примѣрные бипвы, игры, оппощенія невѣствъ. Маякъ Сиднейскій. Обрядъ гна-лунга. Похороны и могилы дикарей. Опплытіе изъ Авспраліи. 219

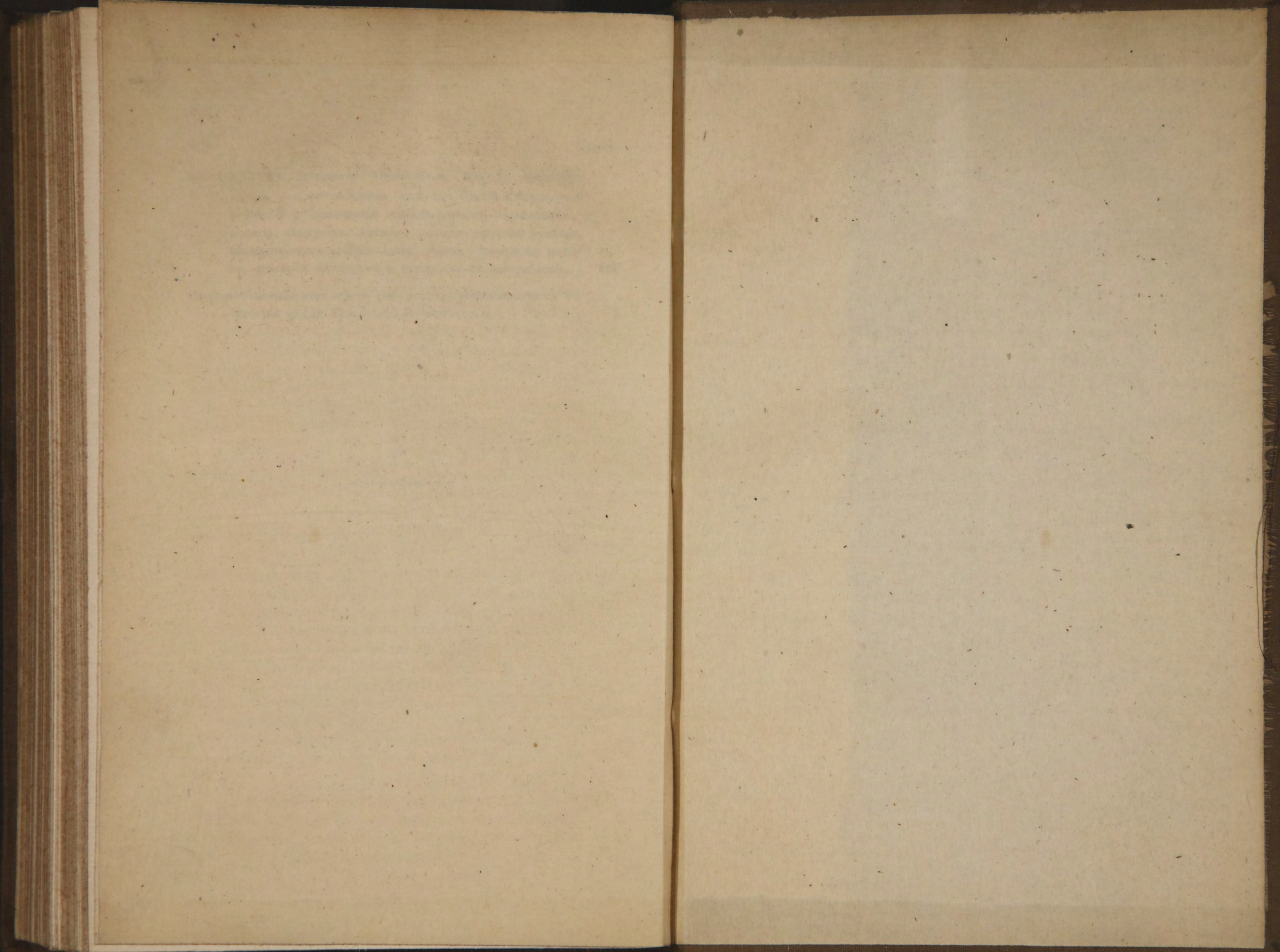
ГЛАВА ХСIV. *Австралія. Открытіе и Географія.* Первоначальныя извѣстія: Малайцы, Польмье де-Гонневиль, Великая Ява. Испорія опкрытія береговъ Авспраліи: корабль Duythen, Торресъ, Гашихъ, Фанъ-Эдель, Нуишъ, Пельсарпъ, Польшъ; Тасманъ—имя Новой Голландіи; Дампіеръ, Фламингъ; Кукъ, Ванкуверъ, Бассъ, Боденъ, Флиндерсъ, Кингъ, Фрейсине и Дюрвиль. Путешествія внутрь земли: преграда Синихъ горъ; Блаксландъ и его сопупники, Окслей и Куннингамъ, Спурпъ — опкрытіе рѣки Муррая; рассказы Бербера, Мипчель, Рое, Вильсонъ. Очеркъ Авспраліи, острова, заливы, климатъ, засухи, дожди, горы, рѣки. 265

ГЛАВА ХСV. *Австралія. Природа земли.* Царство живопныхъ, земноводныхъ, пресмыкающіяся, ппицы, насѣкомыя, раковины, прозябенія, минералы, горящія горы и упесы. Замѣчанія о географическихъ названіяхъ. . . 300

ГЛАВА ХСVI. *Австралія. Обитатели.* Порода жипелей; мысль о происхожденіи ихъ изъ Новой Гвиней; ихъ сложеніе и физическія свойства; пища, людоедство, одежда, папуажъ, леченіе, жилища, оружіе, ремесла, обществєнныя успановленія, браки, похороны, пляски, суевѣріе, число ихъ и поспєпєнное истребленіе. . 316

Описаніе пятидесяти трехъ рисунковъ, принадлежащихъ къ девятой частии Всеобщаго Путешествія. I

ДИОМОНЪ-ДИОРВ

В СЕОБЩЕЕ

МУТЕШЕСТВ

IX.

Д. Б.